

Гай Гэвриел Кей

18+

ДЕТИ ЗЕМЛИ
И НЕБА

Annotation

Четверть века минуло с тех пор, как Сарантий, Город императоров и Император городов, пал под натиском завоевателей-османов. Ныне имя ему — Ашариас, и в его храмах, посвященных солнечному Джаду, славят звезды Ашара, а из ворот его текут на запад несметные армии Великого Калифа Гурчу, прозванного Разрушителем.

Женщина-воин, движимая мстью. Художник, движимый искусством. Купец, движимый жаждой приключений. Шпионка, движимая необходимостью. Юный воин, движимый долгом. Их судьбы, и судьбы еще очень многих людей, — политиков и солдат, пиратов и торговцев, правителей и простолюдинов, — тесно переплетаются, а жизни оказываются поставленными на карту в великом противостоянии империй и вер. Ведь все они — дети земли и неба.

Гай Гэвриел Кей

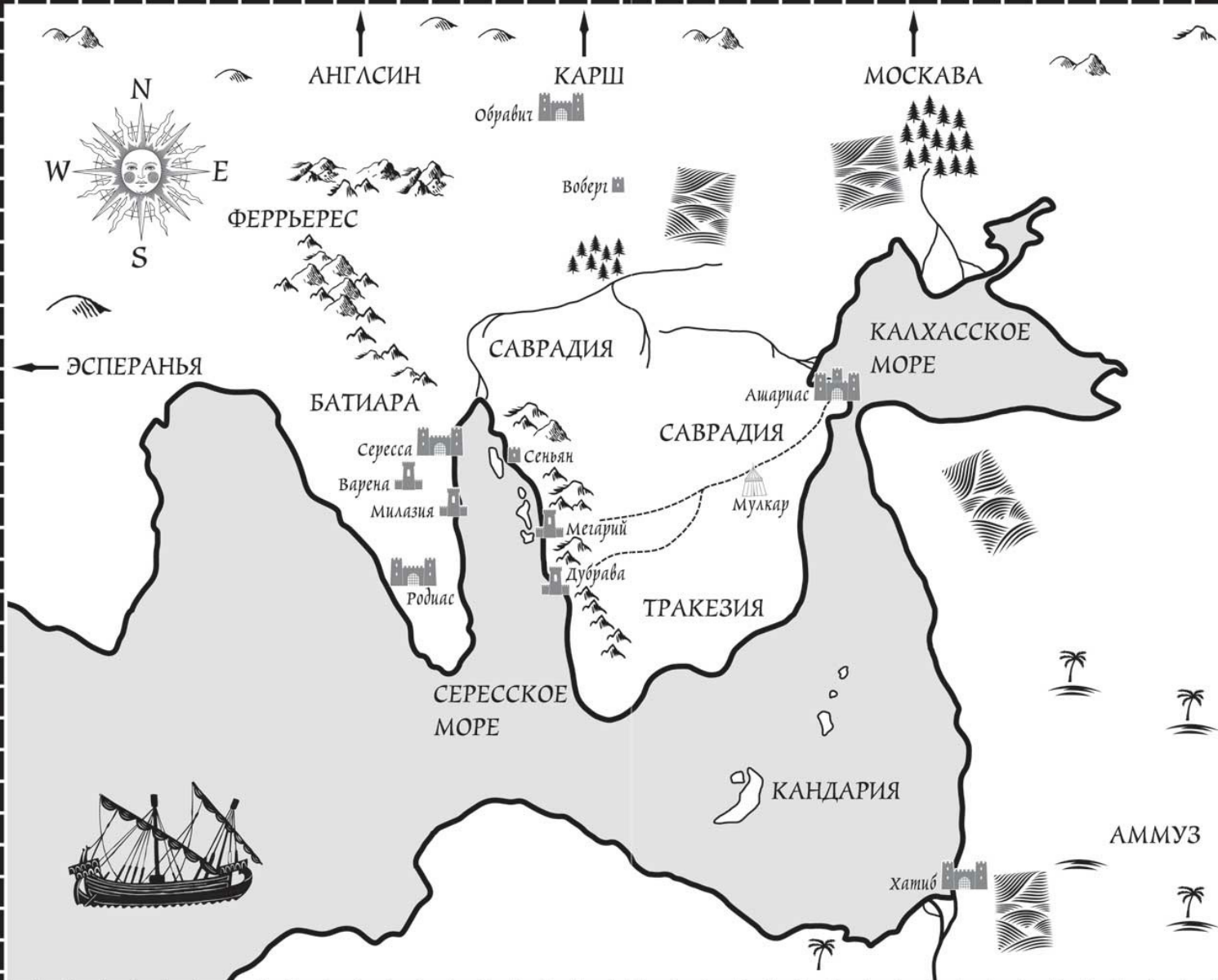
Дети земли и неба

Guy Gavriel Kay
Children Of Earth And Sky

Copyright © Guy Gavriel Kay, 2016
© Перевод Н. Х. Ибрагимова, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

*Посвящается Джорджу Джонасу и Эдварду Л. Гринспену,
дорогим ушедшим друзьям. Место обоих тоже здесь.*

мы были в самом начале, и все еще
только готовились двинуться в путь;
но мы уже изменились;

мы могли это видеть, вглядываясь друг в друга,
мы уже изменились, хотя так и не двинулись в путь,
и молвил один: «Ах, смотри, как мы постарели, стремясь
от утра к ночи попасть, ни в сторону, ни вперед» —
и странным таким волшебством этот путь показался нам...

Луиза Глюк

И все уносится в опасном наводнении
Истории, не знающей забвенья,
Она не дремлет и не умирает,

А если задержать ее хоть на мгновенье,
Она жестоко руку обжигает.

У. Х. Оден

Главные действующие лица (неполный список)

В Республике Сересса и в других местах Батиары:

Герцог Риччи, глава Совета Двенадцати Серессы

Лоренцо Арнести, член Совета Двенадцати
Амадео Франи, член Совета Двенадцати

Перо Виллани, художник, сын покойного Вьеро Виллани, также художника
Томо Агоста, его слуга
Мара Читрани, женщина, портрет которой пишет Перо

Якопо Мьюччи, лекарь
Леонора Валери, молодая женщина, выдаваемая за его жену

Граф Эриджо Валери из Милазии, отец Леоноры
Паоло Канавли, ее любовник в Милазии

Неро Грилли, купец из Серессы
Гвибальдо Ферри, купец из Серессы
Марко Бозини, купец из Серессы

Верховный Патриарх Джада в Родиасе

В Обравиче:

Родольфо, Священный Император Джада

Савко, имперский канцлер
Ханс, его главный секретарь
Витрувий из Карша, молодой человек у него на службе

Орсо Фалери, посол Серессы в Обравиче
Гаурио, его слуга

Вейт, куртизанка

В Сеньяне:

Даница Градек, молодая женщина

Невен Русан, ее дед по материнской линии

Хрант Бунич, предводитель пиратов Сеньяна

Тиян Лубич, пират Сеньяна

Кукар Михо, пират Сеньяна

Горан Михо, пират Сеньяна

В Республике Дубрава:

Марин Дживо, младший сын купеческой семьи

Андрей, его отец

Зарко, его брат

Драго Остая, капитан одного из их кораблей

Влатко Орсат, купец

Элена, его дочь

Юлия, его дочь

Вудраг, его сын

Радич Матко, купец

Ката Матко, его дочь

Евич, стражник во дворце Правителя

Джорджо Франи из Серессы (сын Амадео Франни), на службе у Серессы в Дубраве

Филипа ди Лукаро, Старшая Дочь Джада в святой обители на острове Синан

Юрай, слуга на острове

Евдоксия, Императрица Сарантия

В Ашариасе:

Гурчу, прозванный Разрушителем, Великий Калиф

Принц Джемаль, его старший сын

Принц Бейет, его младший сын

Йозеф бен Хананон, великий визирь

В Мулкаре:

Дамаз, ученик джанни, элитной пехоты калифа
Кочы, еще один ученик

Хафиз, командир джанни в Мулкаре
Касим, инструктор в Мулкаре

В Саврадии:

Бан Раска Трипон, прозванный Скандиром, мятежник, воюющий против ашаритов

Елена, деревенская целительница

Зорзи, фермер в Северной Саврадии

Растич, его ребенок

Мавро, его ребенок

Милена, его ребенок

У недавно прибывшего из Серессы посла упало сердце, когда он убедился, что император Родольфо, прославившийся своей эксцентричностью, всерьез собирается провести эксперимент с придворным протоколом.

Император любил эксперименты, это знали все.

По-видимому, послу предстояло упасть ниц и трижды коснуться лбом пола, — и проделать это два раза! — когда он наконец получит приглашение предстать перед троним императора. Весьма высокопоставленный чиновник, сопровождающий его, пояснил, что это следует выполнить так, как принято кланяться Великому Калифу Гурчу в Ашариасе.

Именно так, задумчиво прибавил придворный, в давние времена полагалось приближаться к великим восточным императорам. Родольфо, очевидно, теперь интересуется эффектом от соблюдения такого официального проявления почтения. А так как Родольфо является потомком царственных правителей прошлых времен, это имеет смысл, не так ли?

Никакого смысла это не имеет — таково было невысказанное мнение посла.

Он понятия не имел, каким будет этот ожидаемый эффект.

Он вежливо улыбнулся. Кивнул. Поправил свою бархатную мантию. В приемной, где они ожидали аудиенции, он наблюдал, как второй придворный чиновник — молодой, светловолосый — с энтузиазмом демонстрировал это приветствие. От одного предчувствия боли у посла уже разболелись колени. И спина тоже. Он понимал, что, имея на талии доказательства своего процветания, он будет выглядеть глупо всякий раз, падая ниц и поднимаясь на ноги.

Родольфо, Священный Император Джада, просидел на троне уже тридцать лет. Никому бы не пришло в голову назвать его глупым — при дворе императора собралось много выдающихся художников, философов, алхимиков (ставящих *эксперименты*), но приходилось учитывать непредсказуемость, а, возможно, и безответственность этого человека.

Конечно, это делало его опасным. Орсо Фалери, послу республики Сересса, ясно дали это понять в Совете Двенадцати перед тем, как он отправился сюда.

Он считал свое назначение на эту должность ужасной неприятностью.

Формально, это почетная должность, конечно. Один из самых высоких постов за рубежом, на которые Совет Двенадцати может назначить гражданина Серессы. Это означает, что по возвращении он может рассчитывать стать одним из членов Совета, если кто-нибудь уйдет в отставку или умрет. Но Орсо Фалери горячо любил свой город каналов, мостов и дворцов (особенно свой собственный дворец!). Вдобавок, в Обравиче, на этом посту, у него будут очень ограниченные возможности увеличить свое состояние.

Он был послом — и наблюдателем. Подразумевалось, что все личные интересы откладываются на год или, может быть, на два, пока он будет здесь.

Два года — эта мысль приводила в отчаяние.

Ему даже не позволили взять с собой любовницу, а жена, разумеется, отказалась поехать с ним. Фалери мог бы настоять, но он же себе не враг! Нет, ему придется по мере возможности находить развлечения, которые предлагает этот продуваемый ветрами северный город, столь далекий от каналов Серессы, где в освещенной факелами ночи звучат песни любви, а мужчины и женщины, закутанные в плащи от вечерней сырости, иногда под масками, бродят по городу, скрываясь от любопытных глаз.

Орсо Фалери был готов изображать интерес, обсуждая природу души с философами императора, или слушать, как какой-нибудь алхимик, поглаживая опаленную огнем бороду, объясняет свои поиски темных тайн превращения металлов, — но только до определенного предела, конечно.

Если он плохо выполнит поставленные ему задачи, как явные, так и тайные, дома это отметят, и последствий избежать не удастся. Если он справится с ними успешно, его могут оставить здесь на два года! Ужасные обстоятельства для цивилизованного мужчины, преуспевающего в коммерции, и оставившего дома роскошную женщину.

А теперь еще этот османский земной поклон с тремя касаниями лбом пола! Который надо выполнить дважды! Добрые люди, подумал Фалери, страдают от причуд царственных особ.

В то же время его новая должность имеет колоссальное значение, и он это понимал. В том мире, где они обитают, добрые отношения с императором Обравича жизненно важны. Разногласия допустимы, но открытый конфликт может губительно сказаться на торговле, а торговля была самой сутью жизни Серессы.

Для серессцев первостепенное значение имела идея мирного сосуществования, с открытой, безопасной торговлей по всему созданному богом миру. Она значила больше (хотя об этом никогда не сказали бы вслух), чем прилежное следование доктринам Джада, провозглашаемым священнослужителями бога солнца. Сересса торговала, и активно, с неверными османами на востоке — вне зависимости от того, что говорили и требовали Верховные Патриархи.

Патриархи в Родиасе приходили и уходили, произносили гневные речи в своем гулком дворце или интриговали, как придворные, призывая к священным войнам и убеждая в необходимости вернуть завоеванный османами Сарантий и изгнать оттуда веру Ашара. Это входило в обязанности Патриарха. Никто его за это не попрекал, но для Серессы отрицающие Джада османы предоставляли один из самых богатых рынков на свете.

Фалери хорошо понимал это. Он был купцом, сыном и внуком купцов. Его семейный палаццо на Большом канале был построен, расширен и роскошно обставлен на доходы от торговли с востоком. Сначала оттуда ввозили зерно, потом драгоценности, пряности, шелк, квасцы, лазурит. Все то, в чем нуждался запад, или чего он желал. Ласкающие кожу шелка, которые носили его жена и дочери (и любовница, которой они шли куда больше), доставляли в лагуну на галерах или круглых кораблях, курсирующих между портами ашаритов и Серессой.

Великий Калиф тоже любил торговлю. Ему надо было содержать свои дворцы и сады, а также дорогостоящую армию. Он мог нападать на земли и крепости императора там, где границы все время менялись, и Родольфо приходилось тратить деньги (которых у него не было) на укрепление обороны в этих местах, но Сересса и ее торговый флот не хотели принимать никакого участия в этом конфликте: больше всего им нужен был мир.

Это означало, что синьор Орсо Фалери приехал сюда с определенной миссией и с заданием оценить положение и отправить свои соображения в зашифрованных посланиях, пусть даже его томит тоска и переполняют воспоминания, имеющие мало отношения к политике или тощим философам северного города.

Его главная задача, ясно сформулированная Советом Двенадцати, была связана с жестокими, ненавистными, унижающими Серессу пиратами из обнесенного стенами города Сеньяна. Эта задача была близка и купеческой душе самого Фалери. И еще это дело было

ужасно деликатным. Жители Сеньяна были подданными — чрезвычайно верными подданными — императора Родольфо. Они были, по широко цитируемому выражению императора, «его храбрыми героями пограничья». Они совершали набеги на деревни и фермы ашаритов во внутренних областях и отражали ответные рейды, защищая джадитов всюду, где только могли. В сущности, они были преданными (и бесплатными) солдатами императора.

А Сересса хотела уничтожить их, как ядовитых змей, скорпионов, пауков, — называйте, как хотите.

Серессцам хотелось стереть их с лица земли, снести их стены, сжечь их корабли, повесить разбойников, порубить на куски, убить одного за другим в сражении, сжечь на огромном погребальном костре, который будет видно за много миль, или оставить на съедение зверям. Серессе было все равно, лишь бы они умерли. Хотя было бы неплохо приковать их в качестве рабов на галерах. Это было бы даже лучше — флоту всегда не хватало рабов.

Очень сложная задача.

Как бы старательно Сересса ни патрулировала море, сколько бы военных галер она ни выслала, как бы бдительно ни сопровождали торговые суда, пираты Сеньяна находили способ забраться на борт некоторых из них в длинном узком Сересском море. Полностью обезопасить себя от них было невозможно. Они совершали рейды круглый год, в любую погоду. Некоторые говорили, что они умеют управлять погодой, что их женщины делают это с помощью колдовства.

Один маленький город, всего две-три сотни воинов за его стенами — но ох, какой погром они устраивали на сересских кораблях!

Бесконечные жалобы от калифа и его великого визиря сыпались в Обравич и в Серессу. Как, вопрошали ашариты в любезных фразах, они могут продолжать торговлю с Серессой, если их люди и товары становятся добычей жестоких пиратов? Чего стоят заверения правителей Серессы о безопасности в море, которое они гордо называли именем своей страны?

В самом деле, задавали они вопрос в некоторых письмах, может быть, в Серессе втайне радуются, когда османских купцов, верных последователей учения Ашара, берут в плен ради выкупа, или с еще худшими намерениями, пираты Сеньяна?

Главная его задача на эту осень и зиму, как внушали Фалери члены Совета Двенадцати, — заставить рассеянного непредсказуемого императора позволить Серессе обрушить свою ярость на город пиратов.

Родольфо необходимо понять, что пираты Сеньяна не только совершают набеги через горы на безбожников-неверных или захватывают их товары на кораблях. Нет! Они курсируют на веслах или под парусами вдоль изрезанной береговой линии, подходя к поселениям, подвластным Серессе. Они заходят еще дальше на юг, до недавно образовавшейся морской республики Дубрава (с ней у Серессы тоже были не лучшие отношения).

Тамошние города и поселки населены джадитами, императору об этом известно! В них живут благочестивые последователи Джада. Эти люди и их товары не должны быть мишенями пиратов! Обитатели Сеньяна — пираты, а не герои. Они захватывают корабли честных торговцев, идущие в Серессу, королеву всех городов джадитов. А ведь торговцы идут покупать и продавать, делать Серессу богатой. Безмерно богатой.

Подлые, лицемерные разбойники заявляют, будто захватывают только товары,

принадлежащие ашаритам, но это всего лишь поза, притворство, злая, черная шутка. Их благочестие — маска.

Серессцам все известно о масках.

Фалери и сам потерял за два года три груженных корабля (шелк, перец, квасцы) из-за пиратов Сеньяна. Он не поклоняется звездам ашаритов или двум лунам киндатов. Он такой же правоверный джадит, как и император (может, даже более правоверный, если учесть алхимию Родольфо).

Его личные потери, внезапно подумал он, когда молодой лощеный придворный выпрямился после шестого земного поклона (шестого!), возможно даже послужили причиной его назначения сюда. Герцог Риччи, глава Совета Двенадцати, мог проявить подобную изобретательность. Фалери будет склонен горячо обличать зло, представителями которого являются пираты Сеньяна.

— Император получил те подарки, которые вы привезли, — тихо произнес высокий чиновник с улыбкой. — Ему очень понравились часы.

Конечно, ему понравились часы, подумал Фалери. Поэтому они их и выбрали.

На изготовление этих часов ушло полгода. Они сделаны из слоновой кости и красного дерева и инкрустированы драгоценными камнями. На них изображены голубая и белая луна в соответствующей фазе. Они предсказывают затмение солнца. Каждый час появляется воин-джадит и бьет булавой по голове бородатого турка-османа.

Если это устройство правильно настроить, оно равномерно тикает. Фалери привез с собой человека, который умеет это делать. Посол также считал, что этому человеку поручено шпионить за ним. Всегда кто-то шпионит. С этим почти ничего нельзя поделать. Информация — вот железный ключ к этому миру.

Орсо Фалери чувствовал, как быстро пролетают мгновения его жизни под это тиканье. Его любовница красива, молода, одарена богатым воображением, но не славится терпением. Многие у них дома открыто желают ее, в том числе два члена Совета. По меньшей мере два.

Он безмерно несчастлив — и это надо скрывать.

Огромные дверные створки распахнулись. Появились слуги в белой с золотом одежде, снова высокорослые мужчины, вытянувшиеся по струнке. Придворный чиновник (необходимо начать запоминать имена) опять улыбнулся Фалери. Еще один мужчина вышел из дверей и приветствовал его. Посол знал, что это канцлер. О нем шел разговор еще дома. Канцлер Савко кивнул. Посол Фалери кивнул в ответ.

Они вместе вошли в большую, длинную комнату. Почти в самом ее конце на ковре стоял трон. В очагах горел огонь, но все равно было холодно.

Часы стояли на столе рядом с троном. Они тикали. Фалери услышал это, когда тяжело поднялся после второго земного поклона. Ему удалось встать на ноги без посторонней помощи, что его обрадовало, но он весь покрылся потом в своей тяжелой одежде, несмотря на осенний холод в помещении. В данный момент было бы неприлично вытереть лоб. Его шелковая сорочка под дублетом стала влажной и прилипла к телу. Он старался незаметно восстановить дыхание.

Часы громко тикали в тишине комнаты.

Родольфо, Священный Император Джада, король Карша, Эспераньи на западе, северных пределов Саврадии, предъявляющий права (спорные) на некоторые части Феррьереса, на часть Тракезии и разные другие территории и острова, Меч Верховного Патриарха в Родиасе, потомок прославленного семейства (заклучавшего внутрисемейные браки) задумчиво

произнес:

— Нам нравится это устройство. Оно делит вечность.

Никто не ответил, хотя в комнате находилось человек сорок или пятьдесят. Но женщин не было, осознал Фалери. В Серессе в такие моменты, как этот, всегда присутствовали женщины, украшения жизни, часто потрясающе умные. Он переступил с ноги на ногу. У него еще кружилась голова; комната дрожала и качалась, как головка ребенка. Его бросило в жар, во рту пересохло. Они могли убить его этими поклонами. Он мог умереть на коленях в Обравиче!

Император оказался человеком более высокого роста, чем он ожидал. У Родольфо был крючковатый нос и скошенный подбородок династии Колбергов, бледная кожа и светлые волосы. Крупные кисти рук, прищуренные глаза над этим носом, выражение которых трудно было прочесть.

В конце концов канцлер прервал тикающую тишину:

— Ваше превосходительство, имею честь представить вам достойного посла Республики Сересса, который прибыл к нам, чтобы вступить на эту должность. Его зовут синьор Орсо Фалери, он привез документы посла, скрепленные печатью этой республики, и просит позволения приветствовать вас.

Он уже приветствовал, мрачно подумал Фалери. Шесть раз приложился головой к мраморному полу. А теперь, наверное, должен подползти и поцеловать императорскую туфлю? В Ашариасе именно так и поступают, не так ли? Этот великий город, обнесенный тройными стенами, теперь не называется Сарантием, его завоевали. Именно там правит калиф. Городу Городов дали новое название после падения — ужасной катастрофы их века.

Двадцать пять лет назад. До сих пор трудно осознать, что это случилось. Они живут в печальном, жестоком мире, часто думал Орсо Фалери. Однако деньги все равно нужно зарабатывать.

Наконец, император посмотрел на него. Отвернулся от тикающего подарка и посмотрел на посла державы, более богатой, чем его, которая ссужала его деньгами и была более свободной и развитой почти во всем.

«Ну, хорошо», — подумал Орсо Фалери.

Родольфо тихо произнес:

— Мы благодарим республику Сересса за ее подарки и за то, что она прислала к нам синьора Фалери. Синьор, мы рады снова видеть вас. Добро пожаловать в Обравич. Надеемся, нам доставит удовольствие ваше пребывание здесь.

И с этими словами он снова повернулся к часам, но все же прибавил в качестве объяснения, отводя взгляд:

— Мы ждем, чтобы увидеть, как выйдет человек с булавой и ударит неверного.

Многие говорили, думал Фалери, в том числе и их прежний посол, что, вероятно, император сходит с ума. Это возможно. Фалери может провести два года жизни, надорвать спину и разбить колени, погубить сердце и другие органы своего тела при дворе у лунатика. В императорской родословной были безумцы. Все эти близкородственные браки... Безумие могло проявиться опять.

«Мы рады снова видеть вас?»

Между прочим, Орсо Фалери никогда раньше не встречался с императором.

Это свидетельство поврежденного рассудка, заблудившегося в алхимии и философии, или пустая шуточка правителя, не обращающего внимания на то, что он говорит? Фалери мог

бы счесть это оскорблением. Как представитель Серессы, конечно. С другой стороны, их подарок принят с одобрением. Это хорошо, не так ли?

Все смотрели на часы.

Воин-джадит в латах из серебра с солнечным диском на груди, держащий в руках золотую булаву, вышел на полукруглую дорожку из двери в левой части устройства. Солдат-осман, одетый в форму элитной пехоты джанни, бородатый, вооруженный кривой саблей, появился одновременно справа. Они встретились посередине, перед циферблатом часов. Оба остановились. Перезвон продолжался. Джадит начал бить ашарита по голове булавой. Он нанес три удара. Это означало три часа. Перезвон смолк. Воины удалились в корпус часов, разошлись налево и направо. Дверцы закрылись, скрыв их от зрителей. Часы тикали.

Священный Император Джада громко рассмеялся.

В тот же день, ближе к вечеру, когда пошел холодный дождь, канцлер Священной империи джадитов, человек, обремененный тяжелыми официальными обязанностями, уединился вместе с двумя советниками в хорошо освещенной комнате.

Император в тот момент находился на верхнем этаже дворца — точнее, в башне, — где предпринималась последняя на данный момент попытка изменить сущность куска свинца под руководством маленького, агрессивного, неопрятного человечка из Феррьереса. Говорили, что экспериментаторы добились больших успехов.

В этой комнате проходило обсуждение более прозаичных вещей. Речь шла о после из Серессы. Беседа была оживленной. Высокий секретарь канцлера Савко и молодой человек по имени Витрувий, не занимающий никакого высокого официального поста, но проводящий большинство ночей в постели канцлера, придерживались обоюдного мнения, что новый посланник из Серессы — глупец.

Канцлер напомнил, что Сересса не стала бы таким мощным государством, если бы держала на важных постах глупцов. Он не согласился с их оценкой. Более того, он пошел еще дальше и сделал обоим выговор — заставив младшего покраснеть (что сделало его еще более привлекательным) — за то, что они вообще так поспешно составили мнение о синьоре Фалери.

— В этом деле, — сказал он, поднимая непременно чашу подогретого вина с пряностями, — быстрота не является уместной и ничему не способствует.

Он медленно выпил вино, будто хотел довести до слушателей справедливость своего утверждения. Поставил чашу и посмотрел в зарешеченное окно в потеках воды. Дождь и туман. Дома с красными крышами едва виднеются внизу, возле серой реки.

— Нам пока не нужно составлять о нем какое-то мнение, — сказал он. — За ним можно понаблюдать не спеша.

— Он спрашивал о женщинах, — сообщил секретарь. — Узнавал, где можно найти самых соблазнительных куртизанок. Это может быть слабостью?

Канцлер взял это на заметку.

— Это уже лучше, — сказал он. — Снабжайте меня информацией, а не суждениями.

— Что вы о нем думаете? — спросил секретарь.

— Я думаю, что он из Серессы, — ответил Савко. — Я думаю, что Сересса всегда опасна, за ней всегда надо наблюдать, а они послали к нам этого человека. Он еще что-нибудь сказал?

— Немного, — ответил секретарь, которого звали Ханс. — Упомянул пиратов,

необходимость справиться с ними совместными усилиями.

— А! — отозвался канцлер. Он этого ожидал. И сделал еще одну пометку для себя. — Это он о Сеньяне. Очень скоро он сделает нам заявление насчет них.

— Что мы ответим? — спросил его любовник. Витрувий был родом из Карша. Светлокожий блондин, голубоглазый и широкоплечий, как многие жители севера, и достаточно умный, чтобы выполнять свои задачи. Он был полностью предан канцлеру, что всегда имеет решающее значение при дворе, и он умел убивать людей.

Канцлер по привычке подергал себя за усы.

— Я пока не знаю. Это зависит от османов, в какой-то степени.

— Как и большинство всех дел, — заметил секретарь Ханс.

Он, строго говоря, был слишком умен для своего нынешнего положения. Нужно будет подумать насчет его повышения до должности государственного чиновника этой зимой. Полезного человека не следует оставлять недовольным.

Савко одарил секретаря редко появлявшейся на лице канцлера улыбкой.

— Ты прав, разумеется, — сказал он. — Налей себе вина. Оба налейте. Ужасный вечер.

Несмотря на погоду, канцлер был настроен благодушно. Во-первых, нога не болела, и он получал удовольствие, разгадывая такие маленькие загадки, как те, что задал им новый посол. Он занимал эту должность уже пятнадцать лет, половину срока правления императора. И знал, что хорошо справляется со своими обязанностями.

Он удержал этого непростого императора на троне и обеспечил ему безопасность, не так ли? Ну, в основном обеспечил. Деньги оставались огромной, трудноразрешимой проблемой, а османы в последние несколько лет продвигались все дальше почти каждую весну.

Савко вскоре получит доклад о состоянии укреплений империи, так как сезон военных кампаний уже закончился. Он не горел желанием прочесть его. Есть вероятность, что большой форт Воберг снова будет осажден следующей весной, а в этом случае там нужно срочно начинать дорогостоящие восстановительные работы.

— Я все равно думаю, что этот новый посол — глупец, — сказал Витрувий, наливая вино.

— Давайте попробуем это выяснить поточнее, а? — мягко ответил канцлер.

Он подумает о пограничных фортах тогда, когда появится соответствующая информация. Часть его искусства заключалась в том, чтоб не приступать к делу, пока он не получит нужных ему фактов. Он был бесконечно уверен в том, что считал определяющей истиной этого мира: власть почти всегда все решает.

Глядя в залитое дождем окно на спускающийся дождливый вечер, Савко дал быстрые, точные распоряжения, касающиеся Орсо Фалери, который, по-видимому, любит женщин, особенно, наверное, в холодные осенние ночи. Проблему отношений с новым послом он мог начать обдумывать сейчас. Он уже делал это прежде, и не один раз.

Нельзя сказать, что Сересса отличалась теплой и солнечной погодой в конце осени. В самом деле, если быть честным, придется признать, что в его городе у лагуны могло быть холоднее, чем в Обравиче. Туман и сырость, пронизывающая до костей, даже во дворце на Большом канале. «На свете не хватит каминов, — думал Орсо Фалери, — чтобы полностью согреть тебя дома мокрой осенью или зимней ночью».

И все равно, все равно. Уехав из дома, острее ощущаешь холод. Таковы люди, таков мир.

Незнакомый дом среди чужих людей, темнота сгущается под шум дождя. Поэты писали о таких вещах.

Когда он был моложе, он совершил свою долю путешествий по делам семьи, плавал на восток на их судах (тогда — на судах отца), терпел то, что случается с человеком в море, или в чужих портах, где звон колоколов призывает неверных-ашаритов на молитву.

Однажды Орсо Фалери настоял на поездке в пустыню Аммуз и отправился с охраной в глубь суши из порта Хатиб перед тем, как отплыть домой с грузом зерна. Он смотрел на бесчисленные звезды, сидя у палатки ночью. Вспомнил, что его тогда укусил паук.

Если и есть нечто приятное в старении, так это то, что он теперь достиг момента, когда другие совершают такие путешествия вместо него. Он не жалел о том, что повидал свет. Мужчине нужно, думал он, познать горький вкус чужих столов, жесткость постелей вдали от дома, опасности и лишения, чужеродность дальних краев. Укусы пауков в ночной пустыне.

Это заставляет ценить то, что ты имел дома.

Он в полной мере оценил это сегодня вечером. Дождь, начавшийся во второй половине дня, так и не прекратился. Посол подумал, что дождь может перейти в снег, который, по крайней мере, превратился бы в мягкий белый покров на голых ветвях деревьев, но пока этого не произошло. В Обравиче было просто мокро и холодно. И ветрено. Ветер дул с севера, в нем чувствовалась зима. От него дребезжали окна.

«Могли бы устроить в мою честь пир», — подумал он. Его первый официальный вечер в качестве посла, документы вручены и приняты. Его могли бы принять, как следует. Конечно, за ним бы наблюдали и обсуждали бы его на таком пиру, но и он бы наблюдал и судил тех, с кем познакомился. Именно так это и бывает, в конце концов. Сила оценивает силу.

Вместо этого он сидел в резиденции посла, ниже дворца, но на том же берегу реки, один, не считая слуг. Часовой мастер остался во дворце. По-видимому, император пожелал поселить его среди своих людей искусства и ученых. Это хорошо. Фалери не доверял часовщику. Он не был одним из его людей. Он взял с собой только одного слугу, Гаурио. Другие слуги ему достались вместе с домом. Они жили здесь, обслуживая того посла, который поселился в нем на этот год. Или на два года — да избавит Джад его жизнь и душу от этого.

Тем не менее, Фалери получил удовольствие от еще одной вполне приемлемой трапезы. Очевидно, повар знает свое дело. Неожиданное благо. Он выпил очень хорошего вина — своего собственного. Он привез с собой три бочки красного кандарского, и может выписать еще. В отчетах писали всякие ужасы, что в Обравиче чаще всего подают эти бледные кислые вина каршитов или пиво, — ни от одного цивилизованного человека нельзя требовать, чтобы он пил эти напитки целый год. Или два года. (Ему необходимо перестать думать об этом.)

Он находился в комнате, обставленной как кабинет, на первом этаже. Прочный письменный стол, кресло за ним, кушетка, терраса, выходящая на юг с видом на реку, — ею пользовались в более теплое время года. Камин приличных размеров, два массивных кресла по обеим сторонам от него, большой стол, сундуки для вещей с замками, картины из Серессы на стенах. На одной из них, кисти раннего Виллани, была изображена лагуна на рассвете: лодки на яркой воде, два святилища со сверкающими куполами, колонны со львами, Арсенал, едва виднеющийся справа. Эта картина будет вызывать у него тоску, подумал он.

Вьеро Виллани умер в начале этого года. Говорили, что он кашлял кровью, но это не чума. Хороший художник, по мнению Фалери. Не из числа величайших, но искусный мастер.

Самому послу принадлежали две работы Виллани. И сегодня, глядя на картину (его дворец находится чуть левее от этого места), он угрюмо поднял бокал, салютуя этому изображению и этому человеку.

Не каждый может стать мастером. Можно построить достойную жизнь и на более низком уровне достижений. Ему показалось, что это важная мысль. Но он осознал, что ему не с кем ею поделиться.

Он уже соскучился по Аннализе. Они бы усадила его у огня, налила для них обоих по новой чаше вина, с сочувствием выслушала бы его рассказ об этих шести преклонениях колен и об императоре со слабым подбородком, который хлопал в ладоши, как ребенок, когда раздался перезвон их часов и воин ударил турка.

Потом она бы пошла наверх, в постель, распустила бы свои великолепные волосы и согрела его волшебством своей юности, пока солнечный бог гонит свою колесницу под миром и защищает человечество от всего того, что может напасть на него в ночи.

Фалери допил свое вино. Налил еще одну чашу. Интересно, где она сегодня ночью? И одна ли? Он надеялся, что одна. А потом услышал стук в дверь снаружи, из дождя и мрака.

После Фалери отослал женщину домой. Не без труда, так как она оказалась теплой и податливой в постели, но это была игра правящих дворов, а не страсть, и пусть они здесь не считают, что так быстро узнали его цену.

По правде говоря, этот прием был слишком прозрачным. Такая прямолинейность — почти оскорбление. Или, возможно, просто северная топорность. Фалери спросил насчет женщин у мужчины с соломенными волосами (и узнал его имя: Витрувий), и — о, смотрите, как удивительно! — в ту же ночь у его двери появилась девушка в сопровождении телохранителя, надушенная, в зеленом шелковом платье с глубоким вырезом, которое он увидел после того, как она сбросила мокрый, темный, плотный плащ с капюшоном.

Ее зовут Вейт, произнесла она тихим, трогательным голосом. Да, ненастная ночь. Да, вино бы было очень кстати.

Он угостил ее вином в своей спальне (лучше всего приобрести привычку не впускать девушек в комнату на первом этаже, где будут лежать бумаги), а потом получил с ней удовольствие. Настоящее удовольствие. Вейт симулировала страсть и удовлетворение с искусством, свидетельствующем о большом опыте, его это позабавило. Вот здесь — никакой северной топорности. Потом они немного побеседовали об осенней погоде и импорте шелка, а после он позвал Гаурио и велел проводить девушку вниз, к входной двери, где ее, надо полагать, ждет телохранитель, укрывшись где-нибудь от дождя. Казалось, она была немного обескуражена тем, что ее попросили одеться и уйти так быстро. Но ничего.

Фалери велел слуге не скупиться, хотя ей наверняка заплатили при дворе. Она заработала *его* деньги, рассудил он, даже если не заработала *их* денег.

Среди ночи Орсо Фалери внезапно проснулся. Его разбудила мысль, появившаяся неизвестно откуда, хотя нет, известно — из глубины сна-воспоминания.

Он стоял со своим отцом у лагуны возле Арсенала. Вода плескалась о камни. Большой корабль императора стоял у причала — это был визит правителя из Обравича. Герольд представлял сановников республики предшественнику этого императора, в том числе уважаемое семейство процветающего купца Фалери.

Старший сын императора, Родольфо, прибыл вместе с отцом. Он шел позади императора, сцепив руки за спиной, и с любопытством смотрел по сторонам. Фалери был

тогда мальчиком, принц Родольфо — юношей.

Но в тот день они видели друг друга. Почти сорок лет назад.

«Мы рады снова вас видеть».

Фалери стало зябко, и вовсе не от сквозняка.

Он натянул на уши ночной колпак. Было бы серьезной ошибкой, решил посол, окончательно проснувшись в ночной темноте, принять этого императора, каким бы рассеянным он ни казался, за глупца. Посол должен написать об этом, шифром, в своем первом отчете.

Фалери надеялся, что они тут, в Обравиче, допустили такую же ошибку в суждениях о нем. Может быть, Орсо удастся вести себя так, чтобы они продолжали так о нем думать. Это было бы даже забавно.

Дождь прекратился. Теперь снаружи стало тихо. Жаль, что он не оставил при себе девушку, она была такой теплой. А двор мог бы сделать о нем кое-какие выводы. Не совсем неправильные, признал Фалери, но было бы полезно, если бы они считали его всего лишь сластолюбивым и некомпетентным.

Он лежал в постели и думал о пиратах Сеньяна, разбойниках, скрывающихся за рифами и стенами. Его первоочередной задаче здесь. Он должен вынудить этого императора, — который действительно запомнил его, увидев всего один раз, мальчишкой, — позволить Серессе уничтожить пиратов, в качестве жеста доброй воли и ради торговли.

Он уполномочен прямо предложить денег, и не только в виде займов. А император нуждается в деньгах. Османы почти наверняка снова выступят против него в поход весной.

Даница не собиралась брать с собой пса, когда вышла из дома в безлунную ночь, чтобы начать следующий этап своей жизни.

Проблема была в том, что Тико прыгнул в лодку, пока она отталкивала ее от берега, и отказался покинуть ее, когда она шепотом отдала ему команду. Она понимала, что если столкнет его в неглубокую воду, Тико залает в знак протеста, а этого она не могла допустить. Поэтому пес был вместе с ней, когда она повернула в черный залив. Это могло бы быть комичным, но не было, потому что она собиралась убивать людей, а, несмотря на свою репутацию жесткой и холодной женщины, Даница еще никогда не убивала.

«Пора начинать», — подумала она.

Сеньянцы называли себя героями, воинами бога, охраняющими опасную границу. Если она собирается добиться, чтобы ее приняли в пираты, и не хочет в будущем стать только матерью воинов (и дочерью воина, и внучкой, конечно), ей пора начинать. А еще ей необходимо отомстить. Не Серессе, но это может стать началом.

Никто не знал, что она сегодня ночью вышла в море на маленькой семейной лодочке. Даница была осторожна. Она не замужем, и живет теперь одна в их доме (все ее родные мертвы с прошлого лета). Она может бесшумно приходиться и уходить по ночам, а все молодые люди в Сеньяне знают, как выбраться, когда надо, за городские стены — в сторону суши или вниз, к каменистому берегу и лодкам.

Вожаки пиратов могут наказать ее за то, что она собирается сделать ночью, а маленький гарнизон императора почти наверняка захочет это сделать, и она готова к этому. Ей просто нужно успешно выполнить свою задачу. Безрассудство и гордость, мужество, вера в Джада и ловкость — эти качества считали присущими себе все жители Сеньяна. Даницу могут наказать, и все равно будут уважать — если она сделает то, что задумала. Если не ошиблась насчет этой ночи.

Не смущало ее и то, что мужчины, которых она намеревалась убить, были ее единоверцами, почитателями Джада, а не отрицающими бога османами, — как те, что много лет назад разрушили ее деревню.

Даница без труда вызвала в себе ненависть к высокомерной Серессе, лежащей на другом берегу узкого моря. Во-первых, эта жадная республика торговала с неверными, предавала бога в погоне за золотом. Во-вторых, Сересса организовала блокаду Сеньяна, заблокировала все его суда в гавани или на прибрежной полосе, и теперь город голодал. Остров Храк расположен так близко, что до него можно было бы добраться вплавь, но его контролировали серессцы, и они запретили островитянам под страхом повешения торговать с Сеньяном (разумеется, кое-какая контрабандная торговля шла, но слишком незначительная, и давала она слишком мало). Серессцы вознамерились уморить жителей Сеньяна голодом или уничтожить их, если те выйдут в море. Это ни для кого не было тайной.

Сухопутный отряд из двадцати пиратов отправился на восток через перевал на земли ашаритов, но конец зимы — не то время, когда там можно найти много пищи, а риск был огромный.

Еще слишком рано, чтобы понять, выступят ли османы снова в этом году в поход на крепости империи, но, вероятно, так и будет. Здесь, на западе, герои Сеньяна могли пытаться угонять скот или захватывать крестьян в заложники и требовать выкупа. Они могли бы

сразиться с большим числом диких хаджуков, если бы встретили их, но только не в том случае, если количество тех сильно выросло, или если хаджуки привели с собой кавалерию с востока.

Все таит в себе риск для обычных людей в эти дни. Власти при дворе, кажется, не слишком много думают о героях Сеньяна, как и вообще о людях с приграничных земель.

Тройная граница, так они ее называли: Османская империя, Священная империя джаддитов, Республика Сересса. Здесь сталкивались амбиции. На этих землях добрые люди страдали и умирали за свои семьи и за свою веру.

Преданные герои Сеньяна приносили пользу своему императору. Во время войны с ашаритами они получали из Обравича хвалебные письма на дорогой бумаге, а очень часто — еще и с полдюжины солдат, которые размещались в высокой круглой башне недалеко от их стен в стороне от моря, чтобы усилить обычно стоящий там маленький гарнизон. Но когда требования торговли, или финансов, или конфликты среди народов, исповедующих джаддизм, или необходимость положить конец этим конфликтам, или любые другие факторы в высокомерном мире правящих дворов вынуждали заключать договор — ну, тогда пиратами из Сеньяна, героями, можно было и пожертвовать. Ведь если османский двор или огорченные послы Серессы подавали жалобы, пираты становились «проблемой», «угрозой миру».

«Кровожадные дикари презрели нашу клятву хранить мир с османами, нарушили условия договора. Они захватывали перевозимые морем товары, совершали набеги на деревни и продавали людей в рабство...» Так писали из Серессы, это всем известно.

Император, читая это, должен вести себя более достойно и осторожно, думала Даница, рассекая веслами воду, в которой отражались звезды. Разве он не понимает, что им от него нужно? Враждующие деревни или фермы на беспокойной границе, разделенные верой, не становятся мирными, повинувшись росчерку пера при дворах далеких правителей.

Если живешь на каменистой земле или у каменистого берега, тебе все равно нужно кормить себя и своих детей. Героев и воинов нельзя вот так просто обозвать дикарями.

Если император не заплатит им за защиту его земли (их земли!), или не пошлет на помощь солдат, или не позволит им самим находить для себя товары и пищу, ничего от него не требуя, что им делать, по его мнению? Умереть?

Если моряки Сеньяна проникают на торговые галеры и круглые корабли, то только за товарами, принадлежащими еретикам. Купцов-джаддитов с товарами в трюмах они защищают. Ну, по крайней мере, так считается. Обычно защищают. Никто не станет отрицать, что крайняя нужда и гнев могут заставить некоторых пиратов не слишком старательно разбираться, какие из разнообразных вещей на захваченном торговом судне принадлежат тому или иному купцу.

— *Почему они там, в Обравиче, игнорируют нас?* — мысленно задала она вдруг вопрос.

— *Ты хочешь от придворных достойного поведения? Глупое желание,* — ответил ее дед.

— *Знаю,* — ответила она про себя, именно так она и разговаривала с ним. Он умер почти год назад, прошлым летом. От чумы.

Чума унесла и ее мать, вот почему теперь Даница осталась одна. Чаще всего в Сеньяне жило человек семьсот или восемьсот (если в дальних от моря районах начинались неприятности, в нем находило укрытие больше людей). И почти двести человек умерло здесь за два лета подряд.

В жизни нет ничего надежного, даже если ты молишься, считаешь Джада, живешь так

достойно, как только возможно. Даже если ты уже пережила столько, что можно по справедливости считать, что ты достаточно страдала. Но как измерить, сколько страданий достаточно? Кто это решает?

Мать не разговаривала с ней в мыслях. Она исчезла. Как и отец, и старший брат, погибшие десять лет назад в горящей деревне. Они с ней не говорили.

А дедушка присутствовал у нее в голове все время. Они разговаривали друг с другом, безмолвно, но понятно. И говорили так почти с того момента, как он умер.

— *Что только что случилось?* — спросил он тогда. Именно так, внезапно, в ее мыслях, когда Даница шла прочь от погребального костра, на котором сгорели он и ее мать вместе с полудюжиной других жертв чумы.

Она вскрикнула. Резко повернула назад, описав в ужасе круг, как безумная, вспоминала Даница. Те, кто был рядом с ней, подумали, что это от горя.

— *Как ты здесь оказался?!* — молча закричала она. Глаза у нее были широко раскрыты, но она ничего не видела.

— *Даница! Я не знаю!*

— *Ты умер!*

— *Я знаю, что умер.*

Это было невозможно, это внушало ужас. И это стало невероятным утешением. Даница держала это в тайне, с того дня до этой ночи. Были люди — и не только священнослужители, — кто сжег бы ее, если бы узнал.

Теперь это определяло ее жизнь, в той же мере, как и смерть отца и брата. Как и память об их милом малыше Невене, младшем брате Даницы, похищенном хаджуками во время ночного налета много лет назад. Налета, после которого они были вынуждены втроем бежать в Сеньян: дед, мать и она, десятилетняя девочка.

Итак, Даница мысленно разговаривала с мертвым человеком. А еще она владела луком не хуже любого другого в Сеньяне, — да что там, лучше всех, кого она знала! — и умела сражаться на кинжалах. Дедушка научил ее и тому, и другому, пока был еще жив, а она была еще совсем маленькой. В их семье не осталось мальчиков, которых он мог бы учить. Они оба научились здесь управлять лодкой. Это было необходимо в Сеньяне. Даница научилась убивать, метнув кинжал или держа его в руке, научилась пускать стрелы из лодки, делая поправку на морские волны. Она достигла в этом большого мастерства. Вот почему у нее есть шанс сделать то, для чего она здесь сегодня ночью.

Даница понимала, что она — не совсем обычная девушка.

Она передвинула на грудь колчан и проверила стрелы: по привычке, как всегда. Она взяла с собой много стрел. Маловероятно, что каждая попадет в цель отсюда, с воды. Лук остался сухим — Даница была осторожна. Мокрая тетива почти бесполезна. Она не знала точно, как далеко ей придется пускать стрелы, если это случится. Если люди из Серессы действительно придут сюда. Они ведь не давали ей обещания.

Ночь была теплой — одна из первых теплых ночей холодной весны — и почти безветренной. Она не могла бы совершить задуманное в бурном море. Даница сбросила с плеч плащ. Посмотрела вверх, на звезды. Когда она была маленькой, жила в своей деревне и в жаркие летние ночи спала за домом под открытым небом, то засыпала, пытаясь их сосчитать. Казалось, их счет продолжался бесконечно, цифры сменяли одна другую. И звезды тоже. Теперь она почти понимала, почему ашариты им поклоняются. Только это означало отрицать Джада, а как может человек так поступить?

Тико неподвижно сидел на носу лодки, словно фигура на носу корабля, глядя в море. Даница не могла бы выразить словами, как сильно любит своего пса. К тому же ей некому было это сказать.

— *Теперь подул ветер, слабый*, — это произнес дед, у нее в голове.

— *Знаю*, — быстро ответила она, хотя, честно говоря, почувствовала ветер только в тот момент, когда он ей об этом сказал. Дед быстро все улавливал и лучше воспринимал, чем она, в определенные моменты. Сейчас он пользовался ее органами чувств — зрением, обонянием, слухом, осязанием, даже вкусом. Она не понимала, каким образом. И он тоже не понимал.

Даница слышала, как дед тихо рассмеялся в ее голове над слишком быстрым ответом внучки. Для всего мира он был бойцом — жестоким, грубым человеком, но только не для дочери и внучки. Его звали Невен, маленького брата Даницы называли в его честь. Она называла его «жадек» — придуманным их семьей словом, которое означало «дедушка» и которое возникло очень давно, как рассказала ей мать.

Даница понимала, что дед обеспокоен и не одобряет того, что она делает. Он так ей и сказал. Она привела ему свои доводы. Они его не удовлетворили. Ей это было небезразлично, но на ее решение никак не повлияло. Дед был с нею, но не контролировал ее жизнь. Он никак не мог помешать ей сделать то, что она решила. Она также имела возможность заблокировать его голос в своем мозгу, прекратить их разговоры и лишить его способности что-то ощущать. Она могла сделать это в любой момент, когда захочет. И ему очень не нравилось, когда Даница так поступала.

Ей это тоже не нравилось, хотя случались моменты (например, когда она была с мужчинами), когда это было полезно и совершенно необходимо. Но без него она оставалась одна. Был еще Тико, конечно, однако он все же был собакой.

— Я и правда знала, что ветер меняется, — запротестовала она.

Северо-восточный усиливающийся ветер мог превратиться в «бура», это правда, и тогда море стало бы опасным, а стрельба из лука — почти невозможной. Однако это ее море, а теперь и ее дом, так как тот дом сгорел.

Не следует сердиться на бога, это самонадеянность и ересь. Лицо Джада на куполах и стенах святилищ выражает любовь к его детям, говорили священники. Священные книги рассказывали о его бесконечном сострадании и мужестве, он каждую ночь сражается с темнотой ради своих детей. Но бог не проявил сострадания, как и хаджуки в ее деревне в ту ночь. Ей часто снились пожары.

А гордая и славная Республика Сересса, провозгласившая себя Царицей Морей, торгует с этими османами, используя морские и сухопутные пути. И из-за этой торговли, из-за жадности своих жителей, Сересса теперь морит голодом героев Сеньяна, потому что неверные жалуются.

Серессцы вешают пиратов, когда берут их в плен, или просто убивают на борту кораблей и бросают тела в море без похоронных обрядов джадитов. В Серессе поклоняются золотым монетам больше, чем золотому богу, так говорят люди.

Ветер ослабел. Он не превратится в «бура», и Даница перестала грести. Она уже отплыла достаточно далеко. Дед молчал, позволяя ей сосредоточиться, всматриваясь в темноту.

Единственное объяснение этой невозможной связи между ними, которое он ей

предложил, заключалось в том, что в их семье — в семье ее матери и его — традиционно рождались знахарки и ясновидящие.

— *А что-то в этом роде бывало раньше?* — спросила она.

— *Нет,* — ответил он. — *Я о таком никогда не слышал.*

Она никогда не чувствовала ничего такого, что позволяло бы ей заподозрить дар ясновидения в себе самой: какой-то выход в потусторонний мир, хоть что-нибудь, кроме определяющего ее характер гнева, мастерского владения луком и кинжалом и лучшего зрения в Сеньяне.

Зрение стало вторым фактором, который сделал возможным это ночное предприятие. На воде было темно, только звезды в вышине, ни одной луны на небе, — именно поэтому Даница сейчас здесь. Она была совершенно уверена, что если серессцы действительно это сделают, то они выберут безлунную ночь. Они злобные и высокомерные, но отнюдь не глупые.

Две военные галеры с тремястами пятьюдесятью гребцами и наемными солдатами, а также с новыми бронзовыми пушками из арсенала Серессы, блокировали бухту по обе стороны от острова Храк с конца зимы, но серессцы не могли сделать ничего, кроме этого. Галеры были слишком большими, чтобы подойти ближе. Эти моря мелкие, скалистые, их стерегут рифы, а стены Сеньяна и его собственные пушки способны разделаться с любым пешим десантом, высаженным на берег дальше к югу. Кроме того, высадку наемников на земли, которыми формально правит император, можно рассматривать как объявление войны. Сересса и Обравич всегда исполняют сложный танец, но в мире слишком много других опасностей, чтобы так безрассудно начать войну.

Республика и прежде пыталась устроить блокаду Сеньяна, но никогда — с помощью двух военных галер. Это было громадной тратой денег, людей и времени, и ни один из капитанов этих кораблей не мог быть доволен своим нахождением в море вместе с замерзшими, скучающими, возбужденными бойцами. К тому же такое задание никак не способствовало его карьере.

Тем не менее блокада приносила результаты. Она наносила реальный вред, хотя находящиеся на галерах люди пока не могли этого знать.

В прошлом пираты Сеньяна всегда находили способы уплыть с острова, но теперь, когда два смертельно опасных судна контролировали проходы на север и на юг от острова, ведущие в открытое море, положение изменилось.

По-видимому, Совет Двенадцати решил, что пираты доставляют им слишком большие неприятности, и терпеть больше нельзя. Над ними издевались в песнях и в стихах, а Сересса не привыкла быть предметом насмешек. Ее жители предъявляли свои права на это море, они даже называли его в свою честь. И, что еще важнее, они гарантировали безопасность всех кораблей, входящих в порт по их каналам, к их купцам и на их рынки. Герои Сеньяна, совершающие набеги ради пропитания и ради вящей славы Джада, стали проблемой.

Даница поделилась этой мыслью с дедом.

— *Да, колючкой в лапе льва,* — согласился тот.

Львами называли себя серессцы. Лев был изображен на их флаге и на красных печатях, скрепляющих их документы. Кажется, на площади перед их дворцом тоже стоят львы на колоннах, по обе стороны от невольничьего рынка.

Даница предпочитала называть их дикими собаками, коварными и опасными. Она считала, что может убить некоторых из них сегодня ночью, если они отправят в залив скиф с

намерением поджечь суда Сеньяна, выгашенные на прибрежную полосу у его стен.

Он не собирался говорить, что любит ее, ничего такого. Так не было принято на острове Храк. Но Даница Градек действительно появлялась в его снах, и это продолжалось уже некоторое время. На острове и в Сеньяне были женщины, трактовавшие сны за плату. Мирко не нуждался в их услугах.

Она лишала его покоя, эта Даница. Не похожая ни на одну из девушек на Храке, или в городе, куда он ездил, переплывая пролив, чтобы продать рыбу или вино.

Теперь приходилось торговать очень осторожно: Сересса запретила любые контакты с пиратами этой весной. Море патрулировали военные галеры. Если поймают, могут выпороть или поставить клеймо. Могут даже повесить — это зависит от того, кто поймают и сколько денег сможет твоя семья выделить на взятки. У Серессы почти наверняка были шпионы в Сеньяне, поэтому там тоже нужно было быть осторожным. У Серессы шпионы повсюду, таково общее мнение.

Даница была моложе него, но всегда вела себя так, словно она старше. Она могла рассмеяться, но не всегда, когда ты говорил нечто такое, что считал забавным. Она слишком холодная, говорили другие мужчины, яйца отморозишь, занимаясь с ней любовью. Тем не менее они о ней говорили.

Она владела луком лучше любого из них. Лучше любого, кого знал Мирко, во всяком случае. Это неестественно для женщины, неправильно, должно вызывать неудовольствие, но у Мирко не вызывало. Он не понимал, почему. Говорили, его отец в свое время был прославленным воином. Его все уважали. Он погиб во время набега на деревню хаджуков, где-то по другую сторону гор.

Даница отличалась высоким ростом, как и ее мать. У нее были русые волосы и очень светлые голубые глаза. В жилах этой семьи текла северная кровь. У ее деда были такие же глаза. Его боялись, когда он приехал в Сеньян — покрытый шрамами и агрессивный, с густыми усами. Один из старых героев пограничных земель, говорили мужчины.

Она поцеловала Мирко один раз, эта Даница. Всего несколько дней назад. Он тогда причалил к берегу к югу от городских стен с двумя флягами вина, перед рассветом, когда садилась голубая луна. Даница и еще трое других знакомых ему людей ждали на прибрежной полосе, чтобы купить у него вино. Они сигналили ему с берега факелами.

Он случайно узнал кое-что незадолго до этого и, повинувшись порыву, попросил ее отойти в сторонку от остальных. Конечно, посыпались шутки. Мирко не обратил на них внимания, и, похоже, девушка тоже. Трудно было прочесть выражение ее лица, а он не мог бы утверждать, что хорошо понимает женщин.

Он рассказал ей, что три дня назад в компании с другими людьми доставлял припасы на военную галеру в северном канале и случайно услышал разговор насчет отправки судна с целью поджечь лодки жителей Сеньяна, лежащие на прибрежной полосе. Скучающие люди на кораблях, особенно наемники, могут потерять бдительность. Мирко сказал, что если бы он сам такое затеял, то выбрал бы для этого безлунную ночь. «Конечно», — ответила она.

Он думал, что если расскажет об этом именно ей, Даница сможет сообщить об этом капитану пиратов и получить награду, и за это будет более приветлива с ним.

Оказалось, Даница Градек очень хорошо целуется. Яростно, даже жадно. Она оказалась все-таки не такого высокого роста, как Мирко. Он не был уверен, вспоминая тот момент, была ли это страсть, или торжество, или гнев, который, по слухам, таился в ней, но он хотел

больше. Поцелуев ее самой.

— Хороший мальчик, — сказала она и отступила на шаг.

«Мальчик?» Это ему не понравилось.

— Ты предупредишь капитанов?

— Конечно.

Ему не пришло в голову, что она может солгать.

Она защищала этого мальчика, объяснила Даница своему «жадеку». Конечно, Мирко не был мальчиком, но она думала о нем именно так. Она так думала о большинстве мужчин своего возраста. Мало кто из них был другим: она могла восхищаться их мастерством и храбростью, но такие чаще всего яростно отрицали саму мысль о женщине-пирате. Им было ненавистно то, что она лучше них владеет луком, но она ни в коем случае не собиралась скрывать то, на что способна. Она уже давно так решила.

Герои Сеньяна, поклоняющиеся в равной мере и Джаду, и независимости, также славились агрессивностью. По мнению всего мира ею славились и их женщины. Ходили ужасные рассказы, от которых волосы вставали дыбом, о женщинах Сеньяна, устремляющихся вниз с холмов или из леса на поле боя в конце дня после победы — диких, как волки, — чтобы лизать и пить кровь из ран убитых врагов, и даже еще живых! Они отрывали или отрубали конечности и цедили из них по каплям кровь в свои разинутые рты. Легенды гласили, что женщины Сеньяна верят: если они будут пить кровь, их еще не рожденные сыновья будут сильными воинами.

Несказанная глупость, но полезная. Полезно внушать людям страх, если живешь в опасной части света.

Но в Сеньяне не считали, что женщина, вчерашняя девочка, может верить — не говоря уже о том, чтобы доказать, — будто она может сравняться с мужчиной, настоящим воином. Это не очень нравилось им, героям.

По крайней мере, Даница не очень хорошо владела мечом. Зато кое-кто шпионил за ней, когда она метала кинжалы в цель за городскими стенами, и по его словам, она делала это необычайно ловко. Она быстро бегала. Умела управлять судном, умела двигаться бесшумно, и...

Все сообща решили, что какому-нибудь безрассудному, очень храброму мужчине необходимо жениться на этой холодной, как лед, светлоглазой девице Градек и сделать ей ребенка. Покончить с этой безумной идеей о женщине-пирате. Пусть она дочь Вука Градека, прославившегося в свое время в глубинных районах, но она — *дочь* героя, а не сын.

Один из его сыновей погиб вместе с ним; второго, маленького мальчика, захватили хаджуки во время налета на Антунич, их деревню. Он, наверное, уже стал евнухом в Ашариасе, или в каком-нибудь из провинциальных городов, или обучается в рядах джанни — их элитной пехоте из джадитов по рождению. Возможно, он даже когда-нибудь вернется сюда, чтобы напасть на них.

Такое бывало. Горестная, жестокая, давняя реальность жизни на границе.

Эта девушка и правда хотела участвовать в пиратских рейдах, это не было тайной. Она говорила о мести за свою семью и за деревню. Говорила уже много лет.

Она открыто обращалась к капитанам. Хотела пойти через перевал в рейд на земли османов за овцами и козами, или за мужчинами и женщинами, которых брали в плен ради выкупа или на продажу. Или просила разрешения отправиться на судне на охоту за

купеческими кораблями в Сересское море, — может быть, они смогут снова этим заняться, только бы эту проклятую блокаду сняли.

Даница знала, что о ней болтают. Конечно, знала. Она даже позволила Кукару Михо подсмотреть за своими тренировками, хотя он считал, что надежно спрятался за кустами (шуршащими), когда она метала ножи в оливки на дереве возле сторожевой башни.

Прошлой зимой священнослужители начали заговаривать с ней о замужестве, предлагали замолвить за нее словечко перед родными женихов, поскольку у нее не осталось родителей или брата, который бы этим занялся. Некоторые из подруг матери предлагали ей то же самое.

Она все еще в трауре, отвечала Даница, опустив глаза, словно смущаясь. Еще и года не прошло, говорила она.

Год ее траура закончится летом. В святилище отслужат службу по ее матери и деду, и по многим другим, и тогда ей надо будет придумать другую отговорку. Или выбрать мужчину.

Даница ничего не имела против того, чтобы переспать с мужчиной, когда возникало определенное настроение. Некоторое время назад она обнаружила, что несколько бокалов вина и любовные объятия снимают напряжение. В такие ночи она блокировала деда в своем сознании и испытывала облегчение, что способна это сделать. Они этого никогда не обсуждали.

Но в данный момент ей не хотелось ничего большего, чем переспать с мужчиной у морского берега или в амбаре за стенами города (только один раз это произошло у нее в доме, но утром ее охватило неприятное чувство, и она больше никогда так не делала). Если она выйдет замуж, ее жизнь изменится. «Закончится», — чуть не сказала она, хотя и понимала, что это преувеличение. Жизнь заканчивается, когда ты умираешь.

Во всяком случае, она сказала деду правду: Даница действительно защищала Мирко с острова Храк, решив не передавать его сведения капитанам или военным. Если сеньянци устроят на берегу настоящую засаду для ночной атаки, сересцы поймут, что кто-то выдал их планы. Они для этого достаточно умны, видит Джад, и достаточно жестоки, они пытками вырвут у островитян правду. Могут узнать о Мирко, или не узнают, но к чему рисковать? Один часовой на лодке — это может быть обычным делом.

Если бы она сообщила историю Мирко, ее бы спросили, кто ей это сказал, и было бы невозможно (и неправильно) не рассказать капитанам правду. Она хотела присоединиться к пиратам, а не вызвать их гнев. И шпион Серессы в городе (разумеется, там есть шпион, ведь они всегда есть) почти наверняка узнает о ее словах, увидит приготовления. Вероятно, они отменят нападение, если готовят его. Если Мирко прав.

Нет, сделать это в одиночку было разумным шагом, сказала она деду, выбрав это слово отчасти из озорства. Не удивительно, что он выругал ее. В свое время он прославился своим острым языком. Она тоже постепенно приобретала такую же репутацию, но для женщины все немного иначе.

Все на свете иначе для женщин. Даница иногда удивлялась, почему бог так все устроил.

У нее и правда было хорошее зрение. Она увидела, как справа, с северной стороны, появился и исчез огонек, на мысе, обрамлявшем эту сторону бухты. Даница затаила дыхание.

— *Да сожжет Джад его душу! Что там за мерзкий засранец, что за чертов предатель?* — рявкнул дедушка.

Она опять увидела огонек, который быстро вспыхнул и погас, двигаясь справа налево. Огонь на мысе могли зажечь только для того, чтобы показать направление судну. А чтобы

провести судно в этих смертельно опасных водах, необходимо знать бухту, ее камни и мели.

Тико тоже увидел огонь и издал горловое рычание. Она велела ему замолчать. До мыса слишком далеко для стрельбы из лука ночью. Особенно — для выстрела из лодки. Даница снова принялась грести в том направлении, на север, против легкого ветра, но глядя на запад.

— *Тише, девочка!*

— *Я тихо.*

Еще ничего не видно. Серессцам нужно проделать долгий путь от того места, где галеры перегородили канал, но этот огонь на мысе указывал им проход сквозь скалы и рифы. Качался то вправо, то влево, ненадолго застывал посередине, затем прятался, вероятно, закрытый плащом. Это означало, что кто-то приближается, и тот человек их видит.

Она оценила расстояние, сложила весла, взяла лук, наложила стрелу.

— *Слишком далеко, Даница.*

— *Нет, жадек. А если он там, они уже приближаются.*

Дед в ее голове замолчал. Потом сказал:

— *Он держит фонарь в правой руке, направляет их налево и направо. Теперь ты можешь определить, где находится его туловище...*

— *Я знаю, жадек. Шшиш. Пожалуйста.*

Она ждала на ветру, маленькая лодочка качалась на волнах, которые гнал ветер. А Даница наблюдала за обеими сторонами: за огнем на мысе и тем местом, где начинался канал, у темной массы острова.

Она слышала врагов раньше, чем увидела.

Они гребли, не бесшумно. Тико снова замер. Даница шикнула на него, уставилась в ночь, а потом он появился там, на фоне темного острова, — один маленький огонек. Серессцы на воде, они приплыли сжигать лодки на прибрежной полосе. Даница не спит, ей не снится этот приближающийся огонь.

Она чувствовала гнев, не страх. Сегодня ночью она охотница. Враги этого не знают. Думают, что это они — охотники.

— *Мне нет необходимости их убивать,* — мысленно произнесла она.

— *Он должен умереть.*

— *Потом. Если мы возьмем их живыми, то сможем задать вопросы.*

По правде говоря, ей, наверное, было бы трудно убить того, кто стоит на мысе: кем бы он ни был, но это человек, которого она знает. Она решила, что пора ей научиться убивать, но не думала, что самым первым станет человек со знакомым ей лицом.

— *Мне следовало понять, что им потребуется человек, который покажет им путь к острову.*

— *Он мог быть вместе с ними на судне,* — заметил дедушка. — *Возможно, с ними там есть еще кто-нибудь. Обычно они осторожны.*

Даница не смогла удержаться:

— *Как я?*

Он выругался. Она улыбнулась. И внезапно ее охватило спокойствие. Теперь она находится в центре событий, а не гадает, что может произойти. Время текло, и почти через десять лет оно вынесло ее к этому моменту, в эту лодку на черной воде, с луком в руках.

Она различала очертания приближающегося судна, самого темного пятна на фоне остальной темноты. У них горел один фонарь, они погасят его, когда подойдут ближе к

берегу. Она услышала голос, старающийся звучать тихо, но его мог услышать тот, кто находился в бухте:

— Он говорит — в другую сторону. Там камни.

Язык Серессы. Она этому обрадовалась.

— *Да поможет Джад твоим глазам и руке,* — произнес дедушка. Его голос в ее мозгу звучал очень холодно.

Даница встала, нашла равновесие. Она тренировалась это делать, много раз. Ветер дул слабо, море было почти спокойным. Она наложила стрелу, натянула тетиву. Теперь она видела людей в лодке. Кажется, человек шесть. Может, семь.

Она выпустила первую стрелу. И пока та летела, уже натягивала тетиву, чтобы выпустить вторую.

— Тебе не нравится, когда ты во мне?

Иногда девушке нравится лежать, прижавшись к нему в постели, после всего, и чтобы он ее обнимал. Марин охотно это делал. Они одаривали его своей близостью, рискуя при этом. Он надеется, что, хоть он, возможно, и циник, но и ему не чужда щедрость.

Но эта девушка проворно одевается, задавая этот вопрос, округлости ее тела исчезают под одеждой. Она не медлит ни минуты. Она молода, но едва ли невинна. Довольно много благовоспитанных девиц в Дубраве, как он знает по опыту, рано теряют невинность. В целом, этот город не отличается невинностью.

Марин тоже одевается. Подходит к окну, смотрит вниз. Под окнами ее комнаты, выходящими на Страден, уже начался вечерний променад. Если он подождет, то увидит, как мимо пройдут ее родители. И его родители, конечно.

Он говорит, глядя в окно:

— Мне это очень нравится. Мне не нравится мысль о том, что еще что-то вырастет в тебе, потом.

Она смеется у него за спиной:

— В самом деле, Марин. Ты думаешь, женщины не умеют считать?

Он поворачивается и смотрит на нее. Она укладывает на голове и закалывает шпильками волосы. Он стал ненавидеть эти моменты, когда два человека, только что лежавшие вместе, снова надевают одежду и возвращают себе прежний облик, свои доспехи для защиты от мира. Даже если женщина — куртизанка, ему это не нравится. Близость, даже случайная близость, должна продолжаться дольше, считает он.

— Я думаю, что многие женщины, в конце концов, ошибаются в подсчетах, и рождение ребенка губит их жизнь. Мы не столь предсказуемы, как нам нравится думать.

— Ну, ты, конечно, непредсказуем, Марин Дживо.

Он скорчил гримасу.

— Я очень стараюсь не быть таким.

Она уже заколола волосы и спрятала их под шапочку. Взглянула на него.

— Я... умею доставить такое же удовольствие, как девушки с улицы Плавко?

— Легко, — солгал он.

Она лукаво улыбнулась.

— И я так же легкодоступна?

Она умна. Все мужчины и женщины в Дубраве отличаются умом. Иначе республика не выжила бы. Он улыбается ей в ответ.

— Тебя было трудно завоевать, но потом, когда ты решила покориться, ты была нежной.

Она смеется. Потом снова вопросительно смотрит на него.

— Я так же искусна в любви, как куртизанки Серессы, Марин?

— Почти так же, — оказывается, он хороший лжец.

— Я тебе не верю.

— Почему?

— Потому что всем известно, какой ты хороший лжец.

Она не узнает, почему он громко смеется, но Марин видит, что это ей приятно. Он любит женщин; даже жалко, что ему постепенно все больше надоедает именно этот танец.

Может быть, все-таки пора жениться?

Они встречаются здесь, наверху, в третий раз. Марин думает, что этот раз должен стать последним, ради ее блага, хоть он не настолько тщеславен, чтобы воображать, будто он — единственный мужчина, которого она приводила в эту комнату. Дубрава — крупный порт и богатый город, но он все-таки маленький, и такие визиты рискованны. Ей восемнадцать лет, и их семьи уже много лет совместно владеют грузами, кораблями и страховкой.

Она говорит так, будто прокладывает удобный маршрут в незнакомый порт.

— Моя мать говорила о тебе вчера утром после посещения святыни. Сказала, что брак с тобой может получиться прочным.

— Я польщен.

— Я ей сказала, что у тебя ужасная репутация. Она ответила, что у красивых мужчин часто бывает такая репутация, — она улыбается.

Через минуту он уходит, вылезает из заднего окна на этом верхнем этаже, перепрыгивает на одну из более низких крыш соседнего дома, а с нее спускается на пустынную улицу с той стороны. Он уже уходил так раньше, из других окон, в других местах. Можно назвать это захватывающим. Или нет, после того, как проделаешь это много раз.

Он шагает на запад, по направлению к гавани, потом сворачивает и присоединяется к вечернему променаду. Друзья окликают его по имени, шагают рядом с ним. Все знают Марину Дживо. Все купцы друг друга знают. Здесь это в порядке вещей.

Он наблюдает за другими людьми: за своими друзьями, за их отцами, когда они доходят до восточного конца улицы у ворот и поворачивают обратно. В Дубраве говорят, что когда они совершают вечернюю прогулку по Страден — широкой улице, идущей от Дворца Правителя до ворот со стороны суши, — всегда можно определить, чей корабль сейчас в море.

Такие люди неизменно поднимают голову, какую бы беседу они ни вели, когда достигают конца улицы и поворачивают обратно на запад.

Они смотрят на гавань. Ничего не могут с этим поделать. В любой момент может прийти известие: корабль возвращается, или о нем нет никаких сведений, или его захватили пираты. Сообщения о богатстве или о катастрофе приходят из порта позади дворца.

Кто бы мог удержаться и не посмотреть, не происходит ли там что-нибудь, пусть всего несколько минут прошло с момента последнего быстрого взгляда? У купца, ведущего торговлю за морем, всегда часть души там, на морских просторах под солнцем бога. Воображение рисует всяких тварей из глубин, грозовой шторм, свирепый ветер. Корсаров-ашаритов в открытом море на юге, или пиратов Сеньяна в здешних водах, рядом с их домом.

Многого приходится опасаться, когда твоя жизнь, словно канатами, связана с морем. Поэтому как же человеку, у которого корабль не стоит в порту, не прислушиваться к крикам и не смотреть, не возникла ли суэта в западном конце многолюдной улицы?

Марин Дживо, семье которого принадлежат целых три корабля, а их товары часто перевозят и на судах других купцов, большую часть жизни провел, наблюдая за людьми в своей маленькой республике. Он уже видел этот невольный поворот головы друзей (и не совсем друзей). Сам он борется с этой привычкой изо всех сил, так как он из тех людей, которым не нравится быть рабами привычки или моды.

Кроме того, слишком рано ждать известий, говорит он себе, кланяясь элегантно одетым жене и дочери Радича Матко, которые приближаются к нему. Весна только началась, и «Благословенная Игнация» ушла далеко на восток, в Аммуз. Команде придется перезимовать

там, в порту Хатиб, ожидая урожая зерна, в маленькой колонии джадитов, на организацию которой дали разрешение ашариты (разумеется, после уплаты таможенных сборов и раздачи взяток).

Отец Марина много лет назад завел этот порядок: один из их кораблей всегда зимует в Хатибе. Это тяжело для моряков и капитанов, и семейство Дживо хорошо им платит за неудобства, но если этот корабль сумеет поймать самый первый благоприятный ветер весной, он сможет вернуться гораздо раньше всех остальных, с зерном и пряностями, а иногда с шелком и вином. Ведь именно так зарабатывают состояния — опережая всех остальных.

Или теряют состояния, если первые весенние ветры подводят, если налетает поздний шторм, последняя буря зимы. Все время приходится ставить на карту груз и жизни людей, и поэтому много молиться. Говорили, что опытные купцы Дубравы чувствительны ко всему, как женщина на балу или на званом обеде, оценивающая самые слабые подводные течения в зале.

Девушка Матко улыбается, когда они проходят мимо, она нежная и хорошенькая. Она тоже это знает, думает Марин. Он знаком со всеми благовоспитанными девушками в Дубраве. А они знают каждого мужчину — старших сыновей, младших сыновей, вдовцов. Семей не много, но ни один мужчина и ни одна женщина не могут без труда заключить брак с человеком не из своего круга. Поэтому трудно планировать дела семьи, но женщины республики это хорошо умеют делать, при необходимости.

Марину Дживо тридцать лет, он живет в городе, где мужчины его возраста уже могут жениться и завести семью. Однако он — младший сын, и его брат только начал вести переговоры о женитьбе. Поэтому у него еще есть немного времени.

Его отец и брат входят и в Большой Совет Правителя, и в Малый. Это означает, что обычное пристальное наблюдение за каждой семьей гарантирует, что третьего Дживо, обладающего хорошо подвешенным языком, отправят выполнять незначительные функции, например, следить за соблюдением правил пожарной безопасности и карантина и своевременно докладывать об этом Советам.

Марин делает вид, что не имеет ничего против этого, но так страстно ненавидит свое положение, что иногда это пугает его самого. Он не из тех, кто покорен от природы и подчиняется правилам и указаниям — или наблюдению за собой. Он проводит столько времени, сколько может, на кораблях семьи, чаще всего отправляется в короткое плавание на северо-запад, в Серессу. Он там научился хорошо торговать, отец доверяет ему вести дела с серессцами. Можно ненавидеть и бояться Серессу, но это самый лучший рынок в мире, и их республике меньших размеров всегда приходится это признавать.

Мимо проходит еще одна мать с двумя дочерьми. Марин опять приподнимает шляпу и кланяется. С младшей он встречался в прошлом году, и однажды ее сестра чуть их не застала врасплох. Необходимо быть осторожным, но для этого есть свои способы. Обычно их находят женщины.

Еще совсем молодым он узнал, — и это было настоящим открытием, — что благовоспитанные женщины Дубравы (замужние и незамужние) страдают от формальностей социальных отношений и благочестия ничуть не меньше, чем молодые мужчины. На некоторое время это открытие изменило его жизнь, но уже наступало пресыщение. Мимолетность таких встреч, их неизбежная краткость сначала возбуждали, потом стали возбуждать меньше.

Взгляд Каты Матко, встретившийся с его взглядом и задержавшийся на тот момент, пока они проходили мимо него, намекал на то же, что и слова Элены Орсат, которую он только что оставил наверху. Из каждой из них, наверное, получится вскоре чья-то хорошая жена. В самом деле, их матери могут рассудить, что младшего сына Дживо следует укротить и женить чуть быстрее, чем большинство остальных, для общего блага. Возможно, как только женится старший. В конце концов, он родом из очень высокопоставленного семейства.

Вероятно, он смирится с этим, думал Марин в этот приятный весенний вечер. Было время, когда его мечты простирались гораздо дальше, но в том мире можно сражаться с судьбой только теми средствами, которые тебе доступны, а такая судьба, такое будущее — далеко не самое мрачное.

Они с друзьями дошли до ворот со стороны суши. Прикоснулись к белому камню в правой стене, на удачу для кораблей, и повернули обратно. Все всегда ждут момента, когда подойдут к ближайшему от стены фонтану, в потом поднимают взгляд вверх, на гавань. Марин этого не делает. Мелочи. Мелочи, которые позволяют не быть таким же, как все окружающие.

Затем он слышит выстрел из пушки, и, конечно, теперь он поднимает глаза. Пушка — это сигнал.

Кто-то бежит изо всех сил по улице, и Марин знает этого парня: он один из их людей. Бегун, поскользнувшись с разбегу, останавливается перед отцом Марина, идущим вместе с остальными чуть впереди. Парень быстро и возбужденно что-то говорит, размахивая руками. Марин видит, как отец улыбается, а затем описывает обеими руками круг, символизирующий солнечный диск, со стороны сердца, вознося благодарность и хвалу богу.

Он быстро подходит к ним и сам слышит новости. Можно быть пресыщенным, часто скучающим, мечтать о другой жизни (не имея ясного представления о том, какой она могла бы быть), но твое сердце бьется быстрее в подобные моменты. Другие купцы собираются вокруг них, поздравляют, некоторые — скрывая зависть.

Кажется, «Благословенная Игнация» вернулась домой. Первый корабль весны.

* * *

— Это была не девушка! — в третий раз прокричал капитан Дзани. У него был звучный, густой бас, вероятно, такой голос очень выручал его в море. — Господа члены Совета, я это отрицаю!

Герцог Сересский поморщился. Он некоторое время назад стал замечать, что такие громкие звуки его все больше раздражают, а сегодня вечером его и так уже все выводило из себя.

Разве нельзя, думал он, цивилизованным людям обсуждать государственные дела, не повышая голоса? Давно ли все стали такими крикливыми? В последнее время он часто подумывал о том, чтобы уйти со своего поста — чтобы молиться и жить в тишине. Мужчине подобает готовить душу к встрече с Джадом, когда его дни близятся к концу.

Герцога Риччи избрали на этот пост девятнадцать лет тому назад. Если не происходило насильственного свержения (а такие случаи известны), герцог Сересский возглавлял Совет Двенадцати пожизненно или до тех пор, пока сам не предпочитал отойти от дел. Риччи был не молод — он уже девятнадцать лет назад не был молодым. Но как раз сейчас разногласия в

Совете достигли высшей точки. Его уход и выборы преемника могли свергнуть республику в хаос.

Герцог ненавидел хаос.

— Ваши возражения, — ответил он громогласному вспыльчивому человеку, стоящему перед ним, — вряд ли имеют какой-то вес, капитан, хотя, несомненно, понятны, принимая во внимание то, что именно посланные вами люди убиты. У нас есть свидетельства того, как они погибли.

Он смотрел со своего мягкого кресла под балдахином, как этот человек, Дзани, обливаясь потом, попытался горделиво выпрямиться и не смог.

Этот человек слишком напуган. Герцог видел, что капитан Эрилли, стоящий рядом с ним, старается не улыбнуться. Гибель людей имела значение, но также имел значение тот факт, что оба капитана провалили порученное им задание. Эрилли, должно быть, разрывается между удовольствием наблюдать, как другой капитан корчится, словно рыба на крючке, и собственным страхом.

Совет Двенадцати Серессы внушал большой страх врагам, иногда — союзникам, а также ее собственным гражданам.

Все они, собравшиеся в палате дворца на верхнем этаже, понимали, что Серессе не доверяют и завидуют, и они к этому привыкли: члены Совета черпали в этой истине силу и целеустремленность, когда давали клятву, вступая в должность, и снова давали ее каждую весну во время Морской церемонии. Наличие врагов может помочь сосредоточить мозг и укрепить душу.

Гордая Сересса в своей лагуне, среди соединенных мостами, изрезанных каналами островов, уже не имеющая никаких владений на материке, в Батиаре, о которых стоило бы говорить, ясно сознавала, что залог ее могущества — торговля и богатство. А, следовательно, в конечном счете — корабли и море.

Другого такого города не существовало нигде на земле Джада, под его небесами. Дубрава на противоположном берегу Сересского моря (названного так потому, что людям нужно напоминать даже самое очевидное), тоже, возможно, является республикой, имеет торговый флот, выживает за счет торговли, но ее территория — лишь ничтожная доля Серессы. Дубрава — не лев; она пресмыкается и кланяется во все стороны. У нее нет арсенала, нет военных галер, чтобы утвердить или защитить власть, нет колоний. Нет такого большого острова, как Кандария, которым она правила бы.

Граждане Дубравы были бледной, ограниченной, *дозволенной* тенью Серессы. Сересса — это свет, подобный солнцу Джада. Ни один человек, который видит двойное дно коммерции и правящих дворов, не сравнит никакое другое место с этой республикой. Поступая так, ты выставляешь себя глупцом. На свете и без того достаточно глупцов.

В данный момент капитаны военных галер, которых допрашивали (пока достаточно мягко), демонстрировали прискорбный недостаток интеллекта. Может, они и знают ветра и береговые линии, но в этой палате они заблудились, думал герцог. Он с грустью вспомнил великих капитанов своей юности. В последнее время это случалось слишком часто.

Принимая во внимание унижительные события в Сеньяне, стоит ли удивляться их страху? Страх заставлял некоторых людей бушевать, словно стремясь перекрыть ужас, так некоторые поют грубые кабацкие песни, проходя ночью мимо могилы у перекрестка дорог.

Каждый капитан обвинял другого в грубом просчете. Каждый понимал, что сегодня рискует своей карьерой, если не жизнью. Палата Совета — это не та комната, куда с

радостью приходят после наступления темноты. Лица капитанов освещали фонари по обеим сторонам того места, где они стояли, а выражение лиц герцога и членов Совета, сидящих за столом в форме буквы «П», скрывали тени. Пламя и тень — в помещении это внушало ужас.

У Серессы было много времени, чтобы усовершенствовать свои методы. Вопросы, заданные из темноты, действовали сильнее. И все знали, что в тюрьму можно пройти прямо из этой палаты: через дверь позади кресла герцога, потом через маленький канал, по высокому, мощенному камнем закрытому мостику с забранными железными решетками окнами, потом вниз по ступенькам в камеры из холодного, мокрого камня и в палаты, где умелые люди задавали трудные вопросы.

Все жители города могли видеть этот мостик, когда приближались к дворцу и к большому святилищу. Напоминать о власти полезно. В мире, полном угроз — в том числе и внутренних угроз, — никаким правителям не следовало показывать слабость. Их долг перед республикой ее не показывать.

И все же... и все же, кажется, эти две военные галеры, отправленные — с немалыми затратами — в конце зимы с задачей заблокировать и уничтожить один маленький пиратский поселок, выявили большую слабость Серессы и ее Совета Двенадцати, слабость такой степени, что это могло вызвать насмешки.

Возможно, Совет сделал ошибку, отправив их туда. Предпочтительнее было бы возложить вину на капитанов. Герцог Риччи вздохнул. Он уже устал, а после этого дела им предстояло рассмотреть и другие.

Оба капитана говорили (иногда в один голос) о невозможности выполнить поставленную им задачу. Море там слишком мелкое. Рифы. Скалы. Опасный северо-восточный ветер. Непредсказуемые течения. Приказ не высаживать отряд для подхода со стороны суши из-за императора в Обравиче. Как трудно осуществить полное эмбарго на продовольствие без помощи сухопутных сил. Вечная проблема наемников, слишком долго томящихся без дела на кораблях...

Все это даже может быть правдой, думал герцог. Чистая правда, что они запретили высадку. Гадюки Сеньяна живут (кишат!) за своими стенами на землях, которыми правит Священный Император Джада. Новый посол Серессы в Обравиче зимой прислал зашифрованное послание, в котором дал понять, что император Родольфо, как бы эксцентричен он ни был, не склонен (или его советники не склонны) разрешить республике атаковать город, которым он правит.

Этого они не могли проигнорировать. Пираты представляли собой чудовищную, огромную, возмутительную угрозу торговле, но они не стоили войны. Тройная граница на том направлении сама по себе была мрачной, трудно преодолимой проблемой. Но все равно...

Все равно, думал герцог, какое унижение, что один человек — *женщина* — убила всех моряков в посланной на ночное задание лодке (каким бы безрассудным оно ни было). Теперь им предстоит жить с тем, что весь мир узнает об этом? Семь человек погибло на воде в ту ночь, а их давно живущий в городе осведомитель разоблачен.

Этот человек сейчас находится в Серессе, он вернулся домой вместе с галерами. Сегодня днем ему позволили сидеть в присутствии членов Совета по причине его состояния. Состояние было плачевным: эти варвары отослали его назад, лишив обеих рук ниже локтя. Они их отрезали и прижгли раны. Поразительно, что шпион остался жив. Должно быть, в этом Джадом забытом городе есть знающий лекарь, подумал герцог, или этому человеку

просто повезло. Хотя, если подумать, «повезло» — не то слово, которое можно применить к нему теперь.

Ему надо будет дать небольшую пенсию, подумал герцог. А также распорядиться, чтобы его держали подальше от людских глаз. Его состояние напоминает об этом прискорбном эпизоде, и так будет всегда. Возможно, его можно отослать на Кандарию. Хорошая идея. Герцог сделал для себя запись на память. Он предпочитал сам делать заметки себе на память.

Ясно, почему их шпиону разрешили вернуться с галерами: сеньянцы хотели, чтобы об этом все узнали. Скоро об этой истории будут говорить в Обравиче, если уже не говорят, потом в садах и дворцах великого калифа Ашариаса. Герцог опять поморщился, представив себе это. Новость уже дошла до Дубравы. Эта история донесется до короля Феррьереса, до Эспераньи, Карша, Москава...

Слишком забавная история, чтобы ее не рассказывали во всем мире и не смеялись над ней. Женщина, женщина в одиночку раскрыла заговор серессцев (устроенный этими мастерами обмана и хитростей!) и убила всех подосланных ими людей. Затем она захватила их лодку и привела ее к берегу с тремя убитыми на борту, оставив других мертвых в море.

Если вы — львы, а в мире есть и другие львы, насмешка может быть убийственной.

Военным галерам приказали вернуться. Они не только провалили свое задание, но и сделали это с таким треском, что теперь республике грозят новые опасности. Герцог ощутил горечь во рту. Он попытался вспомнить, что ел в последний раз. Выпил немного вина.

Гибель горстки людей во время ночной вылазки — мелкое происшествие, не способное нарушить равновесие мировых событий. Однако в данном случае это может произойти. Может быть, Совет действительно совершил ошибку, когда одобрил этот план уничтожения гадюк в их гнезде.

Капитан Дзани, который отправил к острову лодку, продолжал настаивать, что им устроили большую засаду. Что в бухте их ждали лодки из Сеньяна с большим количеством людей. Что иначе невозможно объяснить случившееся. Что их шпион в городе наверняка ошибся в своем отчете сегодня утром — при всем должном уважении к мужеству и страданиям этого человека, разумеется.

Второй капитан, как и ожидал герцог, подтвердил рассказ шпиона и дошедшие из Сеньяна известия. Он-то не посылал ночью никакой дурацкой лодки. Он старательно выполнил поставленную ему задачу, заблокировал южный канал у острова Храк.

Капитан согласился с тем, что женщина была одна. Одна, на маленькой лодке. Стреляла из лука в темноте, как и утверждалось. Явно совсем еще ребенок. Девчонка, могут сказать некоторые, посрамила Серессу. Так и скажут, понимал герцог. Уже должны говорить. Необходимо будет заняться этой стороной происшествия. Но пока что...

Он еще держит под контролем свой Совет. Не каждый избранный герцог Серессы был на это способен, но Риччи знал, как поддерживать сторонников и утихомирить потенциальных противников. Полезно знать, кто они. Кто с большим, чем другие, нетерпением ждет, когда он покинет свое кресло.

Он прочистил горло, поднял ладонь и заговорил. Его предложения отличались прямолинейностью. Совет Двенадцати без промедления отдал приказ соответствующим образом наказать капитана Дзани, а капитана Эрилли оставить в занимаемой им должности и похвалить за правильное поведение.

Оба эти постановления должны были возложить всю ответственность на одного человека, это было важно. Слуги любого правительства способны допускать ошибки. Все

они смертны на этом свете, окруженном тьмой. Правителей судят по тому, что они предпринимают, когда узнают о неудачах.

Герцог очень точно просчитал остальную часть своего плана, пришедшего ему в голову, когда он начал говорить. Капитану Дзани следует отрубить обе руки за печальную ошибку и прискорбную гибель хороших людей от рук варваров. Герцог очень надеялся, что капитан выживет. Необходимо, чтобы его потом видели, иначе эффект от наказания пропадет. Его наказание должно уравновесить и свести к нулю то, что сделали или попытались сделать сеньянцы, искалечив шпиона.

«Возможно, вы предпочитаете выступить против Серессы? Это неразумно». Необходимо, чтобы все народы это поняли, неважно, кому они поклоняются — Джаду, звездам Ашара или даже лунам киндатов. «Какого бы триумфа вы ни добились на коротком отрезке событий, все может измениться и нанести вам ужасный урон, не успеете вы и глазом моргнуть».

Таково послание, которое должно прозвучать из этой палаты.

Двух капитанов увели в разные стороны: одного с эскортом из дворца на площадь Джада, другого через маленькую дверцу за спиной герцога, через мостик, потом вниз. Оба, к счастью, молчали. Дзани — от слепящего ужаса и отчаяния, оглушенный, словно теленок молотком, второй капитан, весьма вероятно, от леденящего душу осознания того, какой могла быть его собственная судьба. Он выйдет в весеннюю ночь и посмотрит вверх, на луны, плывущие в облаках. Возможно, пойдет в святилище и помолится.

В палате возникла пауза, потом спад напряжения, зазвучали тихие голоса. В его Совете есть люди, которые думают о том, что должно произойти за тем мостиком с решетками на окнах. Люди вставали из-за стола, потягивались. Герцог взглянул на своего личного секретаря. Тот подал почти незаметный знак, и двери открылись, впуская слуг с едой и новой порцией вина. Совет Двенадцати, как правило, не собирался по ночам, но таких случаев было достаточно, чтобы выработалась определенная процедура. Они поедят до того, как прикажут привести следующего человека.

К сожалению, как доложил личный секретарь шепотом, стоя рядом с герцогом, с этим следующим, кажется, возникли затруднения. Он пока не явился.

Секретарь шепотом высказал предложение: можно внести изменение в порядок рассмотрения дел, пригласить другого вызванного в Совет человека.

Опять небрежность. Герцог Серессы окутал себя недовольством, как плащом. С недовольным видом, старательно жуя оливки, собранные в окрестностях Родиаса (где выращивают лучшие плоды), он принял эту поправку.

Девятнадцать лет, думал он, переключив бумагу, чтобы положить наверх заметки по делу врача, который войдет следующим. Герцог опять надел свои новые очки, поправил раздражающие его дужки за ушами и жестом приказал прибавить света.

Он изучал свои записи под гул разговоров членов Совета. В конце концов он кивнул, и слуги начали уносить тарелки с едой, но не вино. Все заняли свои места. Заскрипели об пол ножки стульев. Еще один кивок герцога, и в дальнем конце палаты открылись двери, впуская двух человек. Риччи забыл, что их будет двое. Небрежность. Интересно, подумал он, почему тот человек, по другому делу, еще не явился? Герцог не любил, когда приходилось нарушать очередность рассмотрения дел по ночам. Неужели все деградирует? Или это он деградирует?

«Возможно, девятнадцати лет достаточно», — подумал он. Потом подумал о республике, которую любил, несмотря ни на что.

Он понимал — может быть, потому что был стар — то, что не всегда понимали, или в чем не признавались себе другие, обитающие на берегах каналов, во дворцах, в святилищах, на складах, в лавках, в борделях, полных музыки, в студиях художников, изображающих красками город и море. Сересса, стоящая на пропитанных солью болотах у моря, обрученная с морем, подобно невесте, зависит от него во всем. Но герцог также понимал, что такое существование преходяще, ненадежно, как ветер и облака, как сон, яркий и красочный, но исчезающий с наступлением утра.

В его мыслях возникла картина, и не в первый раз: маленькое святилище, древняя мозаика позади алтаря, может быть, пристроенная к нему обитель (крепкие стены и крыша, надежные каминные трубы), на одном из прибрежных островков в лагуне. Он видел сад, окруженный стенами, фруктовые деревья, скамейку в летней тени, окружающих его святых людей, молитвы в соответствующие часы, совместное чтение священных текстов, обсуждение вопросов веры и мудрость в голосах, никогда не звучащих слишком громко.

* * *

В большинстве городов художники стремятся жить и работать в не очень дорогих кварталах — по очевидным причинам.

Эти густонаселенные жилые районы часто расположены там же, где кожевни и красильни, а едкий запах снижает цену на маленькую комнатку или студию. То же было характерно и для Серессы, которая никогда не относилась к числу приятно пахнущих городов. Портовые города вообще редко отличаются приятными ароматами, а Сересса с ее лагуной была королевой всех портов.

С другой стороны, люди, которые переплетают и продают книги — а Сересса была королевой и этого ремесла тоже, — естественно, не желали, чтобы их лавки и переплетные мастерские находились там, где едкие запахи могли пропитать продукцию. Они, при необходимости, готовы были платить больше за то, чтобы жить в более здоровых районах.

Именно поэтому молодой художник Перо Виллани шел домой по темным улицам в одну из ветреных ночей начала весны. Он возвращался из книжной лавки и переплетной, где трудился почти каждый день, чтобы заработать на пропитание и ради доступа к книгам.

В то время Перо переплетал в красную кожу экземпляр «Книги сыновей Джада» для заказчика из Варены и закончил работу к заходу солнца — при открытых ставнях освещение было еще хорошим. После он задержался в лавке, как обычно, с разрешения владельца (Алвизо Сано был добрым человеком) и с наказом запереть двери, когда закончит. Он изучал страницы (еще не сшитые, их сшивали только после получения заказа) нового великолепного труда по анатомии.

Художнику необходимо понимать, как работает тело: мышцы, органы и кости, чтобы правильно передать это на холсте, или на дереве, или на стене. То, что лежит под плотью солдата, поднявшего меч, или златовласого Джада, благословляющего открытой ладонью все человечество, имеет очень большое значение. Этому учил его отец.

Отец умер, мать умерла. Их единственный сын был слишком молод, чтобы устроиться художником, которого сочтут достойным нанять на работу. Он мог получить место подмастерья, рисующего фон, в студию одного из тех крупных художников, которые нанимают помощников. Возможно, ему придется это сделать. В его понимании это означало

бы сдать. Но дело в том, что Перо необходимо было повзрослеть, продвигаться в своей карьере раньше, чем у него отняли отца, который задыхался, а потом совсем перестал дышать.

Жизнь не всегда (или никогда?) не дает тебе того, что тебе необходимо: ни времени, ни всего остального. По крайней мере, так понимал положение вещей Перо. По-видимому, не имеет значения, молишься ты или нет. Этой мыслью он ни с кем не делился.

Перо знал, что у него есть талант. Его друзья знали, что у него есть талант. Они часто это говорили. Увы, их мнение не играло большой роли в этом мире. Ведь необходимо привлечь внимание тех, кто может себе позволить покупать картины, чтобы ты мог заработать на жизнь своим искусством.

После смерти отца он получил ровно два заказа. Один был более или менее подарком от него другому художнику, другу Перо, и его жене — рисунок углем их новорожденного младенца. Он все равно хотел изучить этого новорожденного. Большинство художников изображали лица детей так, словно они взрослые, только уменьшенные. Но это не так, стоит только присмотреться.

Тот рисунок теперь приколот к стене в тесной квартирке семьи Десанти рядом с его собственной комнатой, над тем местом, где спал в корзинке ребенок. Его не вставили в рамку — рамки стоят дорого. Однако друзья настояли на том, чтобы заплатить за работу хоть немного.

Его второй заказ, настоящий, тоже никогда не вставили в раму.

Его наняли написать портрет одной графини по рекомендации Алвизо Сано, да благословит Джад его добрую душу. Книготорговец знал людей. Он продавал невероятно дорогие, переплетенные в кожу книги купцам и аристократам, которые желали иметь такие предметы в своем доме ради того налета элегантности и успеха, который те им придавали.

Картины, особенно их собственные портреты, имели тот же статус. Контракт оговаривал, что художник должен использовать определенное количество ультрамарина и золота — самых дорогостоящих красок. Картина служила почти не замаскированным знаком того, сколько ты можешь заплатить. Иногда рамы стоили больше самой картины.

Один из членов семьи Читрани, старший брат, заказал сыну Вьеро Виллани, по слухам — подающему надежды художнику, написать портрет его жены. Жена эта, рыжеволосая и зеленоглазая, славилась красотой. Она была старше Перо, но гораздо моложе мужа, элегантная и скучающая.

Одним из способов развлечься для нее стали занятия любовью с молодым художником, зимним днем после обеда, в маленькой комнате, согреваемой камином, где он писал ее портрет. Перо был достаточно молод, а графиня достаточно привлекательна во всех отношениях, поэтому он пустился в это рискованное приключение. Он немного боялся, но это, конечно, еще больше возбуждало. Он был не первым художником, она была не первой богатой женщиной...

Его ошибка заключалась в том, что он привнес свою страсть к работе в эту любовную связь: написал ее маслом на холсте, в своей студии, приколов к стенам вокруг себя наброски — в особой художественной манере.

Он принес графине портрет, завернув в ткань, чтобы показать ей в той комнате, где она позировала, где они раздевали друг друга при свете пламени, где он смотрел, с очень близкого расстояния, на ее лицо, когда она вводила его в себя, когда она позволяла ему видеть, что ей не всегда скучно.

Когда он прислонил законченную картину к стене, на ее лице, одно за другим, быстро сменилось несколько выражений. Перо не увидел гнева, ничего похожего на гнев. Позже он решил, что последним выражением, когда она внезапно села на кушетку, глядя на себя такую, какой он изобразил ее, было сожаление, тоска.

Ему бы хотелось нарисовать и это выражение тоже.

— О, боже, — вот что, наконец, произнесла Мара Читрани. — О, боже. Неужели я действительно так выгляжу?

На его картине она была одета, разумеется, как и подобает, в обусловленное договором синее платье с золотой отделкой. Волосы спрятаны под шапочкой (зеленой с золотом, отделанной лазуритом), только несколько рыжих прядей выбивались из-под нее. Она сидела у арочного окна, позади нее в саду виднелось дерево айвы, а за садом — лагуна и корабль на волнах (ее мужа, с фамильным гербом на флаге). Шею и уши украшали драгоценности, а на пальце было знаменитое кольцо семьи ее мужа. Все пристойно, даже обычно (возможно, кроме айвы, она служила неким символом), но...

Но взгляд ее глаз, какими их изобразил Перо, был напряженным, жаждущим. Щеки слегка покраснелись, как и горло. А ее рот... Рот Мары Читрани на том портрете был самым лучшим из всего, что нарисовал Перо за всю свою жизнь. Этот рот принадлежал искусственной, чувственной, любовнице, он выдавал желание, или удовлетворенное желание, или и то и другое.

Словом, глубоко интимное выражение лица. Которое он знал только потому, что она пригласила его на эту кушетку и на ковер вместе с ней, у камина и позволила ему увидеть, какой она может быть, если снять с нее одежду, прикоснуться к ней, снова прикоснуться, а потом войти в нее, а потом она будет скакать на нем верхом, с распущенными волосами, возбужденная, требующая удовлетворения, — когда она перестает быть высокомерной женой могущественного человека.

И поэтому:

— О, боже, — снова тихо произнесла Мара Читрани. Потом, помолчав: — Это прекрасно, синьор Виллани. Я прекрасна на этой картине! Я бы держала ее рядом с собой всю жизнь и смотрела на нее, когда состарюсь. Но... Перо, ее придется уничтожить. Ты это понимаешь. Он убил бы нас обоих.

У нее было такое выражение глаз, когда она повернулась к нему от картины, какого он никогда еще не видел. Перо бы хотелось изобразить и его тоже. Он уловил в голосе графини неожиданную нежность. Она никогда не была нежной, с ним — никогда. А сейчас словно внезапно увидела его маленьким ребенком.

Она поцеловала его в тот день, снова в губы, но совсем легонько, как будто опечаленная этим миром, а потом отослала прочь. Супругу же, когда он вернулся из поездки на семейное соледобывающее предприятие за морем, в Мегаре, сказала, что картина ей не понравилась, и она ее уничтожила. Тем не менее, она велела ему заплатить молодому человеку, так как он старался изо всех сил, но иногда трудно угодить женщине. Она улыбалась при этих словах, и Читрани понимающе рассмеялся.

Очевидно, парень просто слишком неопытен. Никто в этом не виноват. Читрани нанял другого художника. Говорят, тот нарисовал совершенно приемлемый портрет графини.

Вся эта эскапада, понял Перо, показала его неадекватность в отношениях с такими людьми. Да, переспи с красивой женщиной, если она себя предлагает. Познай на опыте этот мир, а после молись о прощении, если тебе хочется. Но не давай воли своему искусству. Не

показывай ее всем такой, какой она бывает в любви, до или после нее (было бы интересно узнать, что скажут люди об этой картине, — до или после?). Какой смысл так рисковать?

Никакого смысла нет, вот только... только он думал, что ни одну женщину никогда не рисовали с таким выражением глаз, и ему хотелось узнать, сможет ли он это сделать.

Можно умереть из-за желания что-то узнать, подумал Перо Виллани.

Никто не знает, чего он достиг, и никто никогда этого не узнает, ведь ни один человек даже не взглянул на его картину. Ну, допустим, графиня Читрани взглянула. Она уже поворачивалась, чтобы снова посмотреть на себя на портрете, когда он уходил из комнаты в тот день. Всем остальным просто сказали, что работа юного Виллани не понравилась графине. Это означало — прощай карьера молодого художника! С тех пор никто не заказывал ему картин.

Похоже, он проведет всю жизнь, занимаясь книжными переплетами. Или рисуя море или горы на портретах более ловких художников, мечтая нарисовать правильно руку солдата, или Святых мучеников, разнообразные страдания которых изображают на стенах святилищ, или...

Или его жизнь может закончиться сегодня ночью, подумал Перо.

Он пока еще не бежал, но зашагал быстрее. В Серессе учишься быть настороже после наступления темноты, и молодые люди, выходящие по ночам из дома на поиски проституток или вина, имели все основания приобрести умение отличать шаги случайного ночного прохожего от шагов возможного преследователя.

Никто не пойдет следом за ним с благими намерениями. Только не в это время суток. Здесь было мало фонарей, только случайные фонарики лодок на каналах вдалеке. Дул ветер. Он слышал плеск бьющейся о камни воды слева от себя.

У него есть плащ, защищающий от холода, и короткий меч под этим плащом, так как Перо Виллани не глупец. Ну, может быть, и глупец, так как оказался один, ночью, в слишком тихом районе, где его не знают. В этом проблема, когда место работы так далеко от того дома, где обычно кладешь голову на подушку ночью.

Виллани нередко посещал проституток или винные лавки, но в последнее время оказывался вне дома после наступления темноты из-за увлечения анатомическими рисунками. Он заканчивал порученную ему Алвизо работу, потом оставался и изучал их (зажигал лампу, платя за масло), потом запирали мастерскую и шел домой. Иногда он расходовал еще больше масла и засиживался совсем допоздна, рисуя в своей маленькой комнатке возле кожевенных мастерских. К этому запаху невозможно привыкнуть. С ним живешь, если ты беден.

Его отец владел хорошим домом на другом берегу Большого канала, за рынком. У Вьеро Виллани был определенный статус художника, определенное признание, а потом — долги. Этот дом был роскошью, слишком смелой заявкой. Его уже нет, конечно, обстановку распродали. На имущество старшего Виллани, в том числе — на его нераспроданные картины, заявили права кредиторы. В городе, помешанном на коммерции, действовал строгий закон относительно долгов и наследства, и суды работали быстро. Сыну удалось спрятать и сохранить две картины, одна из них — портрет матери. Можно сказать, что он стал вором.

После внезапной смерти отца Перо Виллани обнаружил, что у него ничего нет, не считая умеренно уважаемой фамилии, большого желания и того, что считалось талантом, — однако так считали только люди в таком же положении, как он сам, те, кто не имел никакого

веса в этом мире.

Друзья, знакомые с его работой, одновременно являлись его собутыльниками, и сейчас они бы его защитили, если бы он сегодня ночью был вместе с ними. Если бы все они шагали, держась за руки, пошатываясь и распевая песни, по улицам вдоль каналов, через мосты, под двумя лунами, то скрывающимися за облаками, то вновь выходящими из-за них.

Перо догонял не один человек, а несколько.

Он был совершенно уверен, что различает шаги трех человек. Их может оказаться четверо, и они прибавляли шаг одновременно с ним. Ночью по Серессе бродили воры — они бродили по любому городу. Как и шайки молодых аристократов, развлекающихся от безделья нападением на людей по ночам, чтобы продемонстрировать напускную храбрость и доказать, что они это могут. Закон, столь суровый в финансовых делах, неохотно привлекал к ответственности сыновей могущественных людей.

Виллани подозревал второй вариант, по той простой причине, что любой опытный вор за это время уже понял бы, что ему не достанется ничего, что стоило бы отобрать. Пойманных воров отправляли на галеры, а ночные патрули все-таки попадались на улицах. Это не спасало от налетов и грабежей, конечно, — голодным людям нужно было добывать пропитание, а жадные оставались жадными, — но могло заставить воров с некоторой осторожностью подходить к выбору цели.

Художник в поношенной одежде, с блокнотом для набросков в руках, не стоил риска умереть прикованным цепью к скамье гребца на галере. Перо проходил под светильниками в кронштейнах на стенах после того, как вышел из лавки. Состояние его плаща мог видеть каждый, решивший его ограбить.

Он подумал о том, не крикнуть ли это в темноту, но не стал. Если позади него бесшабашные сынки богачей, это их только позабавит и подзадорит. Конечно, может быть, там никого и нет. Он мог встревожиться из-за какой-то компании пьяных друзей, вроде его собственной компании, гулявшей где-нибудь в их квартале.

Только вот в этой складской части города не было винных лавок, и он услышал, как эта группа шла — быстро, не так, как ходят пьяные — по боковой улице, когда он проходил мимо нее, а потом они повернулись и пошли вслед за ним.

Еще два пешеходных моста и одна площадь — возле красивого Малого святилища Святых мучеников — и Перо окажется на своей территории. Он может там встретить на улицах знакомых, а те — оповестить криком других; винные лавки еще открыты.

Художник был трезв и молод. Он побежал. И тут же услышал, как преследователи сделали то же самое, что послужило ответом на все оставшиеся у него вопросы и сомнения.

Ему грозила реальная опасность: у них нет никакой особой причины оставить его в живых. И если это шайка агрессивных аристократов, они не задумываясь пустят в ход клинок под покровом темноты — это может придать их существованию больше блеска.

Здесь тротуар ненадолго расширился. Перо держался ближе к каналу. Там через определенные промежутки стояли столбики для привязывания лодок. Если он не врежется в такой столбик сам, в него может врезаться кто-то из преследователей. И все же ему нужно осторожно бежать с такой скоростью — легко споткнуться на неровных камнях, наступить на кота, на пробегающую крысу, на отбросы, которые не вывалили в воду.

Первый мост. Вверх по настилу с одной стороны и вниз по другой. Ему нравился этот мостик, плавность его арки.

«Какая банальная мысль в такой момент», — подумал Перо.

По-прежнему никаких огней. Этот квартал в дневное время полон народа, идет торговля, шумно. Но не сейчас. Он прислушивался на бегу. Топот у него за спиной не удалялся. Перо всегда считал себя довольно быстроногим, но эти люди не уступали ему, или...

Один из них не уступал. Преследователи, по-видимому, разделились. Один опередил двух или трех других. Художник все еще не был уверен в их количестве, но знал, что один человек не отстает от него, даже догоняет, а другие остались позади.

И Перо сделал то, что должен был сделать раньше. Увы, можно проглядеть очевидное — отец всегда говорил ему это о живописи.

— Стража! — закричал он. — Стража! На помощь!

Он продолжал кричать на бегу. Не стоит надеяться, что патруль материализуется, подобно спасателям в ночи, но любопытные люди могли поднести светильники к верхним окнам и стать свидетелями происходящего, или просто услышать его крик. Воров никто не любит, как и скучающих аристократов. Преследователи могут передумать.

Ничего такого не произошло, но, приближаясь ко второму мосту, к тому, за которым начинался его квартал, Перо Виллани почувствовал, что разозлился. Это чувство не придавало мудрости — гнев почти никогда не делает человека умным, — но справиться с ним уже не получалось. Художник бежал, спасая жизнь, в своем собственном городе. Его жизнь была нищей, полной ограничений. Та единственная картина, которой он гордился, уничтожена. Все считали, что он потерпел неудачу из-за своего неумения. Он жил среди вонючих кожаных мастерских и красилен, и от него пахло, как от них.

Это могло заставить любого человека, обладающего силой духа, хоть немного разозлиться сейчас, спасаясь бегством от преследующего его чьего-то благородного отпрыска, от которого никогда не пахло кожей (и который, вероятно, даже не нюхал кожен!).

Перо ходил этим путем всегда, когда шел в книжную лавку и возвращался из нее. Он знал этот мост, к которому бежал. И знал кое-что еще. На этом конце должна стоять пустая винная бочка: слепой нищий сидел на ней каждый день. Он узнавал людей по походке, окликал их и здоровался, рассказывал сплетни, которые слышал на мосту, если ты остановился поболтать с ним. Перо давал ему еды, когда она у него была, или мелкие монеты, если ему платили.

Нищий ночевал где-то в другом месте, сейчас его там не должно быть.

А вот бочка на месте.

Резко затормозив, Перо протянул в темноте руку, схватился за верхний обод, наклонил бочку и переставил ее на середину мощенной булыжником улицы, которая сужалась у моста. Затем, делая вид, что споткнулся, вскрикнув, пробежал мимо нее. На мосту он замедлил бег, как будто от боли, и громко выругался. Потом стал ждать. И через мгновение услышал очень приятный звук, когда преследователь врезался — на полной скорости — в винную бочку на улице.

То, что он сделал потом, тоже, наверное, не отличалось благоразумием. Ему и не хотелось быть благоразумным. У него имелись причины сердиться. Это его город, он — гражданин республики Сересса, и чьими бы ни были эти высокомерные отпрыски высокородных семей, эти ублюдки...

Он бросил свой альбом на деревянный настил и вытащил из-под плаща меч. Если они собираются его преследовать, то их станет на одного меньше. Перо никогда не учился

сражаться на мечах, сыновья художников этого не делают, да и не нужно быть искусным во всем. Клинок — это клинок.

Он побежал назад, увидел, как упавший человек схватился обеими руками за колено, вскрикнув от боли, — и тут Перо, нагнувшись, вонзил меч ему в грудь.

Клинок наткнулся на металл. Его отбросило в сторону.

Можно бояться, а потом почувствовать ужас. Это не одно и то же.

Художник не просто испугался. Если люди в доспехах ночью преследуют его, то они не воры и не аристократы, ищущие развлечений. Это был солдат или стражник.

Перо бросился бежать. Снова. Его задержка позволила отставшей паре приблизиться, но самый быстроногий лежит на земле. Он не убит, это ясно. Перо не понимал теперь, хорошо это или плохо. Он ничего не понимал.

Он оставил на мосту свой альбом (с этим ничего не поделаешь) и продолжал на бегу звать на помощь. Теперь он был в знакомом месте, пересекая по диагонали площадь перед Святилищем мучеников. Он подумал, не забежать ли туда, в надежде, что священник не спит, умолять о защите, но, к добру или к худу, продолжал бежать, стараясь оторваться от преследователей.

Теперь появился свет, он лился из знакомых художнику дешевых винных лавок. Перо узнал двух женщин на углу. Если бы его преследователи были теми, за которых он их принял изначально, он бы подошел к этим двум женщинам, повел их в питейное заведение, оказался бы в безопасности среди толпы.

Людям в доспехах все равно, подумал он. Их это не остановит.

Перо знал эти улицы и переулки; дурной запах подсказал ему, что он уже дома. Он мог бы оторваться от преследователей. Он свернул направо, на улицу кожевников, — мастерские стояли закрытыми, темными, — потом со всех ног побежал налево, по узкому зловонному переулку, потом снова выскочил с противоположного конца на маленькую грязную площадь, со всех сторон окруженную ветхими строениями, где жили многие бедные художники Серессы. В том числе и сын Вьеро Виллани, за которым сейчас гнались.

И которого ждали.

Здесь оказалось светло — гораздо светлее, чем должно было быть. Полдюжины человек в знакомых ему ливреях стояли перед домом Перо с факелами в руках. Они смотрели на него, когда он выбежал на площадь.

Он остановился, тяжело дыша.

— Что я сделал?! — закричал он. — *Что я сделал?*

Ответа не последовало. Разумеется, никакого ответа.

Молча, они подошли, окружили его и увели с собой. Аккуратный строй, хорошо обученные стражники, художник посередине. Они отобрали у него меч. Перо не сопротивлялся. Какой в этом смысл? Ему было трудно дышать, и не только потому, что он только что бежал. Он надеялся, что кто-то из его друзей наблюдает за происходящим из окна или дверного проема. На площади никого не было. И не должно было быть, раз вооруженные стражники Совета Двенадцати пришли сюда, к ним, ночью.

По-видимому, некоторые дни — или ночи — сулят сплошные неприятности, трудности, препятствия — так размышлял герцог Серессы. Он перебирал в уме образы, возникающие в связи с этим: судебные иски, сгустки засохших чернил, подгоревшая еда, наводнения, амбициозные советники, запор.

Амбициозные советники, вызывающие запор.

Эта ветреная весенняя ночь становилась одной из таких ночей. Он привык быть готовым к неожиданностям за годы своего правления, и не слишком удивился, когда понял, что стоящая перед ними женщина соображает быстрее и намного лучше понимает то, что они делают, чем стоящий рядом с ней мужчина.

По-видимому, врач привык действовать постепенно, шаг за шагом. Возможно, для врача это полезное качество, но в данный момент оно доставляет неудобства. Казалось, пытаясь понять происходящее, он застрял, как фургон с оружием на дороге после сильного дождя. (Герцогу на мгновение стало приятно, что сегодня он придумывает хотя бы отличные фразы, если не может придумать ничего другого.)

Женщина была другой. Историю ее жизни изучили, с ней дважды беседовали, и только потом завербовали на службу республике из одной уединенной обители Дочерей Джада. Она родом из аристократического семейства (из Милазии, дальше по побережью), явно умна (не слишком ли?) и достаточно резвая, если потребовалось отправить ее в одну из религиозных обителей, по обычной причине. Там она избавилась от затруднительного положения. Ребенка увезли в одну из больниц для найденышей, а потом отдали в какую-то семью.

Теперь, по-видимому, она готова ухватиться за возможность сменить созерцательную жизнь на жизнь, полную приключений. Такие женщины попадались редко и могли играть важную роль. Сересса использовала их и раньше, с различными результатами. Однако они могли и вызывать затруднения — ум и сила духа создают свои сложности.

— Почему, — спрашивала в тот момент Леонора Валери, — мы не делаем больше, имитируя наш брак?

Герцог поднял голову, снял очки и пристально посмотрел на нее. Свет, как всегда, падал на стоящих перед Советом людей. Нельзя отрицать, она очень привлекательна. Маленького роста, золотистые волосы под темно-зеленой шапочкой, хорошая улыбка. На короткий миг ему захотелось снова стать шестидесятилетним, в расцвете сил. Эта мысль его тоже позабавила. Слегка.

— О чем вы говорите? — спросил стоящий рядом с ней лекарь. — Что вы можете?..

— Я совершенно уверена, что у Республики Дубрава есть люди, наблюдающие за Серессой, так же, как и у нас есть люди в их стенах. Если кто-нибудь просто проверит записи в святилище или гражданские документы, они смогут установить, что мы поженились в тот день, который собираемся назвать. Или могут обнаружить, что не поженились. Было бы лучше, мой господин, — повернулась она к герцогу, улыбаясь ему, — если бы в бумагах наш союз получил отражение.

— Но они не станут. Мы не...

Доктор Мьюччи был недоволен. Говорили, что он хороший лекарь, проявил мужество во время последней эпидемии чумы. Он не пользовался широкой известностью, был новым человеком в Серессе, пытался открыть свою практику и завоевать репутацию. В частности,

по этой причине его и выбрали. Совет не требовал от выбранной им личности воображения. А возможно, следовало бы.

Кажется, у этой женщины воображения хватит на них двоих.

— Можно сделать так, что в документах будет отражено это радостное событие, — произнес герцог и одарил их обоих мимолетной улыбкой. — Синьора Валери совершенно права. Подробности, о которых позаботились или не позаботились с самого начала, часто определяют успех или провал еще до конца предприятия.

— Красноречиво сказано, господин герцог, — отозвалась она. Конечно, она ему льстила. И еще она была немного излишне взволнована, по его мнению. Не удивительно, принимая во внимание ту жизнь, которую она оставила позади сегодня утром.

— Мы также, естественно, заранее подготовим документы, которые расторгнут этот временный союз после вашего возвращения, и вы оба вернете себе то положение, которое занимаете сегодня — положение свободных граждан Серессы, а республика будет перед вами в долгу.

— Но это невозможно! — неожиданно твердо заявил Якопо Мьютчи. (Мужчина, привыкший решительно говорить со своими пациентами?) — Доброе имя достойной дамы будет погублено после нашего возвращения! Сначала замужем, потом не замужем, только в интересах государства?

— Но мое доброе имя и так уже погублено, доктор, — тихо заметила эта достойная дама.

Мьютчи покраснел. Это было заметно при свете свечей. Забавно.

Леонора Валери прибавила:

— Хотя, если мне будет позволено сказать, я тронута вашей добротой и тем, что вы уже заботитесь о моем благополучии. Это заставляет меня еще больше верить, что вы будете добры ко мне в нашей совместной жизни.

Один из советников кашлянул. Герцог почувствовал, что ему трудно сдержать улыбку. Лекаря Мьютчи, подумал он, вероятно, ждет интересная жизнь в Дубраве.

И снова пожалел, что уже не так молод.

Он подождал, пока все замолчали. Потом сказал решительным, закрывающим эту тему тоном:

— Мы достигли взаимопонимания, что и будет записано. Сересса благодарит вас обоих и, несомненно, проявит свою благодарность. Доктора Мьютчи пошлют в Дубраву в ответ на их просьбу прислать нового лекаря. Следует отметить, они ясно понимают, что именно в Серессе можно найти лучших врачей. Они заверили, что, как обычно, предоставят лекарю жилье и денежное вознаграждение, и в прошлом они щедро платили присланным нами лекарям. Они говорили об обычном двухлетнем сроке пребывания.

Герцог сделал глоток вина, пристально глядя на двух стоящих перед ним людей. Выражение лица Мьютчи не было особенно довольным, но и не вызывало у герцога особенной тревоги. Они собрали о нем большое количество сведений. Этот человек — способный врач из уважаемой семьи, и, по-видимому, ничего больше. Им не нужно от него ничего больше. Подчинение, компетентность и согласие жениться. Женщина играла более важную роль.

Чтобы дать это ясно понять, герцог прибавил:

— Доктор, вы понимаете, что вы там будете работать врачом по-настоящему? От вас не потребуют и вас не попросят предпринимать никаких действий, которые могли бы

повредить вашему положению в Дубраве.

— Не считая того, господин, что я представляюсь женатым человеком, хотя это не так, и моя так называемая жена будет заниматься шпионажем?

Сказано довольно резко. Возможно, они слишком поспешно вынесли суждение о возможности этого человека создавать трудности. Но Мьюччи — по мнению герцога — просто уточнял ситуацию, он не хотел никаких неприятностей. Доктор сам хотел ехать в Дубраву, лекарю такая работа обеспечивала и доход, и положение в обществе. Некоторые оставались на второй срок. Один, помнится, женился на женщине из Дубравы и намеревался остаться там. Недопонимание с его стороны и нарушение условий контракта. Его, как ни прискорбно, пришлось убить. У них в Дубраве был человек, который делал это для них, при необходимости. Совет Двенадцати так просто не покидают. Не в том случае, когда тебя выбрали на эту должность, дали ее тебе и предъявили определенные требования. Это история произошла некоторое время назад, но вряд ли Совет ее забудет: теперь посылают только женатых врачей.

Он кивнул доктору в знак согласия.

— Да, это так. Она будет делать для Серессы все, что сможет. Синьора Мьюччи, как мы теперь должны ее называть, воспользуется теми возможностями, которые даст ей ваша роль и положение в обществе, для наблюдения и бесед. С женщинами, и, возможно, с мужчинами, если сумеет это сделать без ущерба для вашего достоинства. В данный момент ничто не угрожает нам со стороны Дубравы, вы понимаете? Но можно добиться преимуществ в торговле, если понять положение их дел, и вы оба знаете еще одну причину, почему нам нужны люди в стенах их города.

— Конечно, знаем. Османы, — сказала женщина. — Дубрава платит дань великому калифу.

С ее стороны было самонадеянно отвечать вместо него, но, подумал герцог, из них двоих она была более важной персоной, а робость сослужила бы им плохую службу. Он начинал предполагать, что робость — не то качество, которое присуще Леоноре Валери.

Он жестом дал понять, что согласен с ней.

— Действительно. Дубрава посылает сведения и взятки ашаритам и торгует с ними. Как и мы, разумеется. Из их ворот в глубину материка, через Саврадию, ведет оживленная дорога. Мы живем в опасное время. Что бы мы ни узнали, что бы ни сумели узнать — это поможет обеспечить безопасность Серессы. Все это совсем просто, — произнес он в заключение.

— А если, — тихо спросил лекарь, — синьору Валери разоблачат и обвинят в сборе сведений, это будет так же просто?

— Вас вряд ли убьют, если вы это имеете в виду, — резко ответил герцог. Конечно, он сказал только половину правды. Полуправда, по его мнению, — это все, что нужно большинству людей.

Не будет публично предъявлено никакого обвинения, не будет никакого суда, никакого официального наказания, кроме того, что их отошлют домой, но несчастные случаи происходили с серессцами в Дубраве и прежде. Меньшая республика отличалась дипломатичностью, осторожностью, коварством. Она следила за дующими в мире ветрами. Она также гордилась своей свободой. История народов Саврадии и Тракезии, и всех людей в тех краях, полна насилия и борьбы за независимость, она началась еще в те времена, когда многие из них были язычниками Сарантийской империи, когда Сарантий правил миром.

Сарантий пал. Герцог помнил, как пришло известие, двадцать пять лет назад. Ощущение

конца света. Этот город теперь назвали Ашариасом, и человек, который правит там, среди садов, где молчание возведено в закон, нарушение которого карается удушением (герцог часто сам втайне мечтал об этом), хочет править всем миром. Османы и их намерения вызывали большую озабоченность всех шпионов Серессы.

— Надеюсь, меня не разоблачат, — сказала женщина, улыбаясь мужчине, женой которого она будет считаться (и с кем будет проводить ночи, подумал герцог). Она повернулась к герцогу, сидящему во главе стола. — Для меня большая честь, что Совет мне доверяет.

Может быть, она слишком уверена в себе? Интересно, сколько ей лет? Наверное, это есть в его записях.

— В наши намерения входит оказать вам эту честь, — мрачно ответил он. — Мы доверяем вам обоим. Вы соберете свои вещи и приведете в порядок дела, которые в этом нуждаются. Вас познакомят с шифрами и связными, синьора. Доктору нужно только собрать свои медицинские инструменты и попрощаться. Корабль из Дубравы, который доставит вас туда, стоит на якоре возле Арсенала. Он принадлежит одному семейству купцов. Один из их сыновей встретит вас на борту и будет сопровождать, мы об этом договорились. Они хотят отплыть побыстрее. Ждут только вас, я думаю, и, возможно, еще одного пассажира. Сейчас вы можете идти, примите благодарность Совета. Да прольет Джад свой свет на вас обоих. Вы не пожалеете, что согласились на это ради республики.

Доктор сдержанно поклонился. Невысокий, худой мужчина, редящие волосы, вид суровый для сравнительно молодого человека. Женщина присела на мраморном полу с грацией, выдающей ее высокое происхождение.

«Интересно, — вдруг подумал герцог, — кто был отцом ее ребенка?».

Он понимал, что не может с уверенностью утверждать, что они не пожалеют. Жизнь не позволяла этого сделать. Но так необходимо говорить людям, с годами он в этом убедился.

Он устал, но не мог дать другим это заметить. Только не за этим столом. Ему тоже могут грозить неприятности. Он увидел, как личный помощник у дальней двери сделал знакомый ему жест. Наконец-то.

Герцог снова надел очки и переложил лежащие перед ним бумаги. Кажется, их ждет еще одно дело сегодня ночью. Тот человек пришел — или его заставили прийти. Он не знал точно, как это случилось. В данном случае это имеет значение. Здесь может потребоваться деликатность. Он думал о том, как ему тактично повести этот разговор, как хитро направить мысли следующего посетителя в нужное русло.

— Как ваши стражники осмелились напасть на меня! Это позор! Синьоры, я свободный и честный гражданин республики!

В какой-то момент, во время слишком быстрого марша к дворцу правителя, Перо решил, что он все еще в гневе, что он прямо в ярости, и не собирался показывать свой страх. Немного помогло то, что стражники не обращались с ним грубо. Они даже позволили ему остановиться и подобрать на мосту свой альбом с рисунками.

Это хорошо, не так ли?

— Осторожно, — сказал он. — Там, впереди, бочка.

Они несли факелы и не нуждались в предупреждении. Никто не ответил, но двое из них поставили бочку на прежнее место. Значит, кто-то знал о слепом нищем.

Перо понятия не имел, что делать с этой догадкой. Он был сбит с толку, и, если честно,

он все-таки боялся. Нужно быть сумасшедшим, как отшельник в горах, чтобы не чувствовать страха. Совет Двенадцати мог арестовать любого человека вот так, ночью, и не было никакой гарантии, что знакомые ему или любящие его люди увидят его снова.

Никто из живущих людей его не любит, подумал он. Но, может, кто-то из его друзей, из тех, кто, как он надеялся, видел, как его увели, утром начнет задавать вопросы?

Почти наверняка не начнут. Серессцы, особенно бедняки, может быть, особенно бедные художники, убедились, иногда болезненным способом, что Совет Двенадцати не любит, когда ему задают вопросы или обсуждают его действия.

Сересса — формально свободная, чрезвычайно богатая, культурная, могущественная республика. О богатстве и культуре серессцев свидетельствуют их здания, площади, памятники, непрерывная деятельность возле порта и в Арсенале, где строят корабли. Они свободны от тирании короля или князя. Они избирают своих правителей (ну, самые богатые из них избирают самих себя в правители). Купцы здесь обладают статусом, которого не имеют больше нигде в мире. В Серессе легче возвыситься и приобрести влияние, несмотря на низкое происхождение, чем где бы то ни было.

Тем не менее это также таинственный, опасный, пугающий город. И дело не только в масках во время карнавала или в тумане, клубящемся вокруг. Нельзя подойти к дворцу герцога весенним утром и осведомиться о местонахождении друга-художника, которого — по неизвестной причине — увели ночью стражники.

Спросят твое имя. А тебе это ни к чему.

Стражники провели его по площади Джада к маленькой боковой двери дворца. Двое из них проводили его вверх по черной лестнице (не по Лестнице Героев с гигантскими статуями основателей Серессы, стоящими с двух сторон у ее основания).

На взгляд Перо и его друзей, два бородатых человека, изображенные здесь, возможно, и были героями, но скульптор явно им не был. Высеченные фигуры выглядели гротескными, слишком мускулистыми, имели лица, абсурдно лишённые всякого выражения. Их глаза выполнены грубо. Также предметом насмешек молодых художников стало то, что у одного из них, Серидаса, наблюдалась неполная эрекция под туникой.

Если она всегда такая, заявил один из наиболее остроумных друзей Перо как-то ночью, тогда у этого героя внизу недостает героизма, увы. Окрестные проститутки стали использовать имя «Серидас», называя им мужчину, страдающего таким же недостатком.

Все это было так забавно вспоминать. По-видимому, именно этот мир он покидал, шаг за шагом, когда они поднимались по темной лестнице. Здесь статуи отсутствовали. Сырые, каменные стены, окна-бойницы для лучников, истертые, скользкие ступени.

Идущий впереди стражник остановился, и Перо тоже. Стражник отпер дверь тяжелым ключом. Они вышли в красивый, ярко освещенный коридор с гобеленами на стенах.

Снова стражники, и еще кто-то — в очень хорошей одежде, с презрительными манерами, свойственными гражданским чиновникам высокого ранга.

— В таком виде вас вряд ли можно представить Совету, — фыркнул он, разглядывая Перо с впечатляющим для такого низенького пухлого человечка высокомерием.

— Иди в задницу, — ответил Перо.

На этом беседа закончилась.

Но он понял одну важную вещь: его хотят представить Совету Двенадцати. Ночью. Когда такое случалось, люди исчезали. Это безумие. Перо Виллани не принадлежал к людям, имеющим хоть какое-то значение.

Он попытался, совершенно безуспешно, представить себе, чего они могли бы от него хотеть. Долги отца с прошлого года? Выплачены! И Совет никогда бы не снизошел до такого пустякового дела...

Муж Читрани? Нет. Это тоже не то. Тот, если бы узнал, что произошло, просто приказал бы убить Перо, или кастрировать, или сунуть в мешок и отправить на галеру — любой способ отомстить мог прийти в голову аристократу. Но ничего подобного этому.

Чем бы это ни оказалось.

Они подошли к двойным дверям. Высокомерный чиновник еще раз бросил на Перо презрительный взгляд. Взмахнул рукой, и слуга распахнул двери. Перо Виллани вошел в палату Совета Двенадцати, в первый раз в жизни.

Он сам себе удивлялся. Он не ожидал от себя смелости в подобном месте, но он был сердит и напуган, и, по-видимому, эти эмоции могли стать причиной его неожиданного поведения.

Он быстро вошел в комнату, высоко подняв голову. Прошел мимо чиновника, который остановился для поклона. Перо не стал кланяться. Он остановился между двумя светильниками на подставках. А потом обрушился с упреками на герцога Серессы — тощего, сурового, — который сидел во главе стола, его лицо скрывалось в тени. Он вел себя агрессивно, что было совсем ему не свойственно. По крайней мере, так он всегда считал.

Когда он закончил, воцарилась тишина. В этой тишине Перо услышал, как закрылась дверь справа от него. В его воображении внезапно возникла картина, как его пытаются в подземелье, в комнате, освещенной красно-желтыми языками пламени, чтобы можно было видеть его боль и наслаждаться ею.

Лекарь Якопо Мьюччи с облегчением выходил из палаты приемов через боковую дверь. Он молча благодарил Джада, что это не та дверь в глубине зала, которая, как все знали, ведет на крытый мостик и в камеры. Женщина шла рядом с ним. Прямо рядом с ним, держа его под руку, будто они были настоящими супругами. Законными.

Он все еще никак не мог привыкнуть к этой мысли. Как и к аромату духов, которые она предпочитала, если уж говорить честно. Дочери Джада в своих приютах не пользуются духами. Они не выходят замуж. И не изображают замужних дам. Они служат богу, молятся днем и ночью. Они ухаживают за больными (получив соответствующее пожертвование, конечно). Они нараспев читают молитвы (тоже за жертвования) о душах покойных, чтобы те могли удостоиться пребывания в свете. Они дают кров молодым женщинам (неизменно состоятельным), которых нужно спрятать от посторонних глаз ради спасения чести семьи. Конечно, ходили рассказы и о деятельности другого рода в некоторых приютах, но Мьюччи никогда не принадлежал к тем мужчинам, которые любят слушать рискованные анекдоты.

Выходя из палаты, он услышал за спиной громкий, сердитый голос. Следующий посетитель Совета был, очевидно, не слишком доволен тем, что его вызвали. И с внушающей тревогу решительностью повысил голос, чтобы выразить недовольство.

— Подождите, — сказала Леонора Валери и остановилась. — Это может быть интересным!

— Это нас никак не касается! — резко возразил Мьюччи.

Она улыбнулась ему. Стройная, светловолосая, ей не откажешь в аристократичности. Полные губы. Молодая. Ароматная.

— Но я считаю, что должна развивать свои навыки в таких делах.

— А я нет, — парировал он и двинулся дальше.

Она последовала за ним — все равно дверь уже захлопнулась и они ничего не слышали. Мьюччи понятия не имел, кто тот человек, позади них. Ему было все равно.

Женщина шла с ним рядом по коридору, а потом вниз по Лестнице Героев. Она опять взяла его под руку, когда они спускались по мраморным ступенькам, как сделала бы жена.

Мьюччи еще раз украдкой бросил на нее взгляд. Теперь она опустила взгляд — то ли изображала покорность, то ли смотрела, куда ступает, то ли тайком посмеивалась. Он никак не мог определить.

Она сказала, все еще глядя вниз:

— Как вы считаете, нам с вами лучше привыкать так ходить, правда?

Он не смог придумать ответ. Он согласился явиться в Дубраву в качестве человека, женатого на женщине, которую никогда до этого дня не видел. Поразительно, как человека можно втянуть в безумное предприятие. И так быстро. Так удивительно быстро! Ему совсем не дали времени подумать. Возможно, это сделали намеренно. Герцог и Совет так стремительно насели на него, что невозможно было тщательно все обдумать. Якопо Мьюччи в своей лечебной практике, да и вообще в жизни, очень ценил возможность хорошенько подумать.

Но он нуждался в этом назначении. Конечно, нуждался. Все молодые лекари жаждали получить такое назначение. Дубрава платила лекарям необычайно щедро. Через два года можно вернуться домой с достаточным количеством денег, чтобы купить очень хороший особняк и врачебный кабинет, с репутацией знающего лекаря, которого Совет счел достойным занять эту должность за морем.

Но теперь, чтобы поехать в Дубраву, необходимо быть женатым, после того печального случая некоторое время назад.

Следовательно, по-видимому, ради предложенной ему выгодной должности, придется притвориться женатым человеком. А женщина, предназначенная ему в жены, будет выполнять задания Совета. Это опасно, несомненно, что бы ни говорил герцог. Это *не может не* быть опасным. Ему следовало отказаться. Но тогда кто-то другой сказал бы «да», проявил бы лояльность, пришел бы на помощь республике, ухватился бы за это назначение и за все хорошее, что оно сулит. У этой женщины под шапочкой русые волосы. Он снова взглянул на нее, держащую его под руку. Их поженят, нечестиво фальсифицировав супружество, освященное Джадом. Его священник дома пришел бы в ужас, если бы узнал. И его мать тоже.

Священника — и всех остальных — заставят поверить, что Якопо встретил эту женщину и скоропалительно, неожиданно, женился на ней. Это будет отражено в документах. По-видимому, она родом из Милазии. История их отношений будет повествовать о том, как он благородно спас согрешившую женщину, избавил ее от печальных обстоятельств, после того как его вызвали к ней в обитель в качестве лекаря.

Такое случалось. Не всякая девушка из аристократического семейства, родившая нежелательного ребенка, подходила для жизни в обители, и поскольку она уже не могла рассчитывать на брак в своем кругу...

Идущая рядом с ним согрешившая женщина сказала, сжимая рукой его руку выше локтя, как будто в поисках равновесия и опоры:

— Насколько я понимаю, нам предстоит провести эту ночь в вашем доме. Мне очень хочется поскорее увидеть его и узнать о вас больше, доктор Мьюччи.

Несомненно, ее пальцы крепче сжали его руку.

Столь же несомненно, доктор Якопо Мьюччи, который до этого дня и ночи вел трудолюбивую, не богатую приключениями жизнь, почувствовал, как в нем шевельнулось желание.

«Это из-за ее духов», — сказал он себе. Ароматы обладают силой. Лекари это знают. Они могут помочь при исцелении, успокоить в горе... сбить с пути праведного и совратить самых дисциплинированных мужчин.

Другие особенности этой женщины, кроме ее духов, способствовали дальнейшему совращению лекаря позже в ту же ночь, когда они добрались до дома.

Он объяснил своему слуге, когда тот открыл дверь на его стук, что сегодня женился, и уезжает на работу за границу. Нет смысла откладывать это заявление. Он представил новобрачную трем своим слугам. Они были заметно шокированы. Лучше сказать — ошеломлены. Конечно — он и сам ошеломлен. Три рта открылись, один из слуг протянул руку, чтобы опереться о стену. Мьюччи полагал, что это можно считать забавным. Леонора Валери — теперь Леонора Мьюччи — рассмеялась, но добрым смехом. Она поздоровалась со слугами, повторила их имена.

Эта ночь открывала все новые сюрпризы, подобно шелковому занавесу, раздвигающемуся во время представления. Настал момент, когда они поужинали и поднялись вместе наверх, и Якопо Мьюччи осознал, в темноте своей спальни, что почти полностью смирился с мыслью о том, что им с этой женщиной предстоит в следующие два года, в Дубраве быть мужем и женой.

Это произошло, когда она прошептала — ему показалось, с непритворным удовольствием, — лаская его член снова, возвращая его к жизни, как вели себя с ним раньше только продажные женщины:

— О! Как это очаровательно с вашей стороны, доктор!

Горе живуче. Оно может определять всю дальнейшую жизнь. Леонора постепенно поняла это в течение года. Оно может быть глубоким, как колодец, холодным, как горные озера или лесные тропинки зимой. Оно было жестче каменных стен, жестче лица ее отца.

Ребенка отобрали у нее сразу же после рождения. Она даже не помнила, видела ли его. Парня, который был его отцом, убили ее родные. С тех пор дни протекали среди Дочерей Джада, и ей было совершенно все равно, бодрствовать, или спать, солнце светит, или льет дождь, совершенно все равно.

Раньше она была девушкой, а потом молодой женщиной, сильной духом, веселой, умной. Причины ее бед? Об этом ей сказали в приюте. То же самое сказали дома. Ей необходимо научиться покорности: богу, миру. Воле ее отца, который отправил ее туда.

Ее семейство занимало высокое положение в Милазии, среди семейств самых могущественных аристократов. Величественный дворец в городе, замок у его стен, охотничий домик еще дальше. Ее отец любил охоту. Когда-то он любил брать ее с собой, гордился ее добычей. Известность ее семьи стала еще одной причиной ее бед, разумеется: семейство Валери занимало слишком высокое положение. У него были враги, которые обрадовались бы ее позору. Ее отослали на север, прочь из дома. Окончательно, навечно, пока она не умрет за этими стенами. С глаз долой, прочь из памяти.

Наверное, они всем сказали, что она уже умерла. Болезнь, сказали они, ее отправили на поиски лекаря, который сумеет ее вылечить. Говорят, что в Серессе самые лучшие врачи. Так

печально, сказали они. Любимый ребенок, пусть даже девочка.

Она никогда не узнает, где ее собственный ребенок.

Она даже не знает, девочка это или мальчик. Они действовали быстро, вытаскивая ребенка из ее тела. Кто-то другой дал ему имя, кто-то другой будет наблюдать, как он растет, смеется и плачет, видит, как сменяются луны и возвращаются времена года.

У Паоло Канавли, который тронул ее сердце и разбудил ее тело, нет могилы. Его разрубили на куски и оставили волкам у стен Милазии. Ей сообщил об этом старший брат, со злобой, когда вез в Серессу.

Больше он не сказал ей ни слова, ни в дороге, ни в самом конце. Не попросился. Почти наверняка так приказал отец. Он всегда подчинялся приказам отца. Как и все ее братья. Эриджо Валери привык, чтобы ему подчинялись, и в семье, и вне семьи. Брат привез ее к воротам обители и бросил там на дороге. Он повернулся и ускакал, по направлению к дому, к богатству, которое готовила ему жизнь.

В конце концов, она дернула за веревку и позвонила в колокол. Они ее ждали. Разумеется, ждали. Наверняка им заплатили очень большие деньги за то, чтобы они ее приняли — и чтобы она никогда не ушла отсюда. Леонора вошла, услышала, как за ней закрылись железные ворота.

Время прошло в этом месте. Ее тело росло. Ребенок родился, и его унесли. На рассвете и на закате пели молитвы. Бодрствование, сон, времена года и горе.

Совет Двенадцати прислал двух человек поговорить с ней.

Она даже не могла с уверенностью сказать, как они узнали, что она живет там. Теперь она уверена, что не была первой женщиной в этой обители, которую попросили помочь Совету. За это тоже хорошо платили. Обитель была очень богатой.

Она никогда об этом не спрашивала, но это вполне понятно, и после того визита, после их осторожных намеков, а потом и прямых вопросов, она начала размышлять о том, что в жизни имеет смысл. О выборе и о шансах, о решениях, которые следует взвесить.

Те же два человека чуть позже опять приехали из Серессы, дав ей время обдумать их предложение — а оно сулило возможность снова вернуться в мир.

Она согласилась. Покинула Дочерей Джада сегодня на рассвете. Они привели ей коня. Она из семьи Валери, она охотилась с самого детства, разумеется, она умела ездить верхом. Это они тоже знали. Один раз она оглянулась в сером тумане: каменные стены, купол святилища, колокол у ворот. Ворота уже закрылись за ней.

И поэтому сейчас, в ту же ночь, она в Серессе, вдали от того одиночества, осуждения, фальшивой святости, тисков обиды и страха. Надо быть справедливой — там не все такие, были искренне набожные женщины, добрые. Они старались, но совсем не могли ей помочь: она никогда не была озлобленной, просто ее захлестнуло горе.

И она не хочет прожить вот так всю жизнь под солнцем бога.

Ей необходимо было вырваться из тех стен. И даже если ее новый путь, предложенный этими бесконечно коварными серессцами, возможно, в конце концов еще больше опозорит ее и ее семью — по крайней мере, это все-таки будет путь. Он хоть куда-то ведет. Ее ум, ее характер будет востребован. И она не собирается потратить ни одного утра, ни часа утренней молитвы, ни мгновения мигнувшего огонька свечи на раздумья о семейной гордости, или о позоре, или о мнении отца о том, что она сделала.

Любила ли она Серессу? Республику, которой ей теперь предстоит служить? Конечно, нет. Она не уверена, что большинство серессцев ее любят, хотя, возможно, в этом она и

ошибается.

Они гордятся своей независимостью, своей республикой. Они ценят могущество, хотят защищать его и приумножать, осознают угрозы, возникающие во всем мире. Они не хуже всех остальных, говорила она себе, может быть, лучше некоторых. Она может им помочь в обмен на открытые ворота. Она это сделает, и один милосердный Джад ей судья, он все видит и понимает людское горе.

Она мысленно переносилась в этот дом, когда готовилась покинуть обитель.

А потом, так неожиданно, тот врач, жену которого она должна была изображать, оказался застенчивым, порядочным человеком. Она думала, что он, возможно, еще и добрый.

Это она была доброй к нему в ту первую ночь. Кое-чему она научилась (с удовольствием) от парня, которого любила, и который любил ее. Этим можно поделиться. То, что она делала в темноте спальни Мьюччи, было необходимо. Они должны сойти за мужа и жену, за новобрачных, и приставленные к ним в Дубраве слуги будут следить за ними и подслушивать. Но Леонора с удивлением обнаружила, что вызванная ею благодарность несет в себе удовольствие другого сорта, и позволила себе его почувствовать, принять его, как разновидность милости после мрачного года.

Солнце встанет из моря и осветит для нее новый мир. Она будет по-прежнему гадать, и в то утро, и каждое утро потом, поднимаясь с приходом божественного света, где в тот день ее ребенок, жив ли он, заботятся ли о нем, любят ли его, и позволяет ли это Джад в доброте своей.

Якопо Мьюччи, лекарь, обнаружил, что он испытал много неожиданных чувств у себя в постели ночью, рядом с женщиной, которую даже не знал еще сегодня утром, — чувств, далеко превосходящих и превышающих простое желание. Он лежал в темноте без сил, но ему не хотелось спать, и его мозг усиленно работал, перескакивая с одной мысли на другую. Так много всего произошло. Раньше он жил очень спокойно.

Он обнаружил, что вспоминает голос того, другого человека у них за спиной в палате Совета, который яростно кричал: «Как ваши стражники осмелились напасть на меня!».

Это было безрассудно. Но нужно признать, что это также демонстрировало смелость в той комнате, где трудно быть храбрым. Люди могут подняться до смелости. Эта мысль пришла в голову Мьюччи в темноте, рядом с незнакомой женщиной. Он гадал, мертв ли уже тот человек, или приближается к смерти в подземном помещении, с соответствующими орудиями. Его охватила дрожь.

Он чувствовал рядом с собой прижавшееся к нему тело женщины. Он ощущал стойкий аромат ее духов. Если он повернет голову, его лицо прикоснется к ее распущенным золотистым волосам. Он прислушался, лежа неподвижно, и по ее дыханию понял, что она не спит.

— Думаю, я понимаю, почему вы сделали это, — тихо произнес он, — почему вы приняли предложение Совета.

— Неужели, доктор? — пробормотала она через секунду. Он ее не видел, в комнате света не было.

— Может быть... или отчасти понял. Но я... я также считаю, что они не оказали вам должного внимания.

— Не оказали? Но зато вы только что это сделали, — ответила она, все так же тихо. Он слышал в ее голосе насмешку, — или притворную насмешку. Он не был уверен.

Он прочистил горло.

— Нет. Но я бы хотел это сделать, синьора, — вздох. — Есть какая-нибудь причина, по которой мы не можем пожениться утром, как положено? Я мало могу предложить женщине из благородной семьи, но я...

Пальцы прижались к его губам в темноте. Когда она заговорила, он понял, что она сдерживает слезы. В его сердце будто вонзился крючок. Он не из тех мужчин, которые часто переживают такие напряженные моменты.

— Это невозможно, — ответила она. — Но благодарю вас. Спасибо. Это такое щедрое предложение, словами не выразить. Я... совсем не ожидала этого. Но — нет, синьор. Совет может просить нас симулировать брак, просить меня поработать на них. Но, доктор, они не могут отнять власть у моего отца. Я не могу выйти замуж, если на то не будет его воли.

— Сколько вам лет? Если можно спросить.

— Зимой исполнилось девятнадцать.

Он думал, что она старше, она так хорошо владела собой. Такое бывает среди аристократок, наверное. Он редко общался с аристократами. Он начал врачебную практику недавно. Его почти не знали в Серессе. Не поэтому ли его выбрали? Он об этом не подумал. Возможно.

— А он не даст согласия? Ваш отец? Он не согласится, если я попрошу и дам подтверждение, что?..

Опять ее рука зажала ему рот. Она подержала там свои пальцы, нежно, потом убрала их.

В конце концов, он уснул. Когда он проснулся и увидел солнечный свет сквозь ставни, он был один в постели. Он нашел ее внизу: она обсуждала с его слугами (с их слугами), какие из его вещей — книги, одежду, инструменты и снадобья — следует упаковать в путешествие по морю, и как это лучше сделать.

Она приветствовала его поцелуем, как новобрачная.

* * *

Когда закрылась дверь за доктором и шпионкой, герцог Серессы обратил внимание на художника, о котором приказал все узнать заранее, а потом привести ночью.

Он собирался проявить такт. Разве уже ничего больше нельзя сделать должным образом? И именно так все происходит в том мире, где они сейчас живут?

Он устал и был раздражен, но напомнил себе, что следует проявить осторожность, чтобы не навредить их цели. Он хотел отвести больше времени на обдумывание этого предприятия, но это не всегда удается, а тут подвернулся случай, за который стоило ухватиться — если получится. Руководство страной отчасти включало в себя заблаговременное планирование; еще его успех зависел от умения реагировать на то, что подворачивалось под руку, пусть даже неожиданно.

Им был необходим человек без привязанностей, не имеющий причин отказать им — как в случае с девицей Валери и доктором. Этот молодой человек — единственный сын Вьеро Виллани — был еще одним из таких людей. С другой стороны, с самого момента своего появления здесь он ясно заявил о своем недовольстве. Если быть честным, у него имелись основания для недовольства.

— Молчите, пока вас не спросят! — прикрикнул на художника Лоренцо Арнести,

сидящий посередине, между началом и концом стола.

Арнести принадлежал к числу тех членов Совета, у которых имелись амбиции. Он не трудился их скрывать. Это его ошибка. Слишком рано для него становится столь прозрачным.

«Мы носим маски не только на карнавале».

Герцог вспомнил, как эти слова говорил его дядя. Много лет назад. Время может убежать от человека. Сейчас он поднял руку, предостерегающе приподнял палец с перстнем. Арнести бросил на него быстрый взгляд, черты его лица разгладились. Надел маску.

Герцог произнес:

— Совет приносит свои извинения за это, синьор Виллани. Есть причина, по которой ваше присутствие здесь потребовало подобных действий. Надеюсь, вы не ранены, и позвольте нам все объяснить?

— А у меня есть выбор, синьор герцог? Мне позволят сейчас повернуться и уйти?

Возможно, слишком колочий ответ после учтивого приветствия власти. Герцог позволил себе задержать на нем взгляд перед тем, как ответить. Он отметил, при свете ламп по обеим сторонам от художника, что до него дошел смысл паузы.

— Конечно, вы можете уйти. Но мы надеемся, что вам хотя бы любопытно, какое предложение мы хотим вам сделать, и вы выслушаете его перед тем, как покинете нас.

Предложение было важным словом. Если этот человек умен, он это поймет.

Он был умен, он понял. Герцог Риччи увидел, как сын Виллани опустил глаза и подождал несколько секунд, чтобы успокоиться. Плечи его чуть опустились. Он был совсем юный. Отчасти и поэтому он здесь, разумеется. Когда он снова поднял глаза, их выражение было другим.

— Предложение? — переспросил он, как и ожидалось.

Герцог Риччи подумал, что людьми в большинстве случаев несложно управлять. Просто нужно достаточно долго этим заниматься. И обладать властью, разумеется. Необходимо иметь возможность их убивать. Его дядя тоже говорил нечто подобное. Отец герцога оказался в числе убитых. Также много лет назад.

— Позвольте мне сначала сказать, — продолжал герцог, — что все члены Совета были поклонниками работ вашего отца, да приютит его Джад в свете своем. На мой взгляд, он был великим мастером, — лезть почти всегда дает эффект.

Почти всегда.

— Вы так считаете, мой господин герцог? — спросил молодой Виллани. — Великим мастером? Как жаль, что ни одна из картин такого мастера не украшает дворец герцога.

Даже спустя столько лет он испытывал удовольствие от встречи с силой духа и умом. Он предпочитал эти качества у женщин, раньше, но теперь ему все больше нравилось видеть их у мужчин. Сегодня ночью у него не было на это времени, но пробудило его интерес. Он не помнил отца этого юноши, встречался с ним пару-тройку раз, но, кажется, тот был совсем не таким.

— Но одна из его картин сейчас висит в резиденции нашего посла в Обравиче, — ответил он. — Вид на Арсенал с противоположного берега лагуны, — он был доволен тем, что вспомнил это. Сомнительно, чтобы Лоренцо Арнести вспомнил.

Сын Виллани пожал плечами.

— Я знаю эту картину. Она оказалась в числе принадлежащего ему имущества, которое вынужденно распродали после его смерти. Продана за гроши. Как я понимаю, республика

пробрела ее за те же гроши.

Герцог с трудом улыбнулся. Он снова поднял руку, так как ему показалось, что Арнести готов вмешаться, и ответил:

— Мы, серессцы, всем известны своей бережливостью при покупках. Но, синьор Виллани, я помню вашего отца добрым человеком, преданным республике. Его сын такой же?

Иногда прямые вопросы действуют лучше всего. Они также способны выбить человека из колеи. Он наблюдал за этим юношей. Здесь не дают никаких обещаний; это необходимо оценить.

— В «Дневниках» императора Родиаса Канасса, написанных в ранние годы существования империи, есть высказывание на эту тему, — сказал Перо Виллани своему правителю, ночью, в палате Совета Двенадцати.

Герцог моргнул. Потом опять улыбнулся, еще шире.

— Действительно, есть! «Сын растет рядом с деревом отца, или уходит и ищет более высокое положение вдали от него».

Он увидел, что художник, в свою очередь, поражен тем, что он знает этот отрывок. Это забавно. Забавно, что его знание классики может удивлять. Он помолчал. Это приятно, но их время ограничено.

Он произнес более жестким голосом:

— Что вы предпочитаете, Перо Виллани? Остаться вблизи или уйти от дерева?

Перо думал, что получит преимущество в их дискуссии, упомянув эту цитату. И это было несказанной глупостью, принимая во внимание то, где он находился. Преимущество в дискуссии?

Герцог был стар, он внушал восхищение и ужас. О нем ходило так много слухов. Кое-какие из них, возможно, правда. Если все правда, то он чудовище. Собственно говоря, если все это правда, то он давно уже умер, и Советом Двенадцати руководит демон из потустороннего мира.

Тем не менее его лесть, откровенно неискренняя, вызвала его раздражение. Правда, что две из картин отца республика выкупила у кредиторов, но они тогда сэкономили деньги на искусстве, а не признали мастерство художника.

Однако ему стало труднее поддерживать в себе гнев. «Предложение» — это неожиданно, и приносит облегчение. Его привели сюда, чтобы сделать ему предложение или попросить о чем-то? А почему ночью? Почему его схватили на улице?

Он заставил себя заговорить спокойно:

— Я чтил отца при жизни и чту его после смерти. Молюсь, чтобы Джад даровал ему свет. Что вам от меня нужно? — и потом, когда сам услышал эти слова, то, как резко они прозвучали, прибавил: — Чем я могу помочь Совету?

У герцога было узкое лицо в морщинах и шрамах. Трудно в тени разобрать цвет кожи, но Перо представлял себе, что она бледная, похожая на пергамент. Он снова увидел, что старик улыбается. Он не понял точно, что его позабавило. Возможно, его бравада?

— Вы бы согласились написать мой портрет? — спросил герцог Риччи. Перо с трудом удержал челюсть на месте и не открыл рот. Это потребовало усилий. Он ответил:

— Вы схватили меня ночью, чтобы попросить об этом?

— Конечно, нет! — резко ответил другой член Совета, слева от Перо.

Герцог холодно взглянул на этого человека, потом опять повернулся к Перо.

— Мой портрет предназначен для этой комнаты, его повесят среди портретов других герцогов. Вы его напишете в свое время, в качестве награды, вам заплатят восемьдесят золотых сералей, если вас устроит такая цена.

Устроит? Столько платили величайшим художникам за крупные работы. Это в десять раз больше того, что он получил от Читрани. И для этой комнаты, для палаты Совета? Официальный портрет герцога, который повесят на эти стены рядом с творениями мастеров? У Перо вдруг закружилась голова. Ему необходимо на что-то опереться или выпить.

— Откуда вы знаете мои работы? — еле выговорил он.

— Я не знаю, — откровенно ответил герцог. Он передвинул лежащие перед ним бумаги, поправил на носу очки. — Но у нас есть мнения других художников и... — он бросил взгляд на бумаги — ...одного человека по имени Сано, книготорговца, на которого вы, кажется, иногда работаете? У него есть ваши картины?

— Да, — подтвердил Перо. Он боролся с головокружением. Его собственная картина? В этой комнате? — Зачем вы собирали отзывы обо мне?

— Потому что нам нужен художник, обладающий двумя качествами.

Перо понял, что от него ждут вопроса, это напоминало обмен фразами при исполнении антифональной литании.

— И какие это качества? — спросил он.

— Он должен обладать талантом и быть молодым.

— Талантом. Да, ну... да. А почему молодым, господин мой?

Сердце его быстро билось.

— Потому что наш художник должен выглядеть слишком юным, слишком нетерпеливым, слишком стремящимся сделать карьеру, чтобы шпионить. Хотя, разумеется, он именно этим и будет заниматься.

Перо гадал, слышат ли остальные, как бьется его сердце, заполняет ли этот стук всю комнату. Он заметил, что герцог наслаждается всем этим.

— Шпионить за кем? Где?

На этот раз высокий старик во главе стола не улыбнулся. Члены Совета настороженно молчали, глядя на него. Герцог сказал:

— Нас просили прислать искусного художника. Нельзя исключить риск, но это редкая возможность для нашей республики. Нам нужен человек верный, и обладающий мужеством.

— А кто тот человек, которому нужен художник? — спросил Перо.

Сидящие вокруг стола зашевелились, они предвкушали ответ.

Герцог Риччи произнес тихим голосом, но очень четко:

— Великий Калиф Ашариаса Гурчу. Он желает, чтобы его портрет нарисовал художник с запада. Мы, в свою очередь, хотим послать ему того, кто это сделает. Синьор Виллани, вы поедете ко двору османов, ради Серессы?

Если хоть чуть-чуть повезет, и с божьего благословения, думал Драго Остая, они смогут отплыть домой утром. Ему очень этого хотелось. Однако это во многом зависело от Марина. Драго уважал владельца своего корабля, немного его боялся, но стал бы отрицать, что любит его. Он также знал, что не понимает Марина Дживо, но любой, кто утверждал, будто понимает его, лгал.

Драго был готов к отплытию. Был готов с того момента, как они вошли в лагуну Серессы и пришвартовались у причала для иностранных купцов возле Арсенала, очень рано в этом сезоне, с вином, перцем и зерном на продажу. Первый корабль с востока в конце зимы.

Ему не нравилась Сересса. Никогда не нравилась, сколько бы раз он ни приходил сюда с грузами, которые приносили таким купцам Дубравы, как семейство Дживо, большие деньги, и давали Драго работу в качестве их капитана.

Не существовало никакой скрытой причины его неприязни. Ему не нравились серессцы. Они мало кому нравились на самом деле. Бизнесом Серессы было делать деньги, а не приобретать друзей, они сами так говорили. Эти два города-государства не находились в состоянии войны — Дубрава не могла воевать с более сильной республикой. Дубрава ни с кем не воевала: таким был ее образ жизни. Война обходилась разорительно дорого, и, в любом случае, граждане Дубравы были недостаточно сильными. Они были купцами и дипломатами, наблюдателями, а не воинами. Договоры, переговоры, примирения, взятки — все это необходимо, нужно делиться сведениями с многими (еще один вид взятки). И почти бесконечная хитрость и осторожность (кто-то называл это женской внимательностью) руководили политикой дворца Правителя. Стены Дубравы никогда не страдали от ядер из катапульт или пушек, их корабли в великолепной бухте никогда не горели и не тонули.

Драго знал, что это результат разумной политики, прежде всего. А если капитан, родившийся во внутренних районах, среди людей, склонных к насилию, в дикой Саврадии, мечтает всадить меч в одного из серессцев, прикрывающего нос платком во время осмотра товаров, ну, это исключительно его мечты, не так ли?

Честно говоря, к ним здесь относились высокомерно (как и ко всем), но дела вели честно. Серессцы поклонялись деньгам. Если ты привозил им то, что они могут купить, а потом продать дороже, чем купили, тебя с радостью принимали в этой лагуне. Они будут яростно торговаться, соревнуясь друг с другом, за твой товар, особенно, если ты приплыл одним из первых, — и Драго Остая гордился тем, что привел свой корабль одним из первых. Семья Дживо хорошо заплатила ему за это.

Кроме коммерции, две республики на противоположных берегах Сересского моря объединяли вера в Джада — западная литургия и иконы, изображающие светловолосого сияющего бога, — и общий Верховный Патриарх в Родиасе.

Драго вырос в другой обстановке: в детстве, в деревенском святилище в Саврадии, он видел изображения бога темноволосого, бородатого, худого, страдающего. И еще там проповедовали ересь о любимом сыне бога.

Он не говорил о Геладикосе после того, как переехал в Дубраву мальчиком вместе с родителями, спасаясь от набегов османов. Он впервые увидел море и почувствовал — и это все решило, — что нашел свой настоящий дом, там, среди ярких кораблей, плывущих по зеленым с белыми барашками волнам гавани. Иногда что-то просто знаешь.

А твоя вера принадлежит только тебе, как и твои мечты. По крайней мере, это так, если ты помалкиваешь, и если тебя видят поющим западную литургию в святилище моряков или в торговых колониях джадитов в стране ашаритов на востоке в долгие зимние месяцы, в ожидании весны и благоприятного ветра.

Как ты молишься про себя, что шепчешь самому себе по ночам, особенно перед отплытием, никого не касается. А моряки действительно часто оставляют место в своих мыслях для Геладикоса, который погиб, промчавшись на колеснице отца слишком близко к солнцу, а потом упал в море.

Многие моряки втайне считали смерть сына жертвой, принесенной ради защиты тех, кто бороздит бескрайнее, бурное, смертельно опасное море. Именно корабль, матросы которого оплакали красоту погибшего юноши, достал его тело из волн, не так ли? Так гласит легенда.

И если ты из тех, кто живет в море, иногда не видя никаких берегов, — ну, тогда молишься всему и всем, кому только можно, правда? Возможно, Драго Остая чувствовал, что именно в море его место, но оно всегда грозит гибелью.

Когда-то восточные церковнослужители проповедовали, что доблестный сын бога погиб, потому что принес человечеству огонь. Мать Драго рассказала ему эту легенду. Этому теперь не учат, уже сотни лет. Геладикос, приносящий огонь, теперь стал ересью, даже на востоке. Тех, кто проповедует старые истины, сжигают. Драго никогда этого не понимал. Не обязательно убивать людей из-за того, что священники теперь думают иначе.

Но новое учение лучше, по его мнению, в нем больше здравого смысла: человечество не могло бы придумать оружие из металла, готовить еду, строить корабли, плавать, управлять кораблями, даже поднять из моря то наполовину смертное тело, если бы уже не умело пользоваться огнем до того, как Геладикос упал с небес.

Нет, сегодняшние молитвы на востоке (не здесь, здесь никогда) были более мудрыми: сын бога погиб в той колеснице, пытаясь приблизиться к своему отцу, чтобы просить о милости для страдающих внизу детей Джада, живущих в страдании и горе, погибающих от жестоких войн и болезней, от голода и во время родов — от многих ужасных вещей. И еще во время штормов на море.

Так до сих пор молятся многие люди в восточной Саврадии, где вырос Драго, и в Тракезии на юге, и в Москаве. Может быть, в Карше. Вероятно, и в других, неизвестных ему местах. Так пели во время литургии с Патриархом, живущим в Сарантии, до недавнего времени.

Сарантия больше нет. Теперь город принадлежит ашаритам, он захвачен победившим калифом. Мир стал другим.

Драго старался не слишком часто думать об этом: о Городе Городов в тот день, когда его стены разрушили, и ашариты хлынули в город подобно лаве вулкана, неся огонь. В мире всегда есть страдания. С этим ничего не поделаешь.

Когда-то в Саврадии были могучие леса, теперь они сильно сократились из-за потребности в строевом лесе. Говорили, что в их чаще обитали сверхъестественные силы, да и сейчас обитают.

То, чему ты поклоняешься, считал Драго Остая, должно определяться тем, где ты вырос. Как еще может человек быть ашаритом, или одним из этих странных киндатов, которые молятся лунам? Ты поклоняешься Джаду, если вырос там, где молились Джаду.

Таковыми мыслями тоже не стоит ни с кем делиться.

В данный момент его заботой было заполнить «Благословенную Игнацию» тем грузом, который они сейчас принимают на борт, так, чтобы сохранить ее устойчивость. В основном это шерстяная одежда и ткани, купленные Марином и выкрашенные за зиму в Серессе, чтобы потом продать их на востоке. Объемный груз, который необходимо тщательно разместить, хотя они делают это много лет, и в этом нет ничего особенного, всего лишь обычный порядок и предусмотрительность.

А вот Марин был не самым обычным. Второй сын в семействе. Умный, это всем известно, но не очень-то предсказуемый, как тоже всем известно. Не многие владельцы кораблей возьмут с собой сопротивляющегося капитана, например, в самый дорогой бордель в Серессе и оплатят ему ночь с самой дорогой из женщин.

Драго знал, что Марин это сделал, чтобы отпраздновать удачное плавание и наградить его за стремительный переход по морю из Хатиба на востоке в Дубраву, где они подобрали своего владельца (Марина) и поспешили дальше, в Серессу. Это было путешествие с целью «подтолкнуть сезон», оно состоялось слишком рано, и было рискованным, но у Драго возникло хорошее предчувствие насчет восточного ветра, который тогда задул, и он заметил, что фруктовые деревья уже готовы зацвести. И чтобы подкрепить свою уверенность, он спросил совета у киндатского звездочета из дома на одной узкой улочке, с которым познакомился...

Он услышал то, что ему нужно. «Благословенная Игнация» через два дня вышла из гавани Хатиба, миновав древний маяк, когда солнце встало справа от них (каждый молился по-своему).

Священнослужители Джада называли чтение судьбы по звездам ересью, магией. С другой стороны, известно, что император Родольфо держит таких людей у себя при дворе в Обравиче, уважает их за ученость. А ведь Родольфо — Священный Император джадитов, не так ли?

Идущий в море моряк ищет мудрость везде, где может, а луны и звезды каждую ночь светят над миром, и они делятся своими знаниями со всеми, кто способен их услышать.

Они сделали остановку в Кандарии, погрузили вино из их склада на острове и скоро снова вышли в море, словно полетев домой на крыльях великолепного ветра. Их корабль первым вернулся с востока в гавань Дубравы. Их приветствовали выстрелом из пушки.

За это, заявил Марин после того, как поднялся на борт, и они пересекли узкое море и пришли в Серессу (не встретив никаких пиратов из Сеньяна, слава Джаду), стоит увеличить долю капитана, и вдобавок — подарить ему женщину с шелковистой кожей в одном известном ему месте. Собственно говоря, он предложил двух таких женщин. Драго быстро отказался: даже одна сересская куртизанка, с их искушенностью, внушала ему опасение. Он ожидал, что она отнесется к нему со снисходительным презрением, раздраженная тем, что ее отправили к незнатному капитану, а не к элегантному владельцу судна.

Если это и было так, Драго ничего не заметил. Он не хотел знать, чего эта ночь стоила Марину, но знал, что будет долго ее помнить. В каком-то смысле такая женщина может навсегда разрушить твои отношения с другими женщинами.

Она даже спросила потом, потягиваясь в постели, как кошка, когда наступило утро:
— Я буду иметь удовольствие еще вас видеть, синьор?

Драго ворчливо ответил ей, натягивая сапоги. Ему хотелось вернуться на корабль. Надо было размещать товары.

— Может быть. Если я опять установлю рекорд скорости по пути из Хатиба, — ответил

он.

— Хатиб? — лениво переспросила она. У нее были рыжие волосы. Все ее тело даже сейчас оставалось открытым его взгляду, гладкое, с пышными формами. — Скажи мне, красивый капитан, чем они там торгуют этой весной?

«Даже шлюхи, — думал он, выходя из комнаты. — Все в Серессе охотятся за сведениями!»

И поэтому, как думал он позже, на следующий день, ближе к закату, в открытом море, когда они огибали береговую линию возле Милазии и направлялись к точке, где должны были повернуть на Дубраву, то, что сказал и сделал в гавани Марин, должно было не сильно его удивить.

Может быть. Однако Марин — это Марин. Он будет вас удивлять.

Утро выдалось очень ясным и солнечным, что было неудачно с точки зрения Перо Виллани в настоящий момент. Он вчера засиделся допоздна, друзья праздновали его неожиданную удачу и поднимали многочисленные тосты за его отъезд.

После того, как он дал согласие, три ночи назад в палате Совета, запрет на разглашение тайны о заказанном в Ашариасе портрете тут же сняли. О портрете даже необходимо было объявить во всеуслышание. Герцог (которого ему тоже предстояло нарисовать после возвращения!) желал сохранить в секрете только тот, первый, разговор. Если бы Перо отказался, сказали бы, что такого приглашения никогда и не было. Если бы он заговорил после отрицательного ответа, они бы это отрицали, и, возможно, его бы убили за разглашение. Никто ничего подобного ему не сказал, они были слишком благовоспитанны, но Перо знал свою республику.

Оказалось, что согласие означало путешествие ко двору османов с заданием сделать больше, чем просто написать портрет великого калифа. Изображение заказчика в западной манере требовало нескольких сеансов для набросков, возможно, даже он будет писать его с натуры (если удастся уговорить Гурчу Разрушителя позировать). У Перо Виллани появится возможность наблюдать вблизи и, может быть, даже беседовать в человеком, который захватил Сарантий.

От него ожидали, что он запомнит эти встречи и подробно доложит о них, когда вернется. Никто не произнес вслух другой вариант конца фразы: *если он вернется*.

Ему посоветовали ничего не записывать, даже шифром. Зашифрованные заметки простого художника могут вызвать подозрение. Личный секретарь герцога — во время их второй встречи он вел себя с Перо более уважительно — посоветовал ему это. Синьор Виллани может быть уверен, что османы будут подслушивать все его разговоры. Они узнают его интимные предпочтения в постели после первого же вечера с одной из женщин, которых ему будут присылать.

— Они будут присылать ко мне женщин?

— Почти наверняка, — насмешливо улыбнулся секретарь. — Но не столько ради вашего удовольствия, сколько, и это важнее, ради получения информации.

Перо помнил, что он улыбнулся при этих словах.

— Совсем как у нас, — заметил он.

Личный секретарь герцога подготовил его и в других вопросах. Ему дали понять, что это всего лишь вероятности, и не надо слишком задумываться на этот счет. Но если представится возможность...

Перо решил с самого начала выбросить это из головы. Маловероятно, чтобы такая возможность представилась, и ему этого не хотелось.

Принять решение ехать ему было нетрудно. Что его здесь удерживало? Единственное, что ждало его в Серессе, напоминало ту бочку, которую он перекатил на дорогу, чтобы устроить ловушку человеку, которого он чуть не убил. Препятствия.

Этот момент все еще тревожил его сегодня утром, несмотря на головную боль. Он не был человеком, склонным к насилию, — по крайней мере, не считал себя таким. Но в гневе он чуть было не убил человека в темноте. Если бы на стражнике не оказалось доспехов...

«Уплыть в Сарантий» — так говорили с давних времен. Один из его друзей процитировал эти слова вчера ночью, поднимая чашу с вином. Теперь они вызывали печаль, поскольку Сарантия больше не существовало. Они прежде означали, что человек меняет свою жизнь, начинает новую жизнь, преображается, подобно фигуре на древней картине или мозаике, становится чем-то иным.

«Интересно, — подумал он, — можно ли достичь той же цели, уплыв в Ашариас?» Не только в качестве поговорки, но в реальности, в той жизни, которую вел он, Перо, сын Вьеро Виллани. Он считал, что можно. Это может все изменить. Ему нужно будет хорошо нарисовать портрет, завоевать уважение калифа и его двора, запомнить все, что он увидит и услышит, и вернуться с этим домой. Если только не осуществится самая секретная, наименее вероятная часть его миссии. Он уже решил, что не будет думать об этом.

Сересса была циничной, расчетливой республикой, но она платила свои долги, как свойственно честным дельцам, чтобы в будущем пользоваться доверием. Они будут у него в долгу, если ему удастся все выполнить и вернуться. Ему заплатит калиф за портрет, а потом ему прилично заплатят за то, что он нарисует портрет герцога, когда вернется. Заказ на портрет герцога Серессы? Для палаты Совета?

Какой юноша, без жены, без семьи, без средств, отказался бы? Можно умереть от чумы и дома, так же легко, как погибнуть от какой-то случайности в дороге. Ну, может, и не так же легко, но...

Но он едет. Простым делом было предложить свою комнату другу, который делил с кем-то тесное жилье, и совсем не пришлось упаковывать одежду, так как личный секретарь взялся одеть его так, как подобает представителю Серессы. Именно им стал теперь Перо. Представителем республики, Царицы Моря. Он сказал им, что ему нужно из принадлежностей для живописи. Они ему все предоставили.

Вчера ночью Перо на минуту задержался у окна, выходящего на канал, во время затянувшейся допоздна шумной вечеринки и подумал о том, как гордились бы его родители. Он осознал, что этот шанс, это плавание, никогда бы не подвернулось, если бы был жив отец, и мысль о гордости исчезла, словно улетела в открытое окно над водой внизу, где какой-то лодочник распевал любовную песнь под двумя лунами в небе.

Теперь, приближаясь к докам, куда причаливали иностранные корабли, он увидел «Благословенную Игнацию». Люди сновали вверх и вниз по трапу и по палубе, грузили товары и складывали их. Это было торговое судно, приличных размеров. Он полагал, что оно уже приведено в порядок, и все важные приготовления уже закончены, но Перо слишком мало знал о кораблях, чтобы иметь свое мнение. Он никогда не выходил в море. Понятия не имел, относится ли он к людям, которые легко переносят качку, или его будет тошнить, и он будет зеленого цвета на протяжении всего плавания. Если подумать, возможно, было неразумно столько пить, сколько выпил он вчера ночью.

Свои вещи он сам вез по причалу в маленькой тележке. Он взял свои собственные принадлежности для живописи. Кто знает, что там есть у них в Ашариасе? У него появился слуга, выделенный Советом. По-видимому, не годится такому высокочтимому молодому художнику, каким его теперь объявили, путешествовать на восток одному. Слугу звали Томо. Это был невысокий человек с покатыми плечами, жилистый и проворный, уже не молодой. Перо ничего о нем не знал. Они впервые встретились сегодня утром.

Трудно поверить в то, что он сейчас делает. Можно мозги вывихнуть, пытаясь это понять. К тому же, голова сильно болит.

Все девушки из таверны поцеловали его на прощание, некоторые одарили пожатием между ног на удачу, а Розина отвела его к себе в комнату для более весомого подарка, за который не взяла с него денег. Это было хорошее прощание. Интересно, увидит ли он снова эту лагуну? Может, моряки всегда задают себе этот вопрос? Это почти обязательно, когда отправляешься в море, не говоря уже о дальнейшем путешествии, которое предстояло ему по суше из Дубравы в Ашариас.

Опять поговаривают о войне, османы маршируют и скачут верхом, катят свои тяжелые пушки к крепостям императора. Говорят, что их пушечный мастер — кузнец из самого Обравича. Это было бы не удивительно. Люди так поступают, пересекают границы то в одну сторону, то в другую, и меняют веру с одной на другую ради золота. Ради того, чтобы как-то жить. Верховный Патриарх требует начать священную войну. Обычные люди стараются ради самих себя и своей семьи.

Возможно, скоро османы двинутся на север и на запад. «Но конечно, — подумал Перо, — они ведь не тронут художника, которого призвал к себе великий калиф?» Он везет с собой бумаги. Они ведь дают ему защиту, неприкосновенность? Не спустят ли с солдата шкуру, или еще как-то накажут, если он нападет на человека, необходимого калифу?

Некоторые из его друзей вчера ночью высказывали такое мнение; другие с ними не соглашались (серессы всегда спорят) и предполагали, что расстояния слишком велики, а военные действия слишком разрушительны для дисциплины. Поздней ночью, с упорством, подогреваемым вином, они обсуждали вероятность того, что Перо кастрируют или прикончат по пути в Ашариас. Все согласилось, что он, возможно, уцелеет во время короткого плавания в Дубраву. Хоть это утешало.

Личный секретарь посоветовал ему присоединиться к любому каравану купцов, отправляющемуся на восток. Они должны знать дорогу, новости о войне, другие опасности. Возможно также, в Дубраве будет находиться османский чиновник, когда туда прибудет Перо. Если да, то он должен представиться этому человеку, предъявить свои документы и попросить о сопровождении. В любом случае, ему следует поступать так, как подсказывает здравый смысл.

Перо Виллани поразило, что от него ожидают здравого смысла в подобных делах. Это могло бы позабавить, но сегодня утром он не был расположен к веселью, глядя на корабль, на который ему сейчас предстояло подняться.

Солнце и правда светило слишком ярко. Его лучи слепили и сверкали, отражаясь от вод лагуны. Ветер дул с запада, гнал высокие белые облака. Наверное, такой ветер благоприятен для моряков.

Он увидел двух человек, ожидающих у трапа, ведущего на борт «Благословенной Игнации». Один — плотный, черноволосый, с обветренным лицом, с пышной бородой, в красной шапке моряка. Он наблюдал за тем, как товары вкатывают и вносят на корабль,

хриплым голосом отдавал команды.

Второй был совершенно великолепен.

Одет лучше, чем нужно для морского путешествия, очень высокий, с длинными светлыми волосами. При нем меч аристократа. Шляпу он держал в руке, поэтому его светлые волосы так и сияли в этом слишком ярком свете. Борода была модно подстрижена. Он широко улыбался, глядя на приближающегося Перо. Наверняка, у него должны быть голубые глаза, решил Перо и получил подтверждение, когда подошел к ним.

— Добро пожаловать! Вы, наверное, художник, синьор Виллани? — спросил высокий мужчина на безупречном языке Батиары. Почему-то в его голосе звучала насмешка.

— Да, Перо Виллани, — Перо поклонился. — Это ваш корабль?

— Моей семьи. Марин Дживо, навечно к вашим услугам.

— Навечно? Надеюсь, столько мне не понадобится.

Мужчина рассмеялся.

— В самом деле. За долгое время от меня можно устать, как часто говорят мои друзья. Наши люди помогут погрузить ваши вещи. Вам придется делить каюту с вашим слугой, или он будет спать на палубе. Вам решать, разумеется. Я прошу прощения, но такой порядок на борту.

— Я понимаю.

Но Перо увидел, что золотоволосый владелец судна уже смотрит мимо него, будто он уменьшился в размерах. С аристократами такое бывает. Вот тебе и «навечно к вашим услугам», подумал он. Улыбка Марина Дживо стала шире. В уголках его глаз уже появились морщинки от смеха, он не так молод, каким показался на первый взгляд. Несомненно, старше Перо. Перо заметил, что капитан — тот, плотный, — увидел эту улыбку и поморщился. Он обернулся и тоже взглянул туда.

К ним приближались мужчина и женщина, с ними двое слуг, тележка больше, чем у Перо (и вещей на ней значительно больше). Служанка, молодая девушка, держала над женщиной сине-зеленый зонтик от солнца. Перо пожалел, что у него нет такого зонтика.

«Должно быть, — догадался он, — это доктор с женой, направляющийся в Дубраву по одному из контрактов для лекарей». Мужчина выглядел спокойным и серьезным, какими всегда стараются казаться доктора. Если ты собираешься прикончить пациента, почему бы не выглядеть при этом задумчивым?

Его жена была невысокая, молоденькая, по-настоящему хорошенькая. Она держала мужа под руку. Вертела головой из стороны в сторону, ее широко раскрытые глаза рассматривали все вокруг.

Они не имели для Перо никакого значения; просто спутники в коротком путешествии до Дубравы, он почти наверняка никогда больше их не увидит.

Интересно, есть ли у доктора лекарства от морской болезни на тот случай, если она возникнет у Перо. «“Возникнет”, наверное, будет правильным словом», — подумал Перо. Некоторые его друзья посмеялись бы над этим, если бы оказались здесь, и он бы произнес это вслух.

У него за спиной Марин Дживо действительно чему-то рассмеялся.

Перо услышал, как капитан корабля пробормотал: «О, Джад!» Он оглянулся на них. Дживо широко развел руки в стороны, в одной руке он держал свою красивую шляпу.

— Добро пожаловать! — снова воскликнул он, на этот раз громче. Эти слова перекрыли гам на причале. Люди приостановили свои утренние занятия, чтобы взглянуть на них. —

Добро пожаловать! Должно быть, вы шпионы Серессы на этот год!

— О, Джад, — повторил еле слышно капитан. — О, Марин, пожалуйста!

Лекарь резко остановился, и его жена тоже, по необходимости. Остановились и слуги с тележкой. Они стояли так в десяти шагах от них. Перо охватило слабое, но неоспоримо дурное предчувствие. Это стало неожиданностью. Он снова посмотрел на судовладельца. Улыбка Марина Дживо казалась простодушной, в ней не было и намека ни на что другое, кроме удовольствия, несмотря на его слова.

На лице капитана появилось страдальческое выражение.

Доктор — его звали Мьюччи, вспомнил Перо — высвободил свою руку из руки жены и шагнул вперед один. Он не улыбался.

— Предстоит ли мне выслушивать дальнейшие оскорбления, если поднимусь на ваш корабль, синьор?

Улыбка Дживо не дрогнула.

— К вашему сведению, мы, в Дубраве, говорим «господар», а не синьор. Или «госпар», это сойдет для торговцев и им подобных.

Лекарь остался серьезным, но Перо ощущал его гнев.

— Мы не в Дубраве. У вас нецивилизованный город, или вы один такой?

— О, помилуйте. Вы оскорблены, доктор?

— Да, — хладнокровно ответил Мьюччи.

Это произвело на Перо впечатление. Он понятия не имел, как бы сам справился в такой ситуации.

— Дубрава просила лекаря, — прибавил доктор. — Я согласился исполнить просьбу. Ваши слова предполагают нечто совсем иное. Если мне не рады, то у меня нет ни малейшего желания навязываться вам, или вторгаться, как и провести два года с моей женой в городе, где нам не рады. Прошу вас, дайте мне совет. Вы — синьор Дживо, не так ли?

— Именно так, — улыбка исчезла. Марин Дживо стал таким же серьезным, как и лекарь. — Какого совета вы у меня просите, доктор?

— Якопо! Я уверена, что господар Дживо шутит, не более того, — женщина подошла, оставив свою служанку и зонтик от солнца сзади. — Шутки бывают такими разными в разных городах. Разве я не права? — она улыбалась, единственная из всех.

Несколько мгновений нерешительности. Затем Дживо ответил:

— И у разных людей, синьора Мьюччи. Вас будут называть «господарко», что означает «моя госпожа», когда мы доберемся до нашей республики. И вы абсолютно правы. Я вижу, вы женщина наблюдательная. Моих друзей часто раздражают мои шутки, я один из таких шутников.

— Я это вижу, — синьора Мьюччи кивнула в сторону капитана, на лице которого отражалось отчаяние. — Если ваш капитан также один из ваших друзей.

— Вероятно, в данный момент он так не считает, — со смехом произнес Марин Дживо. — Бросьте, доктор. Я слишком много шучу, и не всегда умно. Добро пожаловать на борт, и я обещаю, что вы останетесь довольны приемом в Дубраве.

— Могу я оставить за собой право это решать? — осведомился лекарь. Его хорошенькая жена снова взяла его под руку, увидел Перо. Он вдруг осознал, что ему все это нравится, несмотря на неугасающую головную боль.

— У нас всегда есть это право, — ответил Марин Дживо.

Мьюччи кивнул.

— Я также не сомневаюсь, что вы и ваш капитан внимательно наблюдали за Серессой, когда вели здесь торговлю, и все прошлые разы тоже. И что вы поделитесь своими мыслями друг с другом и с Советом Правителя, когда вернетесь в Дубраву. Вы будете утверждать, что это не так?

Перо увидел, что Марин Дживо может выглядеть не только легкомысленным, но и грозным. У людей высокого роста при этом есть преимущество. Купец спросил:

— Вы хотите сказать, что серессцы в Дубраве не могут не заниматься тем же?

Мьюччи энергично кивнул.

— Таково мое утверждение, да. И в других городах есть лекари — если вы не доверяете серессцам.

— Если говорить честно, доктор, весь мир не доверяет серессцам.

К своему большому удивлению, Перо увидел, как лицо Якопо Мьюччи расплылось в улыбке.

— Не без оснований, смею сказать. Что я сообщу в своем первом письме домой о купце, который доставил нас через море?

Марин Дживо снова рассмеялся. Понятно, откуда взялись его морщинки вокруг глаз. Перо подумал, что такое лицо стоит нарисовать.

— Что у него жалкое представление о забавных вещах, но он предложил гостям кандарского вина, которое берег для себя самого.

— Очень хорошо, — сказал доктор, и одновременно его жена произнесла: «Хорошо!» Они посмотрели друг на друга. Лекарь улыбнулся; женщина рассмеялась и сжала руку мужа.

Они поднялись на корабль.

Марин смотрит, как они поднимаются по трапу. В его голове возникает много мыслей. И еще он ждет Драго. Они уже давно знают друг друга, — да, капитан его друг. По крайней мере, он так считает. Он подозревает, что капитан, возможно, будет колебаться перед тем, как произнести это слово.

Драго произносит, не глядя на него, не сводя глаз с ящиков и мешков, которые проносят мимо них.

— Вам непременно надо было это делать?

Марин опять надевает шляпу на голову. Ему нравится эта шляпа. Он ее только что купил здесь. День сегодня солнечный. Не жарко, довольно сильный ветер. Хороший ветер, поэтому его капитан и подгоняет команду: он хочет поймать этот ветер до наступления вечера, если удастся.

— Что делать, Драго? — спрашивает он.

Капитан произносит ругательство. Марин хохочет.

— Зачем вам нужно все усложнять?

— Я усложняю?

— Да!

— Ты думаешь, я веду себя безответственно?

— Да.

Марин вздыхает. Доктору и его жене помогают подняться на палубу. Художник следует за ними. Он очень молод. Марин размышляет об этом, делает предварительные выводы.

— Это не так, Драго. Я хотел кое-что проверить.

Капитан поворачивается к нему, на его лице скептическое выражение.

— В самом деле?

— Да. И я проверил.

— И что вы узнали из этой проверки?

Не будет ничего плохого, если он поделится своими мыслями. Драго Остая не только лучший капитан из всех, когда-либо служивших семейству Дживо, он также умеет молчать, как статуя.

— Что доктор — не шпион, если не считать обычных вопросов, которые ему зададут по возвращении. Но у его жены собственные задачи. Я в этом почти не сомневаюсь.

Драго снова издает проклятие. В этом он изобретателен.

— И как же вы это определили?

— Я бросил им вызов и наблюдал. То, что ты назвал безответственным поведением. Гнев Мьюччи был защитным маневром. Он думал о ней. Потом она так плавно разрядила обстановку, что напряжение просто... исчезло. Ты заметил? Это было здорово. Она — более высокого происхождения, чем он, откуда-то знает придворные манеры. Родом не из Серессы, судя по ее акценту. Мы должны выяснить, откуда.

— Это она — шпионка?

— Я бы сказал, да. Конечно, в этом нет ничего необычного.

— Проклятые серессы.

Марин ухмыляется.

— Между прочим, я тебя так и не спросил — как прошла вчерашняя ночь?

Драго залился краской, большей награды и не нужно человеку за остроумную фразу. Возможно, только, если он сказал ее женщине.

Его капитан не хочет отвечать, опять поворачивается к трапу.

— Полегче с ящиками, вы! Мешки можете швырять, но не ящики! — он тянет время, без особой необходимости руководит погрузкой. Они почти закончили, и эта команда, команда Драго, знает, что делает.

Драго спрашивает, не оглядываясь:

— А тот художник?

Марин это обдумывает.

— Не наша проблема, — отвечает он.

Перо позволил слуге делить с ним каюту. Он не был хорошо воспитанным отпрыском купцов, как Марин Дживо, или члены Совета Двенадцати. И не собирался поступать, как они. Томо храпел, как выяснилось, пару раз кричал, метался на своей подстилке, но некоторые друзья Перо вели себя во сне и похуже.

Кажется, он сам хорошо переносил плавание по морю. Никакой морской болезни.

Он спал допоздна, пока они шли на юг вдоль побережья. Не торопился вставать с постели, ему нечего было делать на палубе. И поэтому получилось так, что на рассвете третьего дня его разбудили тревожные крики над головой, когда пираты из Сеньяна взяли их корабль на абордаж, как только забрезжил бледный свет.

Даница с самого начала ясно дала понять: она возьмет с собой свой лук и стрелы — и своего пса. Она никогда никуда не ходит без этого пса. Даже в рейд. Даже на абордаж торгового судна, как в этот момент, у побережья Батиары.

Да, сказала она им, Тико будет прекрасно себя чувствовать на море. На торговых кораблях часто плавают собаки. Да, она знает о морском воздухе, о соли, и что надо защищать тетиву. Она сделает все, что нужно. И по ее мнению в каждом пиратском рейде будет полезно иметь человека, умеющего обращаться с луком. И в море, и на суше. Она сказала это капитанам пиратов, когда они призвали ее, чтобы спросить, что она желает в награду за то, что сделала в бухте ночью.

Она им сказала. Если когда-нибудь был подходящий момент снова просить об этом, то это именно тот день, после того, как она привела лодку серессцев к причалу с убитыми на борту.

Даница понимала, что ее искусство стрельбы из лука и отличное зрение делают ее ценным участником боевого отряда в этом рейде — или в любом другом. Может быть, и мастерское владение кинжалами, хотя другие тоже умели хорошо ими пользоваться.

До самого момента отплытия, после того, как две военные галеры повернули и отправились домой, она до конца не верила, что ей позволят плыть с ними. Она была уверена, что разрешение отменят в последнюю, решающую минуту, прямо в гавани, либо из-за того, что священники объявят это неестественным, либо из-за того, что некоторые пираты не захотят идти в рейд вместе с женщиной.

Многие не хотели. Некоторые ясно высказывались насчет того, как лучше было бы использовать ее, по их мнению.

С другой стороны, на что она им указывала — сначала любезно, потом менее любезно, — ни один из них не убил семерых серессцев в бухте, не спас лодки от ночного поджога и не разоблачил шпиона в их рядах. Когда он сделает все это, сказала она одному из пиратов, члену семьи Михо, громогласному и вульгарному, возможно, она позволит ему подойти к ее двери, чтобы обсудить другие дела. Тогда она оценит его, сказала она, и решит.

Вокруг рассмеялись. Их разговор происходил при свидетелях.

— *Может быть, ты нажила себе врага,* — произнес дедушка внутри нее.

— *Знаю. Я поступила неправильно, жадек? Он опасен?*

— *Он дурак. Все в порядке. Другие будут уважать твою гордость.*

Вероятно, это правда. Именно так произошло в Сеньяне.

Мысленно она сказала:

— *Мы слишком часто руководствуемся гордостью, да?*

— *А чем еще можно руководствоваться?* — спросил он.

С тех пор она несколько раз думала об этом.

Может ли одна гордость толкать тебя вперед и вверх, когда ты взбираешься на борт купеческого корабля под флагом Дубравы? В ней по-прежнему жила холодная, твердая решимость отомстить, но этот рейд не имел к ней отношения. Дубрава не входила в число ее врагов. Это были первые шаги в путешествии.

Забраться на борт корабля было несложно, даже с луками и колчаном. Она заменила в темноте тетиву. Тико оказался быстрее большинства из них, прыгнул на якорную цепь, потом

по ней перебежал на палубу, будто всю жизнь этим занимался. Даница ухватилась за поручень, подтянулась, перескочила через него на палубу, и стояла там, в сером свете. Большинство пиратов оказались на палубе раньше нее. Ей нужно научиться действовать быстрее, сказала она себе. Команда корабля уже сдалась, никто не оказал сопротивления. Некоторые из сеньянцев уже спустились вниз, посмотреть, что лежит в трюме.

Она надеялась, что никто не заметит, как она испугана. Торговый корабль из Дубравы не собирался с ними сражаться, но она знала, все они знали, что им не полагалось грабить корабль джадитов, идущий из Серессы в Дубраву. Было бы трудно доказать, что это часть войны против неверных.

Не их вина, что их заперли на этой прибрежной полосе неподалеку от Серессы, не давая возможности даже торговать с островами. Если вы морите людей голодом, вы не оставляете им выбора, правда?

Именно так сказал их предводитель, которого завали Хрант Бунич, вчера вечером, когда они заметили парус и пустились за ним в погоню. Суда сеньянцев представляли собой плоскодонки с низкой осадкой, их приближение трудно заметить. На них удобно скрываться на мелководье и даже подниматься вверх по рекам, если возникает такая необходимость.

Стояла ранняя весна, а корабль из Дубравы уже добрался до Серессы и теперь возвращался домой. Если бы они захватили его раньше, по пути на север, сказал Бунич, они бы разжились добычей из ашаритских земель, и имели бы на это право — как герои границы. Они всегда так говорили. И в большинстве случаев им верили, думала Даница. Теперь это будет груз, приобретенный Дубравой у Серессы, то есть товары, проданные купцами-джадитами покупателям-джадитам, а, следовательно, им не следовало их отбирать.

— *Если повезет, часть их может оказаться товарами киндатов,* — сказал дед. — *В Серессе есть их квартал.*

— *А мы воюем с киндатами?*

Она понимала, что он пытается ее успокоить. Она заняла позицию ближе к главной мачте вместе с еще двумя пиратами, рядом с ними стоял Тико. Те двое держали в руках мечи. Даница наложила стрелу в лук, но держала его небрежно. Нет необходимости прибегать к насилию. Так говорил Бунич, и ее дед сказал ей то же самое.

— *С киндатами? Это зависит от того, кого ты слушаешь. В конце концов, они отрицают Джада. И, кроме того, после тех военных галер, вы можете захватить груз из Серессы и объявить его возмещением за то, что они с вами нечестно обошлись. Бунич, вероятно, так и сделает.*

Капитан корабля, широкоплечий мужчина с черной бородой, сейчас стоял перед Буничем. В нарастающем свете дня его лицо выражало что-то среднее между гневом и мрачным смирением.

— Самое начало весны, рано для сеньянцев выходить в эти воды, — произнес он почти дружеским тоном.

— Мы рискнули, — ответил Хрант Бунич, также небрежно. — Мы испытываем некоторую нужду, как вы, вероятно, знаете. «Игнация» тоже слишком рано вышла в эти воды, — Бунич быстро улыбнулся. — Вы из Хатиба? Зимовали там? Тогда вы быстро обернулись.

— Действительно. Кажется, я вас не знаю.

— Думаю, не знаете, — ответил Бунич. — Вы нас простите, если мы посмотрим, нет ли внизу чего-нибудь такого, что принадлежало бы еретикам, отрицающим Джада?

— Ничего такого нет, — вмешался другой мужчина, появившийся из-за спины капитана. Он был очень высоким, с аккуратной бородкой, золотистыми волосами под шляпой, отличался изысканной речью и манерами. — Там нет ничего, кроме груза джадитов. Убедитесь сами и уходите. Или поверьте моему слову. Я Марин Дживо. Это мой корабль. Вы не имеете никаких оснований находиться на борту, и все священнослужители на свете скажут то же самое, — он старается сдержать гнев, как думала Даница.

— Только не наши священнослужители, — возразил Бунич. — Наши голодали этой зимой и весной. Сересса вешала жителей островов, которые торговали с нами.

— Мы об этом слышали. Мы не серессцы. Вы им не навредите, если украдете у нас. Мы заплатили им за свой груз.

— И вы будете торговать на востоке с османами, предавая нашего бога с каждой монетой, положенной вами в карман.

Обычный аргумент Сеньяна. Даница никогда раньше не обращала особого внимания на Хранта Бунича. Она знала, что он был вожаком многих пиратских рейдов, славился хладнокровием и пользовался уважением. Сейчас он произвел на нее большое впечатление.

Высокий мужчина рассмеялся.

— А! У меня на корабле истинно верующий человек, — сказал он.

— Мы все такие, — тихо ответил Бунич. — Мы — воины Джада на границе.

— Так отправляйтесь во внутренние земли! — резко бросил Марин Дживо.

Тико зарычал. Даница жестом приказала ему замолчать. Марин Дживо бросил на них взгляд, потом опять посмотрел на Бунича.

— Сражайтесь на востоке, если армии калифа начнут войну. Ведите победоносную битву за Джада, императора и Патриарха, и оставьте в покое честных граждан! Вам ни к чему еще больше врагов! И ни один вор не может назвать себя героем, забравшись на борт чужого корабль. Никто не верит вашей лжи насчет героизма.

— Смелые слова для человека, которому грозят мечи.

— Ба! Я готов сразиться с вами один, чтобы положить конец этой глупости.

— Что? На смерть? — спросил Бунич насмешливым тоном.

— Если хотите.

По палубе пробежал ропот.

Бунич рассмеялся.

— Фехтовальщик? В юности обучались у учителя фехтования для богатых?

Высокий мужчина улыбнулся. Отбросил в сторону шляпу.

— Возможно ли это? Вожак сеньянских пиратов боится купца?

— *Сейчас же положи этому конец!* — внезапно произнес ее дед. — *Никакой схватки!*

Даница не поняла, но заставила себя оторваться от мачты и шагнуть вперед. Она сняла свою шапку, потрянула головой, рассыпав волосы. Теперь все их увидели и поняли, что она женщина.

— Я буду драться с тобой, сын богача! Оставь себе меч, у меня два кинжала. Только скажи мне, в какое место в твоём теле мне вонзить свой смертоносный кинжал.

Она опасалась того, что может сказать Бунич, и расслабилась, когда он снова рассмеялся.

— Да. Сразитесь с одной из наших женщин, госпарко Дживо! Если вы желаете драться за свой груз, давайте! Вы все застрахованы от пиратов и штормов. Думаете, мы этого не знаем?

— Понятия не имею, каков уровень невежества в Сеньяне, — ледяным тоном ответил Марин Дживо. Он пристально смотрел на Даницу. — Уверен, ваша девушка очень хорошо умеет метать кинжалы — иначе ее бы здесь не было.

Даница старалась дышать нормально. Что, если он примет ее вызов, что, если эта ситуация заставит его это сделать? Люди могут попасть в ловушку своей гордости.

Затем она увидела, как дрогнули губы купца. Он сказал, уже другим тоном:

— Собственно говоря, женщины уже наносили мне раны. По другим поводам, но рана — это рана.

По палубе «Благословенной Игнации» пронесся смех. Настроение изменилось. Облегчение. Она осознала, что никто не хотел драки и того, что могло за ней последовать. Света стало больше, птицы кружили в небе и ныряли вниз, в лучах восходящего солнца.

— *Молодец*, — голос деда.

— *Я не совсем понимаю, что я сделала.*

— *Возможно, спасла несколько жизней.*

— *И этому купцу?*

— *Может быть, потом. Если бы наши мужчины вышли из себя. Но Бунич умер бы первым, я думаю. Этот красавчик умеет обращаться с клинком, иначе не бросил бы вызов.*

— *Он бы победил вожака пиратов?* — она была поражена.

— *На мечах, в поединке? Весьма вероятно. А если бы он убил нашего вожака, тогда...*

Голос в ее голове оборвался. Он увидел то, что увидела она.

То, что последовало за этим, произошло быстро. Непонятно, кто мог бы этому помешать, и каким образом. Ее собственный поступок был реакцией на событие, а не попыткой предотвратить что-то.

В конце концов, это был ее первый пиратский рейд.

— Смотрите, что я нашел!

Марин оборачивается и видит, что это говорит один из пиратов, который толкает перед собой другого человека. Он худой и длинноносый, волосы напоминают лохматую шкуру волкодава. И он крепко держит за локоть Леонору Мьюччи, вытаскивает ее на палубу через люк, недалеко от того места, где стоит Марин. На ней только светло-голубая ночная сорочка. Волосы распущены, от этого она выглядит ужасно незащищенной.

Он понимает, что сейчас важно контролировать свой гнев. Тем не менее, его охватывает чувство стыда, которое способно породить ярость. Это его корабль, эта женщина — его гостя. Он знает, что стоящий у него за спиной Драго охвачен убийственной яростью. У корабельных капитанов личные счеты с пиратами; то, что их взяли на абордаж, уже оскорбление. Но это старый танец, и они знают его фигуры. Сеньянцам нужны деньги и товары. Никто не стремится применить насилие. Для пиратов это торговая сделка. Они занимаются бизнесом, почти так же, как он на рынке в Серессе, или как их агенты в Хатибе.

Тем не менее. Это тоже грабеж, и нападение на его собственный корабль, и ему нравится жена Мьюччи, пусть даже она наверняка шпионка. Она умна, внимательна к мужу, привлекательна.

Она выглядит скорее сердитой, чем испуганной, и это внушает ему еще большее восхищение. Ей не может нравиться, что мужчина вот так, силком, тащит ее наверх, почти раздетую. Он все еще крепко держит ее руку.

Теперь на палубе две женщины, обе производят сильное впечатление, но по-разному.

Высокая девушка из Сеньяна держит свой лук со спокойной уверенностью. Он не сомневается, что она умеет им пользоваться. Предводители сеньянцев не шутят, выбирая людей для пиратских набегов, слишком многое поставлено на карту. И Марин знает — все знают, — что пытались сделать серессцы с сеньянцами этой весной. У них это тоже вызывает гнев.

Необходимо проявить осторожность. Он бросает на Драго многозначительный взгляд через плечо. Поворачивается и говорит:

— С вашей стороны было бы проявлением доброты, если бы вы ее отпустили. Никто отсюда не уйдет.

— Доброты! — насмешливо повторяет мужчина, который вытащил Леонору Мьюччи на палубу. — Теперь мы проявляем доброту к серессцам?

— Я из Милазии, — холодно произносит она, ее голос и манеры внезапно выдают в ней аристократку. Она пытается вырваться — безрезультатно — из рук пирата. Марин, подавляя гнев, собирается сказать еще что-то, но видит, как вожак сеньянцев кивает этому человеку.

Тот, пожав плечами, отпускает женщину.

Отчасти, это влияние ее голоса, догадывается Марин. Мужчины станут это отрицать, но они испытывают инстинктивное почтение к тем, кто явно получил хорошее воспитание.

Или убивают их. Или запрашивают огромный выкуп. Таковы обычаи этого мира. А сейчас речь идет именно о выкупе.

— Ах! Прошу нас простить, достопочтенная синьора! Из Милазии, вот как? — стоящий рядом с Леонорой Мьюччи мужчина произнес эти слова голосом визгливым, как пила дровосека. И сплюнул на палубу. — Будем вдаваться в тонкости, подобно адвокатам?

— Помолчи, Кукар.

Вожак пиратов — опытный человек, понимает Марин. Он хочет получить большую прибыль от этого нападения, но не до такой степени, чтобы вызвать гнев Дубравы. Потом они уйдут, на северо-восток, на своих легких суденышках, в свои родные воды и за свои стены.

Но сейчас речь идет о выкупе за эту женщину. Наверное, было бы лучше, если бы она говорила не таким элегантным голосом. Интересно, зачем она пустила его в ход, после того, как много дней разговаривала не так, как высокородная дама. И то, что она умеет это делать, тоже интересно.

Она делает шаг в сторону от мужчины по имени Кукар, словно его близость ее оскорбляет.

— Если у вас ссора с Серессой, я вам не подхожу. Простите, что разочаровала.

Мужчина ухмыляется. Он меряет ее взглядом с головы до ног, явно наслаждается ситуацией.

— Ты еще не разочаровала меня, девочка. Мы находим другое применение тем, за кого не дают выкупа, у нас дома.

— Кукар! — предводитель пиратов еще раз повторяет его имя. Но его человек опять подходит к Леоноре и хватает ее за руку выше локтя, повыше, более интимно.

«Это жестокий человек», — думает Марин. Некоторые из них бывают жестокими. Они ведут жизнь, которая не способствует добродетели. В основном, она полна лишений, сражений и веры. Он опять смотрит на вожака, видит отвращение на его лице. Некоторые действительно считают себя героями осажденного Сеньяна. Это могло бы забавлять, но их отвaga широко известна, и они действительно постоянно сражаются с османами за

императора, или защищая фермеров и крестьян на границе. И они послали своих людей в Сарантий перед его падением, в отличие от многих городов западного мира. В том числе — Серессы. В том числе — Дубравы.

В сеньяцах и в их месте в мире нет ничего привлекательного. В данный момент Марину не хочется размышлять об этом. Ему хочется, чтобы они убрались. Он лишится части груза; ему необходимо добиться, чтобы эта часть оказалась приемлемой. И будет позором, если он позволит им забрать эту женщину.

Она не из Серессы, это поможет, но ее семья, вероятно, богата, а это плохо. Интересно, как она оказалась замужем за доктором. Лекарь и аристократка из Милазии? Это не равный брак.

Это Марин пока оставляет в стороне. Он старается примириться с переговорами о выкупе на своей палубе, о плате за то, чтобы пираты оставили ее здесь. А потом надо надеяться, что ее семья возместит убытки его семье. Это будет зависеть от многих вещей, и вряд ли можно твердо на это рассчитывать.

Но тут вся ситуация становится еще более неопределенной, потому что никто не обещает людям определенности в этой жизни, особенно в море.

Перо Виллани быстро поднялся по лестнице на палубу. Позже он удивится, зачем так торопился. Он ведь не мог никак повлиять на противостояние с пиратами.

Он уже понимал, что происходит. По палубе ходили незнакомые люди, кричали, стучали, передвигали разные предметы. Сердце его быстро билось. О пиратах на море ходили разные слухи. Сересса жила в страхе перед корсарами ашаритов с побережья ниже Эспераньи, или перед этими так называемыми героями из Сеньяна по другую сторону узкого моря. Корсары были хуже. Они брали в плен и продавали в рабство мужчин и женщин. Эти люди почти никогда не возвращались. Они жили и умирали на галерах или в землях ашаритов. Сеньянцам требовался только выкуп и товары.

А теперь они хотели еще и отомстить? Из-за этих военных галер, которые только что вернулись домой после того, как попытались уморить островитян голодом. Им не повезло, подумал Перо, что их корабль захватили сразу же после этого неудачного предприятия.

Не станет ли это и для него лично неудачным предприятием? Не закончится ли оно, не успев начаться? За него никто не заплатит выкуп, он не представляет для пиратов никакой ценности. Нужны ли им баночки с краской и блокноты для рисования? Или их портреты углем? Или, пришла ему в голову мысль, их всем известное благочестие будет оскорблено, если они узнают, что он направляется в Ашариас, чтобы написать портрет калифа за деньги и ради славы?

Наверное, лучше об этом не упоминать.

Поднявшись на палубу, он остановился возле самого дальнего люка, явно безоружный, ни для кого не представляющий угрозы. Не стоило и внимания на него обращать. Он поспешно натянул тунику и штаны, надел сапоги. Он подумал, что теперь одет гораздо лучше, чем дома. Они, возможно решат, что у него водятся деньги?

Марин Дживо, к которому он постепенно проникся восхищением, разговаривал с капитаном пиратов. Но тут вдруг возникла какая-то суэта у другого люка, и Перо увидел Леонору Мьюччи, которую грубо вытащил на палубу пират. С распущенными, непокрытыми волосами. Босую, одетую в ночную сорочку, без пояса.

Перо импульсивно шагнул вперед, потом вспомнил, кто он и где находится. С такой ситуацией художнику не справиться. Он тихо выругался. У него имелся меч, оставшийся

внизу, у слуги, но художник не очень-то умел с ним обращаться.

Мужчина, схвативший синьору Мьюччи, был тощим, угрюмым, с растрепанными волосами. Перо не собирался считать его героем. Ему было неприятно даже просто видеть, что такой человек прикасается к этой женщине. Она пыталась вырваться из его рук. Затем вожак пиратов резко окликнул мужчину по имени, и она освободилась. Она заговорила, голос ее звучал холодно и резко, — и неожиданно тоном аристократки. И, по-видимому, она родом не из Серессы.

Но это не имело значения. Перо знал достаточно, чтобы это понимать. Какое пиратам дело до места ее рождения? В ее голосе для Сеньяна звучат только деньги. Он понимал, что сейчас ей грозит опасность попасть к ним в плен. Он бросил на Марина Дживо красноречивый взгляд, призывая немедленно вмешаться. И увидел на лице судовладельца обжигающий гнев.

Однако на палубе находилось около сорока пиратов. Четыре их небольших суденышка окружили «Благословенную Игнацию», как волки окружают одинокую овечку. Они вдвое превосходили численностью их команду, и эта команда состояла из мореходов и купцов (плюс художник и доктор), а не из воинов. «Тут нужно нечто большее, чем гнев», — подумал Перо.

Но тут на палубу выскочил доктор, и погожее утро потемнело.

Это было смело, но глупо, а соединение этих двух качеств может стать причиной гибели людей — так подумала Даница. Мужчина, выбежавший на палубу «Благословенной Игнации» за спиной у Кукара и женщины, держал в руке тонкий, блестящий нож хирурга.

Он произнес, весьма повелительным тоном:

— Отпустите ее немедленно, или вам конец!

Кукар Михо стал пиратом еще в детстве. Его отец, как и дед, и целые поколения мужчин Михо, были воинами Сеньяна.

Он повернулся на этот голос. И действительно отпустил женщину. Он сделал это для того, чтобы выхватить меч и вонзить его в живот лекаря, проткнув насквозь.

Потом он вытащил клинок, повернув его, как его учили. Хлынула кровь. Рот пронзенного человека широко открылся. Он упал. Нож со стуком выпал на палубу.

Все произошло слишком быстро, слишком внезапно. Они уже перешли к обсуждению размеров выкупа, Даница была в этом уверена. Именно так Сеньян поступал с такими людьми, как эта женщина. Договаривались о выкупе и получали его тут же, на корабле. Так проще для всех, никаких писем, никаких посредников, никакого отнимающего время обмена. Они бы взяли монеты и часть груза Дубравы, и отправились домой. Успешный первый рейд весной. Деньги для города, чтобы купить еду. Товары, чтобы потом продать их на побережье...

Теперь все будет не так.

— *О, Джад! Этот ни на что не годный кретин!* — услышала она голос деда.

Она увидела, как хозяин корабля, тот высокий мужчина, рванулся вперед, хватаясь за меч. Женщина кричала. Даница взглянула на Хранта Бунича, своего вожака. Его лицо потемнело от ярости.

— Кукар! — взревел он.

Купец уже преодолел половину палубы, к Кукару, вынимая на ходу меч из ножен. Этот Кукар однажды шпионил за Даницей у стен Сеньяна, считая, что она его не видит, он был

грубым, неосторожным, глупым человеком.

Она выпустила стрелу. В него. В Кукара Михо. В своего товарища по рейду. Стрела попала ему в грудь, легко пролетев такое короткое расстояние. И убила его мгновенно. Стрела в сердце убивает мгновенно.

Он не был ее мужем. Он умер. Ее жизнь закончилась, вместе с его жизнью.

Леонора опустилась на колени возле Якопо Мьюччи, с которым познакомилась всего несколько дней назад, и который так неожиданно оказался порядочным и добрым человеком. Она сама поразилась тому, как отчаянно рыдала на палубе корабля в ярком солнечном свете.

Она увидела, что кровь пропитывает ее ночную сорочку. Мужчина, убивший ее доктора, лежал рядом с ней на спине. Он вытащил ее из маленькой комнатки внизу, схватил грубо, непристойно, она ощущала ее руку как невыносимое оскорбление. Из груди пирата торчала стрела. Его рот был открыт.

Она никак не могла перестать плакать. Якопо Мьюччи после смерти выглядел испуганным, обиженным. Он бросился спасать ее со скальпелем хирурга — против пиратов с мечами.

Это произошло так быстро, думала Леонора. У тебя была какая-то жизнь, она разворачивалась, а потом уже ее нет, и никогда больше не будет. Как справляются мужчины и женщины с такой недолговечностью? Твое существование под властью Джада может быть прочно соткано (пусть и не идеально), ты можешь плыть по весеннему морю, а затем...

Ее горе было непритворным, но они этого не могли понять. Они считали ее женщиной, которая отчаянно оплакивает мужа, лежащего перед ней. Да, это было так, но никто здесь не мог знать всех обстоятельств.

Дубрава отправит ее обратно.

Конечно, отправит. Почему бы ей захотелось остаться, по их мнению? А в Серессе? Какая польза теперь от нее Совету? Какую она теперь представляет для них ценность? Захотят ли они организовать ей фальшивый брак с другим доктором? Прodelать все это снова? Это невозможно, она уже побывала на корабле из Дубравы!

Возможно, они предложат ей стать куртизанкой на службе у государства, элегантной шлюхой, которая спит с купцами и послами и выведывает у них все, что сможет, во время постельных разговоров при свечах после утонченных удовольствий, или жестоких. А если она не согласится? Обратно, за стены Дочерей Джада на материке, куда пожелал запереть ее от всего мира отец. Леонора почти услышала лязг закрывшихся железных ворот, одинокий звон колокола.

Она не станет проституткой, она рождена не для этого. Это не ее путь. Но она также никогда не вернется за эти высокие и святые стены. (Они не оберегают святость! Нет!) И это оставляет ей небольшой выбор, подумала Леонора. Практически, никакого.

Они в открытом море. Здесь глубоко, вода холодная в самом начале года. Последнее средство. Безмолвие. Есть способы умереть и похуже. Мужчину, которого она любила, ее братья пытали, кастрировали, его тело бросили в диком лесу, не предав земле. И этот второй мужчина, который, кажется, любил ее, как это ни удивительно, умер на палубе среди чужих людей, его жизнь разрубил, закончил меч.

Ты ложишься спать вечером, просыпаешься от шума утром...

Шаги. Женщина из Сеньяна, которая убила своего собственного товарища, подошла к ним. Она наклонилась над пиратом, ухватила торчащую из его груди стрелу, повернула ее и

вытащила. Сквозь слезы Леонора подняла на нее взгляд. Женщина была высокая, юная, ее лицо ничего не выражало. Ее светлые распущенные волосы тоже спускались вдоль спины.

— Мне очень жаль, — отрывисто произнесла она. — Ему не следовало этого делать. Это была ошибка.

— *Ошибка?* — с трудом выговорила Леонора. Вытерла мокрые щеки тыльной стороной ладоней. — Это можно назвать таким словом?

— Это одно из слов, — ответила вторая женщина.

Леонора почувствовала, как охотничий пес ткнул головой в ее плечо.

— Тико, осторожнее, — сказала женщина. И прибавила: — Он вас не укусит. Думаю, он чувствует ваше горе.

— Собака чувствует? Понимаю. А как насчет тех зверей, которые убили моего мужа?

— Я уже сказала, что мне жаль. По Кукару Михо нельзя судить обо всех сеньянцах.

— Нет? Только о тех из вас, кто нападает и убивает?

— И о них тоже нельзя, — ответила женщина. — Я вас покину.

Она повернулась и зашагала прочь, туда, где Марин Дживо горячо разговаривал о чем-то с вожакom сеньянцев. Настроение на палубе изменилось. Погибли люди.

— Госпожа, вы хотите спуститься вниз?

Леонора снова подняла взгляд. Это художник, Виллани, его лицо стало поразительно бледным.

— Я помогу вам спуститься вниз, синьора.

— А мне позволят? Разве они не собираются взять меня в плен ради выкупа?

— Я, э... я думаю, что они ведут об этом переговоры. Выкуп сейчас заплатит Дубрава, или семья Дживо.

— Они торгуются за меня, пока мой муж лежит мертвый?

В это невозможно было поверить. Не считая того, что если пираты действительно захватят ее, они не получат от ее семьи никакого выкупа. Сересса, возможно, что-нибудь им предложит, из чувства стыда, чтобы соблюсти приличия. Ее представили всем в качестве жены доктора из Серессы. Рисковать разоблачением обмана им не выгодно.

— Думаю, да. Они ведут переговоры. Да, — смущенно ответил Перо Виллани. — Позвольте мне проводить вас вниз?

Там было бы спокойнее. Она могла бы остаться одна. Она перевела взгляд на море, освещенное солнцем.

— Нет, — сказала Леонора Валери, обращаясь не только к стоящему рядом мужчине, но и к себе самой. — Нет. Этого не будет.

Она встала, не обращая внимания на быстро протянутую ей руку. Снова вытерла слезы. Кровь пропитала ее сорочку от коленей до самого подола. Весенний воздух обдавал ее холодом, но это не имело значения, сейчас не имело. Она вздохнула и, высоко подняв голову, зашагала по палубе к поручням и восходящему солнцу, прочь от тесной группы мужчин, которые имели наглость определять ее цену в серебре и золоте при свете утра.

Он был готов убить этого мерзкого ублюдка из Сеньяна, который выпустил кишки доктору. Он уже шагал к нему, понимая, что это может стать приговором кораблю, всем его матросам, превратить утро в нечто такое, что не было предназначено судьбой, закончить эту встречу гибелью людей.

У пиратских рейдов есть свой ритм, свой ритуал (как и у торговых сделок). Существует

определенный процесс. Ими руководит взаимопонимание и гарантия возмещения ущерба. Обычно насилия удастся избежать. Если на корабле нет товаров или купцов ашаритов или киндатов, когда нападают пираты, можно ограничить количество того, что пиратам удастся захватить.

Но даже при этом, даже понимая это, иногда человек может счесть себя недостаточно достойным мужем, если не будет действовать, и тогда ему плевать на последствия. Увидев, как погиб доктор, Марин Дживо подумал, что для него настал именно такой момент.

Он на ходу вынимал из ножен меч. Возможно, они все, или многие из них, отправились бы в потусторонний мир, во тьму или в свет, как решит Джад, если бы стрела не убила пирата раньше, чем он до него добрался.

В воцарившейся напряженной тишине он смотрит на женщину, которая выпустила эту стрелу. На ту, которая предложила сразиться с ним на кинжалах. Она встречается с ним взглядом. Не глядя на лук, она заряжает вторую стрелу.

Марин отпускает меч обратно в ножны.

И, видя это, она кивает головой, словно высказывает ему свое одобрение. Одобрение женщины из Сеньяна! Марин Дживо обладает достаточным чувством юмора, и он допускает, что позднее он может посчитать это мгновение забавным. Может быть.

А в этот момент ничего забавного нет. Он отводит глаза и подходит к вожаку пиратов. Эту проблему необходимо решить, быстро и должным образом. Больше никто не должен лишиться жизни на корабле.

По-видимому, вожак с этим согласен. Процесс переговоров возобновляется. Они возьмут двадцать тюков тканей из трюма, резко говорит сеньянец. Марин понимает, что столько пираты даже не смогут унести. Он предлагает десять, в его голосе звучит гнев. Во время переговоров используешь все, что имеешь, — а его гнев искренний. Он видит, что сеньянцы недовольны, среди них растет напряжение. Одна из них — женщина — убила другого их товарища. Это обеспечит им приятное возвращение домой, думает Марин. Они также поймут, что убийство сересского лекаря, нанятого по контракту Дубравой, может объединить эти две республики, которые недолюбливают друг друга, в борьбе против Сеньяна.

Когда два ваших врага становятся союзниками, это всегда плохо.

Убийство Якопо Мьюччи может даже сократить помощь императора Сеньяну. Мелочи могут иметь большие последствия.

У Марина возникает одна мысль. Он оглядывается на женщину с луком. Она стоит неподалеку, широко расставив ноги для устойчивости, как это делают лучники, стрела на тетиве, волосы распущены.

Марин Дживо — один из тех людей, которые умеют сопоставлять, делать выводы. Возможно, даже вероятно, думает он, что это та самая женщина, которая...

Нет времени размышлять над этим. И это вряд ли имеет значение в данный момент.

Предводитель пиратов говорит, что они согласны взять четырнадцать тюков. И шестьсот сералей за жену доктора. Иначе она пойдет с ними.

Марин дает выход своему гневу. Он подлинный и приносит ему удовлетворение. Порядочный человек, *нужный* человек лежит мертвый у него на корабле.

Он резко отвечает:

— Вы возьмете свои товары, четырнадцать тюков, на это я согласен, и покинете нас. Вы убили ее мужа! Вы не получите ничего, кроме товаров.

— Нет, господар. При всем моем уважении, вы ошибаетесь. Вы не в силах помешать нам

поступать так, как мы захотим, и вы это знаете. Я оказываю вам большую любезность. Примите это, как любезность. Понятия не имею, что заплатит семья этой женщины за то, чтобы ее вернуть, но, несомненно, больше шести сотен. То, что произойдет, падет на вашу голову, если вы не...

— Я не считал вас глупцом. Вы хотите захватить высокородную даму из Милазии после того, как убили ее мужа, и считаете, что Святейший Патриарх и император защитят Сеньяна от гнева стран джадитов? Неужели?

Он произносит это громко. Это тактический ход. Он знает, что его слова услышат пираты, и будут встревожены, как бы хорошо они это ни скрывали.

Он продолжает наступать.

— Вы убили своего собственного человека, потому что понимаете — его поступок заслуживает проклятия Джада. Ваша задача — позаботиться о том, чтобы весь мир узнал, что вы это сознаете! А не ухудшать положение еще больше, похищая женщину, охваченную горем. Подумайте, приятель! Какое количество ненависти смогут выдержать герои Сеньяна?

Он вложил в слово «герои» явственный оттенок насмешки.

Человек, которого легко смутить, не становится вожаком пиратов. Он невозмутимо качает головой.

— Этот доктор был из Серессы. Нам простят наш гнев, учитывая то, как они поступили с нами этой весной, как мне кажется. Если возникнет необходимость, мы справимся с ненавистью мира из-за человека, которого убили по нелепой случайности. Но — шестьсот сералей за эту женщину, господар, или она пойдет с нами.

Марин переводит взгляд туда, где лежат два мертвых человека. И поэтому он собственными глазами видит тот момент, когда женщина поднимается, маленькая, золотоволосая. Кровь, пропитавшая нижнюю часть ее одежды, тревожит его. Это так неправильно.

У него есть обязанности. Перед ней, перед его кораблем, перед владельцами грузов на борту. Часто человеку нельзя вслух высказать то, что он чувствует.

— Четыреста сералей, четырнадцать тюков. Уходите. Я берусь доложить, что человек, который убил лекаря, был немедленно убит одним из ваших людей, и что вы выразили свое сожаление. Даю вам слово.

Колебание. Четыреста — намного меньше, чем они могут получить, если ее семья действительно богата, но для этого потребуется много месяцев, кораблей и гонцов, а сеньянам нужны деньги и товары, чтобы продать их и купить еду, прямо сейчас.

— Нет! — слышит Марин. Кто-то крикнул это слово. — Нет! Не надо!

Это голос женщины из Сеньяна, той, что с луком. Он быстро смотрит туда, видит то, что видит она.

И тоже кричит: «*Нет!*»

Леонора так никогда и не поймет, почему она остановилась, уже поставив одну ногу на поручни корабля, над зеленым морем внизу. Этот момент будет возвращаться к ней во сне.

Это не имело отношения к голосам, в ужасе окликающим ее. Конечно, они должны были прийти в ужас, когда увидели ее у поручней почти на носу судна, готовую сделать шаг — и полететь вниз, к свободе.

Это не имело к ним отношения. Нет, ей показалось, что она ощутила *сопротивление*, давление, силу отрицания. Как будто ей сказали, что она *не может* прыгнуть, что море —

пока еще? — не ее дом, не ее отдохновение, не ее конец.

Что-то тянуло ее назад, какой-то груз, или, может быть, это больше походило на барьер, на стену — потом она никак не могла придумать подходящий образ.

Растерянная, испуганная, она стояла у поручней, тяжело дыша. Она ведь до этого не боялась. Она была так уверена...

Она видела маленькие суденышки сеньянцев внизу, видел на волнах солнечные блики. Она взглянула вверх. Ясное утреннее небо, легкие, высокие облака, слабый бриз в парусах, чайки вокруг корабля. Яркий свет. Солнце бога на востоке, над водой, над землей, которую она не могла видеть. Она шла к этому свету.

И каким-то образом ее остановили, не дали прыгнуть за борт, вниз, в глубину.

Первым к ней подбежал капитан, плотный, бородатый, ворчливый человек по имени Драго.

— Госпожа! — крикнул он. Протянул руку, но замер, не прикоснувшись к ней.

Леонора чувствовала себя странно. Вероятно, она и выглядит странно, подумала она.

Она с трудом прочистила горло и сказала:

— Я... не сделаю этого. Думала, что сделаю. Но обнаружила, что не могу, — она и сама не знала, что хочет сказать этим «не могу». Должно быть, он ее неправильно понял.

— Возблагодарим Джада, синьора. Прошу вас. Они вас не заберут. Пираты. Вы останетесь с нами.

— Какое это имеет значение? — спросила она у него, что было нечестно.

Нечестно, потому что он не смог бы ответить на этот вопрос. Как он мог понять ее жизнь? Она была обманом на палубе его корабля, и ей некуда было идти в этом мире.

Море казалось ей местом назначения.

Торопливо подошел художник, все еще с бледным лицом, даже еще более бледным. Еще один милый человек? По-видимому, такие люди попадают. Это не имеет значения.

На этот раз Леонора позволила ему отвести себя вниз, в свою каюту. Теперь уже только ее каюту. Она закрыла тяжелую дверь и села на свою койку, ощущая покачивание корабля, как качание колыбели. Колыбели младенца. Где-то в этом мире лежит в своей колыбели младенец, таких младенцев много...

Она не плакала. Это было слишком странно, чтобы плакать.

Она думала о воде, окружающей их. Она холодная и глубокая, и была бы ответом на все вопросы.

— *Жадек, что только что произошло?*

— *Не знаю, —* голос у нее в голове звучал неуверенно.

— *Она собиралась прыгнуть за борт.*

— *Я видел. Она передумала. Страшно совершить такое.*

— *Правда? Передумала?*

Она чувствовала, что он опять заколебался.

— *Что ты имеешь в виду?*

— *Я не знаю, что я имею в виду! Но это выглядело так, или это не выглядело так, будто...*

Даница умолкла. Ее дед молчал. Он теперь тоже как-то изменился, она не понимала как. Она испугалась. Ясно, что та, другая женщина только что была готова прыгнуть в море, чтобы не стать заложницей, или чтобы не быть выкупленной за деньги — или даже чтобы не

жить без своего мужа.

В этом дело? Может ли один человек так сильно любить другого?

А когда она остановилась, уже поставив ногу на поручни, это выглядело так, будто...

Даница прекратила думать об этом. Здесь скрывалось что-то сложное, и это ее пугало.

Они заканчивали переговоры, Хрант Бунич и владелец корабля по фамилии Дживо. Даница огляделась. Она увидела, что другие пираты выглядят теперь еще более смущенными, напряженными. Подобно слишком туго натянутой тетиве лука.

Некоторых отправили вниз за товарами, которые они заберут. Четырнадцать тюков тканей. Это очень много. Если материя хорошая, они продадут ее дальше по побережью за большие деньги. Наверное, она хорошая. Ранний корабль, Дубрава должна была иметь возможность выбирать на рынке лучшее.

Потом кое-что еще стало на место в ее голове, и ее охватил новый страх. Она осознала, что некоторые пираты смотрят на нее, но отводят глаза, встречаясь с ней взглядом.

Она подошла к тому месту, куда отшвырнула шляпу. Подобрала ее и надела на голову, чтобы выглядеть больше похожей на мужчину, на парня, на обычного пирата из Сеньяна.

К тому моменту, когда она закончила заправлять под шляпу волосы, чувствуя на себе взгляды людей, рядом с которыми сидела на веслах и плыла под парусами, Даница поняла, что ее жизнь должна измениться. Прямо сейчас.

Она ощутила глухой удар сердца, словно кто-то сильно ударил в барабан.

От этого нельзя отвертеться. Она только что убила Кукара Михо, чья семья, как говорят некоторые, жила в Сеньяне с того времени, когда возвели его стены. У него пять братьев, влиятельный отец, дяди, много двоюродных братьев и сестер.

А у нее только она одна. Их семья, из трех человек — мать, дед и она — приехали в Сеньян всего десять лет назад, а теперь осталась лишь она.

Иногда ты совершаешь определенный поступок, и все меняется. Она расправила плечи. Подошла к Буничу и купцу. Они стояли, молча, и с ними капитан, переговоры были закончены, их договоренность выполнялась. Товары и золото для Сеньяна, в разумных пределах, чтобы не нарушилось равновесие мира.

Когда они подошла, они повернулись к ней.

Даница сказала, глядя на Марина Дживо:

— Вы поклялись доложить о том, что мы убили того, кто зарезал доктора, и что мы сожалеем об этом.

У него были ярко-голубые глаза.

— Да, — ответил он, — и я это сделаю. Это вы перестреляли из лука серессцев в вашей бухте?

Она проигнорировала эти слова, хотя ее удивил его вопрос. Она повернулась к Буничу. Перевела дыхание. После того, как произнесешь некоторые слова, назад дороги не будет.

— Нам необходимо, чтобы не только он один заявил об этом. Кому-то нужно отправиться в Дубраву и выразить наше сожаление.

— Что? Кто отправится туда, чтобы его повесили?

— Никто. Но я поеду, если этот человек даст гарантию, что меня не повесят.

— Почему? — спросил Бунич.

Он был умным, хорошим вожаком, и она видела, что он уже это обдумывает, что он, собственно говоря, уже понял.

— Потому что я убила Кукара, — ответила она.

— Значит, вы поплывете к нам и извинитесь, чтобы мы убедились в вашей искренности? — спросил купец. — Полагаю, это могло бы...

— Нет, — перебила его Даница. Она смотрела на Бунича, видела понимание в его глазах, и неожиданную печаль. — Нет. Я поплыву с вами потому, что меня в Сеньяне убьют его родственники. Я не могу вернуться домой.

Воцарилась тишина. Капитан корабля, полный, широкоплечий, прочистил горло.

— Никогда? — спросил он.

— Кто может сказать «никогда»? — спросила Даница.

— *Ох, детка,* — услышала она внутри себя. Она ждала этого.

— *Молчи, жадек, иначе я не смогу это сделать.*

— *Детка,* — повторил он и умолк.

Однако она ощущала его боль. И свою собственную, тяжелую, как пушечное ядро, как якорь, опускающийся все глубже в море.

Бунич сказал:

— Я замолвлю за тебя словечко дома, Даница. Ты сегодня утром предотвратила большое кровопролитие.

— В основном, с их стороны, — сказала она. — Не с нашей. Так скажут в Сеньяне. И вы знаете семейство Михо. Что бы вы ни сказали, разве их это остановит?

Она никогда раньше не видела Хранта Бунича таким печальным. Сейчас у него был именно такой вид, в конце необычайно успешного первого рейда сезона.

— Они действительно ее убьют? — спросил купец. Он смотрел на Бунича.

— Я... это вероятно, — ответил Хрант, помолчав. — Мы — жестокие люди.

— Жестокие люди, — повторил Марин Дживо ровным голосом. Потом повернулся к Данице: — Вы хотите отправиться в Дубраву и заявить перед Советом Правителя о раскаянии сеньянцев. А потом?

— А потом — понятия не имею, — ответила она.

И это было всего лишь правдой.

В тот же день, ближе к закату, похолодало. Марин стоит на носу, закутавшись в плащ от холода. Сейчас они идут на юго-восток через море, направляясь к дому, с поднятыми парусами и с попутным ветром. Всегда охватывает трепет, когда землю уже нельзя увидеть с корабля, даже в своем родном море, но они хорошо знают эти воды.

Пираты ушли на север, к Сеньяну. Они забрали с собой убитого, чтобы похоронить его дома. Под руководством Драго тело доктора Мьюччи запеленали. Его похоронят на кладбище Дубравы вне ее стен, затем эксгумируют и отправят в Серессу, если оттуда поступит такая просьба.

«Это случалось так много раз», — думает Марин. Их корабли брали на abordаж, люди погибали во время пиратских рейдов, их потери часто были гораздо больше, чем сегодня утром. Тьма ждет даже солнце, когда оно спускается вниз. Перемена и случай — так живет этот мир, а тем более те, кто обитает на спорных границах или выходит в море. А к Дубраве — их маленькой республике, зажатой между сильными государствами — относится и то, и другое. Приграничные территории и море.

«И к Сеньяну тоже», — приходит ему в голову, но он не задерживается на этой мысли. Он не питает добрых чувств к этим героям. Сегодня не питает.

— Вы намеревались с ним драться?

У нее бесшумная походка. Он оборачивается, когда женщина — ее зовут Даница Градек, он уже это знает, — походит и останавливается рядом с ним. С ней ее пес. Крупный волкодав, такого пса лучше не злить.

Он пожимает плечами.

— Это вы убили тех людей ночью этой весной?

Он не совсем понимает, почему бросает ей вызов, но не всегда знаешь, почему ты делаешь то или другое.

Она смотрит на него.

— Вам-то что до этого? Хотите меня повесить? Прямо у гавани? Или передать Серессе, чтобы они это сделали?

Из-за ветра, хлопков паруса и птичьих криков ему приходится напрягать слух, чтобы ее расслышать. Он помнит, что ее жизнь сегодня изменилась — возможно, навсегда — так же резко, как и жизнь другой женщины.

— Я дал слово, — отвечает он. — Я расскажу, что произошло, что вы сделали, как это спасло много жизней. Я поклянусь перед алтарем, когда мы сойдем на землю, если хотите.

Мужчины способны лгать перед алтарем так же легко, как в других местах.

Она смотрит в море. Сейчас впереди только море, и позади тоже. Ветер гонит белые барашки волн.

Через какое-то время он говорит:

— Когда-то я услышал от отца одно высказывание. Что мир делится на живых и мертвых, и на тех, кто в море. Он не знал, откуда оно взялось.

Она молчит. Потом, наконец, говорит:

— Если бы я не убила Кукара, и вы бы с ним стали драться...

— Я разозлился.

— Я видела.

— Драго выхватил бы свой меч, потом остальные.

— И наши люди тоже. Мы бы убили многих из вас.

— Я скажу об этом нашему Совету, Даница Градек. Почему вы?..

Птицы вокруг корабля ныряют в волны, потом выныривают, мокрые, и снова кружат. Он видит в клюве одной из них пойманную рыбу, когда птица взлетает. Нырять и взлетать, снова и снова.

— Мне нужно найти причину, почему я разрушила свою жизнь, — говорит она.

— Вы слишком молоды, чтобы так думать. Вы изменили свою жизнь. Это не одно и то же.

— Вот самонадеянный мужчина — говорите мне, что я сделала и чего не сделала.

Он улыбается:

— Ну, мы, в Дубраве, самонадеянны. Не так, как серессцы, но...

— Нет, вы не такие, как они, — она не улыбается в ответ. Говорит, глядя на море, не на него:

— С того времени, как я приехала в Сеньян, я хотела, чтобы мне позволили быть среди пиратов — только на внутренних землях, но так, как сегодня. Я хотела сражаться с османами.

«Еще одна история приграничья», — думает он. Он уже слышал такие истории. Но история каждого человека принадлежит только ему, так считает он. Интересно, кто погиб? Память о ком подталкивает и заставляет страдать эту женщину? И как она оказалась в море? Неужели они теперь берут с собой в рейд женщин?

Он задает ей этот вопрос. Почему бы и нет, на своем собственном корабле?

Она вздыхает:

— Это было наградой. Они спросили у меня, что я хочу за то, что спасла их корабли в ту ночь. Мне нужно было доказать свои способности перед тем, как я смогу отправиться на восток. Теперь этого не произойдет.

Он понимает, что она все-таки ответила на заданный им раньше вопрос. Хотя, честно говоря, всем станет это очевидно, когда они сойдут на берег. Известно, что женщина из Сеньяна убила серессцев стрелами, и женщина принимала участие в этом рейде, вооруженная луком, она убила человека стрелой...

Тем не менее.

— Спасибо, что ответили, — говорит он.

На этот раз она смотрит на него. Через минуту снова переводит взгляд на море.

Интересно, о чем она думает? Но он у нее не спрашивает. Его собственные мысли: возможно, ее убьют после того, как они доберутся до Дубравы. Или передадут Серессе, как она только что предположила.

Иногда негде спрятаться в этом мире.

Судно поднимается и опускается. Марин смотрит на ее профиль, пока она неотрывно глядит на медленно темнеющее море, и эта мысль приходит к нему, словно описывает круг и ныряет, быстро и резко.

Накануне он вскрыл одному из матросов болезненный нарыв. На рассвете он как раз осматривал этого человека в кубрике для матросов, еще один матрос светил ему фонарем. Они услышали наверху громкий шум. Оба моряка яростно выругались.

— Сеньянцы! — воскликнули они.

Никто не двинулся с места, даже когда услышали топот спускающихся сапог, и в отсеки начали вбегать люди. Матросы из Дубравы жестами велели Мьюччи оставаться с ними. Он понял, что это не тот случай, когда надо оказывать сопротивление. Он следовал их совету.

Пока не увидел Леонору, протестующую, спотыкающуюся, все еще в ночной сорочке, которую тащил за руку пират.

Нельзя запланировать каждый момент своей жизни, даже если ты из тех людей, которые стремятся быть организованными, методичными, точными.

И свою смерть тоже не планируют, как правило.

Он бросился в их каюту, схватил первый попавшийся нож, который нашел в своей сумке с инструментами, поспешно вскарабкался по перекладинам лестницы на палубу. И умер там, к своему величайшему изумлению.

Был момент невыносимой боли, резкой, раскаленной добела, когда меч вонзился в него, а потом его выдернули. Потом совсем никакой боли. Никакой, поразительно.

Его тело лежало на палубе, кровь текла из живота, его нож лежал рядом. Он был мертв, и знал это — и он это видел, видел все, *откуда-то сверху*. Он находился вне самого себя, будто парил, подобно семечку одуванчика весной. Сейчас весна. Он помнил эти парящие семена возле их дома: маленький Якопо с изумлением следил за ними.

Леонора стояла на коленях у его тела. Она рыдала. Он не хотел, чтобы она рыдала. Он не хотел быть мертвым. Это вызывало... разочарование. Якопо Мьюччи подумал, что ему все еще хочется сделать так много.

Он смотрел, как стрела убила человека, который убил его.

Он каким-то трудно представимым образом ощутил удовлетворение, видя это. Он не понимал, как он это видит. Не знал, где находится.

Казалось, он уносится все выше, поднимается над палубой, невесомый, состоящий не из вещества. Он чувствовал солнечный свет, но не слышал звуков. Он видел волны внизу, людей внизу, самого себя, лежащего внизу. «Это очень печально», — подумал он.

Мужчины что-то говорили. Купцы, пираты. Он ничего не слышал. Он видел корабли сеньянцев. Они казались очень маленькими, как они могли проделать весь этот путь через внутреннее море до западного побережья? Он гадал, кто будет скучать по нему в мире сейчас, когда его нет, и будет ли кто-нибудь скучать. Леонора Валери, некоторое время, возможно? Возможно. Она плакала рядом с его телом. Он ее видел. Он видел самого себя. Он гадал, что станет с ней теперь. Это была неприятная мысль.

Он снова поплыл в воздухе. И вспоминал те семена одуванчика, из детства.

— *Останови ее!*

Он понятия не имел, кто это произнес. У него в мыслях. Как он мог это услышать? Кто?..

— *Останови ее! Сейчас же! Она собирается прыгнуть за борт!*

Потом он увидел. Леонора поднялась, отошла от его тела и целеустремленно шагала по палубе. Мужчины внизу ее еще не заметили, или не поняли, что происходит.

За борт? Она хочет прыгнуть в море!

— *Как?* — крикнул Мьюччи (каким-то образом). — *Как мне ее остановить?*

— *Прикажи ей остановиться! Помоги мне удержать ее. Сделай что-нибудь!*

И он попытался. Он не хотел, чтобы она это сделала. *Прикажи ей?* Он позвал ее по имени, мысленно произнес его.

И увидел, как она на мгновение приостановилась, потом двинулась дальше. Увидев это, он обрел надежду, импульс, силу. Иногда, говорил он пациентам, нужно только сделать первый шаг, чтобы снова начать ходить, например, после того, как срослась сломанная кость, а потом следующие шаги будет сделать уже легче. «Сделай только этот первый шаг», — говорил он.

Он был хорошим врачом. Он это знал. И стал бы еще лучшим. В этом он тоже был уверен.

Она уже была у поручней, и теперь он видел (с большой высоты), как мужчины поворачиваются и смотрят на нее, с опозданием начиная понимать, что происходит.

— *Сделай что-нибудь!* — прозвучал резкий голос в его мыслях.

Мьюччи еще раз попытался. Он заставлял себя спуститься вниз с той высоты, где он парил. Он старался переместить то, что от него осталось здесь, в утреннем воздухе над «Благословенной Игнацией». И по милости, которую Джад дарит своим детям (можно ли говорить об этом, когда ты уже мертв?), он увидел поручни уже ближе, увидел стоящую возле них Леонору.

— *Нет, моя дорогая!* — произнес он мысленно.

Теперь он находился прямо рядом с ней, над морем, у борта корабля, и он заставил то, что осталось от него, чем бы он теперь ни был, парящий здесь и лежащий мертвым на палубе, толкнуть ее, когда она поставила одну ногу на поручень. Он чувствовал присутствие еще чего-то, у чего был резкий голос, и оно тоже толкало ее, находясь рядом с ним.

Море было внизу. У него промелькнула мысль, что если бы она прыгнула, они сегодня соединились бы в смерти, но он тут же прогнал ее от себя и еще раз произнес, внушая ей эту

МЫСЛЬ:

— *Нет, моя дорогая! Еще не время, не так.*

И он понял, что она чувствует его, или чувствует *нечто*, потому что она остановилась. Она все-таки остановилась.

Он увидел — парящий, летящий, мертвый — тот момент, когда ее босая нога вернулась на палубу. Она стояла, как корабль в полный штиль, лежащий в дрейфе, растерянная, сбита с толку.

— *Моя дорогая,* — снова произнес Мьюччи, на этот раз мягко.

Он не знал, слышит ли она его. Видел слезы в ее глазах, на ее щеках. Из-за него? Из-за своего собственного погубленного будущего?

Он не знал. Не мог знать. Он почувствовал, что опять поднимается, теперь он уже не мог сопротивляться, он плыл в воздухе (семечко одуванчика из далекого весеннего дня). Он услышал, уже более слабый голос:

— *Ты был молодцом.*

А потом, другим тоном:

— *Мне жаль.*

А затем он уже поднялся высоко, очень высоко, и продолжал подниматься, утреннее солнце оказалось уже под ним, а море и корабли так далеко внизу, а потом они исчезли, потому что он исчез.

Его не кастрировали.

Это делали в возрасте восьми или девяти лет почти со всеми мальчиками-джадитами, захваченными во время набегов. Так долго ждали для того, чтобы посмотреть, какие из них крупнее, сильнее, из кого вырастут воины. Он прошел этот отбор. Его не тронули и отправили в казармы в Мулкаре, чтобы обучить и сделать из него одного из джанни, воинов элитной пехоты калифа, да продлится вечно его правление и да будет благословенно его имя под звездами.

Теперь ему четырнадцать лет. Обычно мальчиков не зачислят в армию и не отправляют сражаться раньше шестнадцати лет, но иногда это случается, если идет большая война, на западе или на востоке, именно в тот год. Он надеялся, что его возьмут.

Обучение может вызывать скуку, одно и то же повторяется без конца, но он никогда не жаловался, как некоторые другие. Он понимал, что именно в этом состоит обучение, в бесконечном повторении, чтобы не пришлось задумываться в реальном бою — ты просто делаешь то, что должен. Он понимал, что это путь к продвижению вверх. Возможный путь. Не каждый поднимается на следующую ступеньку, к более высокому рангу, напоминал им Касим на занятиях. Ты все равно продолжишь жить, даже в этом случае. У тебя все равно есть жизнь.

Однако человеку нужно больше, чем просто продолжать жить. Он хотел оказаться на поле боя, завоевать славу, чтобы его имя привлекло внимание (мечтать не возбраняется, не так ли?) сердаров, и даже калифа в Ашариасе, как имя бесстрашного воина, истребителя неверных.

Его звали Дамаз. Его не всегда так звали, но ему было четыре года, когда его забрали и дали ему новое имя, и он теперь не мог вспомнить свое джадитское имя.

Все джанни, без исключения, родились джадитами — их захватили маленькими детьми во время набегов и воспитали в истинной вере Ашара. Они всем были обязаны калифу — жизнями, шансом на богатство, надеждой на рай. Это хороший способ создать в армии ядро, преданное калифу.

Иногда по ночам, во сне, ему казалось, что он вот-вот вспомнит фрагменты своего детства, всплывали какие-то лица и имена, но такие сны снились редко, их заполняли картины пожаров, и ему вовсе не нужно было вспоминать подобные вещи. Какой в этом смысл? Его жизнь теперь здесь, и разве она могла бы быть лучше в какой-то деревне на приграничных землях?

Джанни — даже самые юные — были главной военной силой в Мулкаре, гарнизонном городе к югу от дороги между Ашариасом и побережьем Саврадии. Очевидно, когда-то Мулкар тоже носил другое название. Дамаз его не знал. Наверное, он мог спросить об этом у Касима, тот знал такие вещи.

В своих зеленых кафтанах и высоких сапогах, и в характерных высоких шапках с плюмажем своего полка, джанни вышагивали по городу так, словно правили им. Разумеется, в нем был правитель. Он не хотел их сердить. Ни один мужчина не хотел рассердить джанни, ни одна женщина не отказывала ни одному из них, даже мальчикам-ученикам, — хотя тебе грозила кастрация и даже смертная казнь, если ты обидишь высокопоставленную или благородную женщину, поэтому их следовало избегать.

Джанни устраивали парады и учения в полках, сражались друг с другом на копьях и саблях, практиковались в стрельбе из лука. По многу дней обходились без пищи. Выходили строем за стены города, и зимой тоже, выслеживали волков и медведей в снегу и убивали их, если находили. Им приходилось ночевать вне городских стен, если они не находили добычу сразу. Некоторые терпеть не могли жестокий зимний холод. Дамаза холод не беспокоил, однако ждать мальчик не любил. Все эти задержки... В нем все время жило ощущение, что время проносится мимо него. Он не мог бы объяснить, почему так спешит.

Наверное, у него когда-то была семья, но их лица не сохранились в его памяти. Он полагал, что их убили во время того набега, когда его освободили и дали возможность приехать сюда и обучаться в рядах джанни.

Он питал некоторое отвращение к кострам, но он умел его подавлять, и считал, что его никто не заметил. Опасно позволять другим видеть твои слабости.

Сегодня утром они выполняли маневры, маршируя прямо и делая повороты под непрерывным дождем. Дождь был сильным. Если армии предстоит выступить к крепости Воберг на севере, им необходимы достаточно хорошие дороги (и не вышедшие из берегов реки), чтобы большие пушки для разрушения стен не увязали в грязи.

Только дождь, гласила пословица, может сорвать планы великого калифа. Ведь дождь скрывает звезды Ашара. Он также скрывает солнце и луны неверных джадитов и киндатов, но это не имеет значения.

В любом случае, Дамаза не возьмут в армию в этом году. Славные победы будут не его победами.

После тренировки дождь ослабел. Он вышел из казармы на базарную площадь города, чтобы купить миску ячменной похлебки в лавке у киндатов. Некоторые неверные готовят вкусную еду, это приходится признать. Для них есть место среди рожденных под звездами. Щедрый калиф терпит неверных на всех своих землях. Они платят налог, чтобы молиться кому пожелают, и на эти налоги содержат солдат, льют пушки и сажают сады в Ашариасе. Это тоже объяснил Касим.

Когда по городу разнесся звон колоколов, призывающих на полуденную молитву, Дамаз дошел до ближайшего храма, чтобы не возвращаться в казармы. Он оставил сапоги и шапку у двери и опустился на колени, молясь Ашару и богу, который послал ему видения под звездами пустыни. На куполе храма были нарисованы звезды, как всегда. В самых богатых храмах их делали из металла и подвешивали на цепочках.

Здесь был молодой ваджи, моложе прежнего. С более редкой бородой и пронзительным голосом, которым нараспев читал молитвы. Дамаз и не думал о нем до вечера этого дня.

Именно тогда, на тренировочном плацу, после отработки боя на саблях (он мастерски владел саблей, лучше большинства учащихся, и быстрее) он услышал, как Кочы рассказывал своим друзьям — прихвостням, если правильнее выразиться, — о том, будто новый ваджи в базарном храме сделал ему непристойное предложение вчера вечером после молитвы на закате, и что он, Кочы, не собирается принимать подобные предложения ни от кого, не говоря уже о лживом порочном человеке, делающем вид, будто он свято служит Ашару.

Отношения между мужчинами и мальчиками среди джанни не были такой уж редкостью. Дружба с нужным командиром послужила ключом к повышению многих молодых людей. К Дамазу никогда не подходил ни один начальник; он был слишком крупным, себе на уме, недостаточно миловидным, с веснушчатым лицом. Но он знал — они все знали, — что если предложение исходит от мужчины, не имеющего отношения к их

полку, — это оскорбление. А молодой ваджи, новичок в гарнизонном городе, не имел никакого положения в обществе. Он мог бы защитить себя своим благочестием, но ему необходимо действительно быть благочестивым и иметь друзей.

И все же Дамаз чувствовал, что тут что-то не так — в эту историю было трудно поверить. Ваджи действительно только что прибыл к ним. Мог ли он проявить подобное безрассудство? Кочы мог сразу же донести на этого человека, прямо в храме. Он мог обратиться к командиру полка или к одному из полковых ваджи здесь, в казармах.

Дамаз на занятиях по географии и истории пребывал в задумчивости. Занятия проходили всегда ближе к вечеру, после того, как юноши израсходовали все силы на учениях и были в состоянии (иногда) лишь сидеть и слушать. Занятия вел Касим. Когда-то он был командиром, которого взяли в плен и изувечили джадиты, когда он выехал на разведку впереди армии. Эти варвары отрезали ему нос и послали Касима на галеры, чтобы работал веслами, пока не умрет.

Вместо этого он сбежал, как умеет и должен поступать способный джанни. Каким-то чудом ему удалось вернуться обратно. Он мало рассказывал об этом, даже когда мальчики его спрашивали, а они, конечно, спрашивали. Чтобы скрыть отрезанный нос, он носил серебряную накладку, закрепленную шелковыми завязками на затылке.

Это был, принимая во внимание ту жизнь, которую он вел, вдумчивый, сдержанный человек. Джанни устроили его на должность учителя в Мулкаре. Полагалось, чтобы все они умели читать и писать на двух или трех языках, но занятия историей и географией были добровольными после того, как тебе исполнилось двенадцать лет. Дамаз никогда не пропускал их, кроме тех случаев, когда ученики уходили в поход за городские стены.

Они все умели говорить на современном языке Тракезии, но под руководством Касима некоторые из юных джанни учились читать произведения граждан древних городов-государств к югу от них. Читали стихи, пьесы, он даже давал им разбирать медицинские трактаты. Многие из того, что их врачи умели сегодня, явно пришло из Тракезии в расцвете ее славы, две тысячи лет назад.

Тогда Ашар еще не родился, к нему еще не пришло озарение ночью в пустыне. Не существовало ни звездопоклонников, ни джадитов. Киндаты с их лунами, наверное, уже существовали, вместе с другими странными верованиями востока, а боги Тракезии и Саврадии (где был расположен Мулкар) представляли собой непонятный конгломерат самых разных божественных сил.

Обычно Дамаз получал удовольствие от уроков Касима, ему нравилось наблюдать, как младшие ребята старались казаться внимательными и не дремать, он вспоминал себя в этом возрасте, но сегодня он был рассеян. Касим несколько раз бросал на него вопросительные взгляды, но ничего не сказал. Он был из тех учителей, которые ждут, когда ученики сами подойдут к ним.

Дамаз этого не сделал. Мог бы подойти, но не подошел. Вместо этого, когда урок закончился и все они вышли под вечернее небо, затянутое облаками, он совершил безрассудный поступок за час до того, как их призвали на молитву.

Не так-то просто шпионить за спальней другого полка. Во-первых, там находятся вперемешку солдаты, командиры и ученики, и подразделения напряженно, даже яростно соперничают за первенство и признание. Нечего и думать о том, чтобы постоять у окна и послушать.

И все же Кочы отличался хвастливостью и тщеславием, и из всех ровесников он,

несомненно, был одним из соперников Дамаза в получении более высокого ранга. Каждую весну один, а иногда и два, четырнадцати- или шестнадцатилетних мальчика могут (никаких обещаний, никогда) быть зачислены в армию и отправиться на войну, где добывают славу. Там можно завоевать себе лучшую жизнь, убивая неверных.

Поэтому Дамаз, наверное, признался бы, если бы ответа потребовал кто-то вроде Касима, что у него были свои собственные причины поступить так в сумерках, в конце дня, когда ветерок шевелил первые листочки деревьев. Он прошел к казарме третьего полка — полка Кочы — и двинулся по широкой дороге к задней стене.

Там он хладнокровно огляделся, убедился, что он один, и взобрался на крышу. Залезть по стене наверх было совсем несложно.

На крыше любого из здешних строений — они все это знали — можно было пристроиться возле одного из дымоходов, и если в печах не было огня и не шел дым, пригнуться и послушать, о чем говорят внутри. Он двигался очень тихо. Комната внизу была почти пустой, но не совсем пустой. Возле второго дымохода он услышал голос Кочы почти прямо под собой, тот разговаривал с несколькими другими парнями. Похоже, что разговаривали четыре человека.

Для такого дела необходимо терпение и удача. Иногда, рассказывали им, шпиону во время войны приходилось оставаться на одном месте несколько дней, зная, что если он издаст хоть один звук, он может погибнуть. Ты облегался, не сходя с места, и надеялся, что запах не выдаст тебя. А если ты был голоден, то оставался голодным.

Ему не пришлось ждать слишком долго. Они говорили о девушках, о некоторых оскорбительно. Один хвастал, что одна из киндатских девушек улыбнулась ему. Кочы ясно дал понять, что если такую девушку не уложить в постель через день или два, то это позор для мужчины, которому она улыбнулась.

— А если тебе улыбается ваджи? — лукаво спросил один из других парней.

— В задницу его, — резко ответил Кочы.

— О, неужели? — в голосе четвертого звучала насмешка. Раздался смех.

Кочы еще раз выругался.

— Сам увидишь, — сказал он. — Мы с ним разделаемся сегодня вечером.

— Он действительно предложил тебе переспать с ним?

— Конечно, нет. Он бы не посмел. Просто он мне не нравится.

Дамаз на крыше заморгал. Он не шевелился.

— Он же ваджи! — снова произнес четвертый голос, насмешку в нем сменило сомнение.

[Купить полную версию книги](#)